

ОТЗЫВЫ
О
ПУШКИНѢ
съ юга Россіи.

Въ воспоминаніе пятидесятилѣтія со дня смерти поэта

29-го Января 1887

собралъ

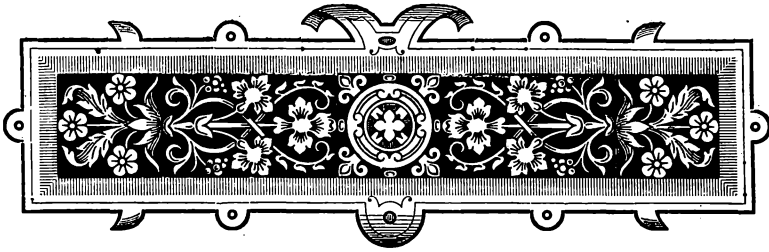
В. А. ЯКОВЛЕВЪ.

ОДЕССА.

Типографія П. Францова, Пушкинская № 20.

1887.

Дозволено цензурою. Одесса, 20 января 1887 г.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Предлагаемая книга состоитъ изъ собранія статей о жизни Пушкина на югѣ Россіи, написанныхъ мѣстными литераторами и по большей части напечатанныхъ въ мѣстныхъ изданіяхъ. Считаая совершенно бесполезнымъ перепечатывать все, что было писано о поэтѣ въ нашемъ краѣ, мы поставили своей задачей собрать лишь только тѣ статьи, которыя во первыхъ содержатъ самостоятельныя, первичныя свидѣтельства, а во вторыхъ извѣстія, которыя неопровергнуты уже печатью. Послѣднихъ наберется достаточно, но понятно, что не имѣя рѣшительно никакого значенія для изученія жизни великаго поэта, они могутъ служить лишь доказательствомъ или легкомысленнаго, чтобъ не сказать болѣе, отношенія ихъ авторовъ къ серьезному дѣлу, или слабой памяти лицъ, въ самомъ дѣлѣ знавшихъ Пушкина.

Нашъ городъ, а равно и весь край совершенно справедливо гордится пребываніемъ въ немъ великаго поэта. Города Кишиневъ, Одесса, какъ-бы то ни было постарались увѣковѣчить память объ этомъ событіи; а съ недавняго времени и мѣстная пресса довольно часто напоминаетъ о томъ-же фактѣ своимъ читателямъ. Между тѣмъ, если мы обратимся къ прошедшему новороссійской печати, то замѣтимъ въ ней полное невниманіе къ нашему поэту при его жизни и весьма небольшое до второй половины пятидесятихъ годовъ, времени пробужденія умственной жизни нашего отечества, начала блестящаго періода русской литературы вообще, — начала самостоятельной жизни печати въ провинціи.

До указаннаго времени, т. е. конца 50-хъ годовъ, въ мѣстной печати, т. е. единственной въ то время газетѣ «Одесскомъ Вѣстникѣ», не считая краткихъ библиографическихъ извѣстій о выходѣ сочиненій Пушкина и перепечатки «Описанія Одессы», № 30-мъ 1827 г. приведенныя ниже, 20 Апрѣля ¹⁾ было помѣщено извѣстіе о смерти поэта. Затѣмъ въ изданномъ въ 1839 г. Одесскомъ Альманахѣ на 1840 г. напечатана статья «Литературная Лѣтопись Одессы», въ которой на нѣсколькихъ страничкахъ (13—22) говорится о пребываніи поэта въ Новороссійскомъ краѣ и гдѣ на первой-же страницѣ сдѣлана ошибка:

¹⁾ О. Туманскій, отправляя Пушкину «Одес. Вѣст.» за 1827 г. пишетъ: «Въ будущемъ № мы осмѣливаемся напечатать, любезный П., твое описаніе Одессы. Оно принадлежитъ намъ по праву, ибо въ немъ заключается грамота на безсмертіе для нашего города. А. С. Пушкинъ. (Бартенева). Вып. II, стр. 130. М. 1885.

«Въ продолженіе своего пребыванія въ Новоросійскомъ краѣ (1820—1824), говорится тамъ, что больше *считался*, чѣмъ жилъ въ Одессѣ». — Какъ извѣстно П. *считался* въ Одессѣ кромѣ двухъ кратковременныхъ пріѣздовъ, съ 1823 до конца Юля 1824 г., когда онъ и на самомъ дѣлѣ жилъ въ этомъ городѣ. Въ томъ-же «Одесскомъ Альманахѣ» приложенъ видъ дома, въ которомъ жилъ Пушкинъ въ Кишиневѣ.

Загѣмъ о Пушкинѣ вспомнили уже въ 1852 г. Нѣкто г. Негрескулъ напечаталъ письмо изъ Херсона въ редакцію «Москвитянина», въ которомъ перебирая произведенія русской литературы, имѣющія отношеніе къ Новороссіи, нѣсколько разъ упоминаетъ имя нашего поэта; а въ слѣдующемъ году тотъ-же авторъ въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» (1853 № 71) печатаетъ воззваніе къ лицамъ знавшимъ П—на подѣлиться съ читающей публикой своими о немъ воспоминаніями. Дѣйствительную услугу по вопросу о пребываніи П—на на югѣ Россіи оказалъ русской литературѣ покойный профессоръ русской словесности Рипельевского лица К. П. Зеленецкій. Въ 1854 г. Зеленецкій съ этою цѣлью совершилъ поѣздку въ Бессарабію, гдѣ въ то время жили еще многіе лица, знавшіе нашего поэта. Кромѣ того, живя постоянно въ Одессѣ, онъ спрашивалъ одесскихъ свидѣтелей Пушкинской Одессы, тщательно провѣрилъ и сличилъ эти свидѣтельства и сводъ ихъ напечаталъ въ «Москвитянинѣ» 1854 № 9-й подъ заглавіемъ: «Свѣдѣнія о пребываніи А. С. Пушкина въ Кишиневѣ и въ Одессѣ и примѣчанія описанію Одессы, помѣщенному въ *Евгеніи Онъгинѣ*». Ста-

тъя эта послужила основнымъ матеріаломъ для всѣхъ біографовъ великаго поэта. Весьма замечательно, что статья Зеленецкаго, не смотря на то, что служила, какъ только что сказано, важнѣйшимъ источникомъ біографіи Пушкина, т. е. что почти всѣ свѣдѣнія, снабженныя Зеленецкимъ не вызвали возраженія съ небольшими и только поправками цѣликомъ вошли въ обѣ лучшія біографіи великаго поэта (собственно только начало біографій — мы разумѣемъ: 1) Бартенева. Пушкинъ въ южной Россіи и 2) Аненкова. А. С. Пушкинъ въ Александровскую эпоху). Статья эта осталась какъ-бы игнорируемой всѣми занимавшимися Пушкинымъ и очень часто вмѣсто нея цитировались какъ первоисточникъ къ біографіи П—на статейки, представляющіе изъ нея компіляціи.

Въ 1856 г. тотъ-же К. П. Зеленецкій напечаталъ въ «Одесскомъ Вѣстникѣ» статью подъ заглавіемъ «*Пушкинъ и г-жа Ризничъ*», которая была перепечатана тогда-же «Русскимъ Вѣстникомъ», Этой статьѣ, представляющей комментарий къ пяти стихотвореніямъ Пушкина посчастливилось гораздо болѣе: — комментарий сдѣлался непрѣмной принадлежностью изданій сочиненій П—на, но безъ упоминанія впрочемъ имени Зеленецкаго. Въ 1858 нѣкто Ковальскій напечаталъ въ «Biblioteka Warszawska» статью, переведенную въ «Русскомъ Инвалидѣ» о своей встрѣчѣ съ Пушкинымъ и Мицкевичемъ въ Одессѣ въ 1825 г. — профессоръ Зеленецкій, опровергая это извѣстіе, собралъ изъ дѣлъ Рипельевскаго лица свѣдѣнія о пребываніи Мицкевича и Ежевскаго въ Одессѣ и напечаталъ свою статью въ «Одес. Вѣст.» отъ 13

февраля 1858 г. Наконецъ тотъ-же Зеленецкій первый на торжественномъ собраніи заговорилъ о Пушкинѣ съ профессорской кафедрѣ, — на годичномъ актѣ Ришельевского лица 30 Августа 1854 г. онъ сказалъ рѣчь: «*О художественно-національномъ значеніи произведеній Пушкина*». Рѣчь напечатана сначала въ книжкѣ: «Годичный актъ Ришельевского лица 1854, а затѣмъ въ «Жур. М. Нар. Пр.» 1855 № 3. Кроме того въ библиографическихъ запискахъ за 1858 г. стр. 137—139. Зеленецкій напечаталъ поправку къ своей статьѣ, напечатанной въ «Москвитянинѣ» 1854 г.

Съ шестидесятихъ годовъ имя Пушкина вообще стало рѣдко попадаться въ русской печати — это было время не литературное, но и тогда нашелся нѣкто Н. Гербановскій, бессарабскій литераторъ, который сталъ собирать сохранившіяся еще въ Кишиневѣ извѣстія о Пушкинѣ. Имъ напечатаны: «*Нѣсколько словъ объ А. С. Пушкинѣ*», въ Бессарабскихъ областныхъ вѣдомостяхъ. 1866 № 44; «*Нѣсколько словъ о пребываніи Пушкина въ Кишиневѣ*» въ Новороссійскихъ вѣдомостяхъ 1869 г. №№ 49 и 50 и «*Новыя свѣдѣнія о пребываніи П—на въ Бессарабѣ*» въ Новороссійскомъ Телеграфѣ 1879 г. № 1374. Затѣмъ наша пресса совершенно забыла о великомъ поэтѣ до того времени, какъ открытіе ему памятника не привлекло вниманіе всей Россіи. Съ конца семидесятихъ годовъ одесскія газеты обратили серьезное вниманіе на великаго поэта и совершенно справедливо заслужили за это одобрительные отзывы всей столичной печати. Во всѣхъ мѣстныхъ газетахъ появились толковыя изложенія

біографіи Пушкіна, составленныя на основаніи новѣйшихъ изслѣдованій, критическія статьи о его произведеніяхъ и наконецъ воспоминаніе о поэтѣ знавшихъ его лично. Въ нашъ сборникъ вошли статьи послѣдняго рода, и притомъ только тѣ изъ нихъ, которыя заслуживаютъ довѣрія читателей. На этомъ основаніи мы не помѣщаемъ здѣсь статей г. Ф. Ковалевскаго, говорившаго объ одновременномъ пребываніи Пушкіна и Мицкевича въ Одессѣ, г. Лоровича, повѣтствующаго о томъ, какъ его познакомилъ съ Пушкинымъ поэтъ Тепляковъ, появившійся, какъ уже документально доказано, впервые въ Одессѣ чрезъ два года послѣ Пушкіна, статьи г. Комарницкаго, подробно излагающей знаменательный фактъ о томъ, что П—въ посѣщаль иногда какихъ-то жильцовъ дома купца Чуднова и т. п. или невѣрныя, или незначущія писанія.

Нѣкоторыя изъ напечатанныхъ здѣсь статей не вошли въ указатель г. Мсжова «Puskiniana». Пользуемся случаемъ сдѣлать еще нѣсколько добавленій къ этой книгѣ изъ мѣстной Новороссійской печати.

1) Въ Одесскомъ Вѣстникѣ 1827, отъ 20 Апрѣля № 30 перепечатано стихотвореніе «Одесса» изъ Евгенія Онѣгина.

2) Одесскій Альманахъ на 1840. Одесса 1839. Въ статьѣ Литературная лѣтопись г. Одессы (стр. 13—22) о П—вѣ.

3) Тамъ-же приложенъ впервые рисунокъ дома Инзова.

4) Брошюра О. А. Рабиновича. Пушкинъ и Лермонтовъ въ своихъ стихотвореніяхъ «Про-

рокъ» Од. 1849 (?) Эта-же статья напечатана въ Журналѣ М. Н. П. 1850 № 8 (см. указатель г. Межова № 2830).

5) Новороссійскій телеграфъ 1885 № 3068—28 мая; № 3069—29 мая «Объ открытіи памятника П—ну въ Кишиневѣ и 30 мая, № 3070: Рѣчи на этомъ празднествѣ профессоровъ А. А. Кочубинскаго и Г. Афанасьева.

6) Одесскій Вѣстникъ 1885, 28 мая, № 116, о томъ-же и рѣчь г. Плаксина.

7) Одесскій Листокъ 1885, 28 мая, № 116, статья «Пушкинскій праздникъ въ Кишиневѣ»: рѣчи проф. В. А. Яковлева, М. В. Шимановскаго и другихъ.

8) Одесскія Новости 1885, № 116 о томъ-же.

Замѣтимъ также двѣ ошибки. «Стихотвореніе на смерть Кн. М. Л. Голенищева-Вутузова, какъ давно доказано, принадлежитъ родственнику нашего поэта А. М. Пушкину, равно не знаемъ зачѣмъ подъ № 3420 помѣщенъ г. Межевымъ переводъ на англійскій языкъ «Евгенія Онѣгина нашего времени» г. Минаева.

Въ заключеніе считаемъ нравственнымъ долгомъ принести искреннюю благодарность Н. Г. Тройницкому за его замѣтку къ первой статьѣ и за хлопоты по изданію настоящей книги, Л. С. Мацѣвичу за исправленіе его статей и наконецъ представителю нашего города Г. Г. Маразли за его всегдашнее просвѣщенное участіе, безъ котораго книга эта не могла-бы явиться въ свѣтъ.

В. Я.

А. С. Пушкинъ жилъ на югѣ Россіи всего четыре года съ небольшимъ. Въ началѣ мая 1820 г. онъ прибылъ изъ Петербурга въ Екатеринославъ и оставался здѣсь очень недолго, а въ двадцатыхъ числахъ того-же мѣсяца вновь выѣхалъ съ семействомъ генераль-адъютанта Раевского. Объ этомъ кратковременномъ пребываніи нашего поэта въ Екатеринославѣ мы не имѣемъ извѣстій, за исключеніемъ небольшого разсказа доктора Рудыковского ¹⁾, разсказа, который подтверждается свидѣтельствомъ самого поэта, въ письмѣ его къ брату отъ 24 сентября 1820 г. «Пріѣхавъ въ Екатеринославъ, пишетъ П., я соскучился, поѣхалъ кататься по Днѣпру, выкупался и схватилъ горячку, по моему обыкновенію. Генераль Раевскій, который ѣхалъ на Кавказъ съ сыномъ и двумя дочерьми, нашелъ меня въ жидовской хатѣ, въ бреду, безъ лекаря, за кружкою оледенѣлаго лимонада. Сынъ его предложилъ мнѣ путешествіе къ кавказскимъ водамъ» и проч. ²⁾. Въ Екате-

¹⁾ Напечатанъ впервые въ «Русскомъ Вѣстникѣ» 1841, потомъ перепечатано въ матеріалахъ для біографіи А. С. Пушкина. 1-е изд. стр. 71.

²⁾ Сочиненія А. С. Пушкина, изд. 8-е, т. VII, стр. 76—78.

ринославѣ одно «чрезвычайное» происшествіе дало нашему поэту сюжетъ для новой поэмы; въ критическихъ замѣткахъ поэта, оставшихся послѣ его смерти, находимъ: «не помню, кто-то замѣтилъ мнѣ по поводу поэмы «Братья разбойники», что невѣроятно, чтобы скованные вмѣстѣ разбойники могли переплыть рѣку. Все это происшествіе справедливо и случилось въ 1820 году, въ бытность мою въ Екатеринославѣ» ¹⁾. Извѣстно, какъ плодотворно было это путешествіе для поэтической дѣятельности Пушкина; о немъ также нѣтъ никакихъ постороннихъ свидѣтельствъ, но самъ поэтъ, описавъ это путешествіе въ томъ-же письмѣ къ брату, прибавляетъ въ заключеніе: «Мой другъ, счастливейшія минуты жизни моей провелъ я среди семейства почтеннаго Раевского... Суди, былъ ли я счастливъ: свободная, безопасная жизнь въ кругу милаго семейства; жизнь, которую я такъ люблю и которой никогда не наслаждался; счастливое полуденное небо; прелестный край; природа, удовлетворяющая воображеніе, горы, сады, море; другъ мой, любимая моя надежда увидѣть опять полуденный берегъ и семейство Раевского» ²⁾.

Несравненно счастливѣе въ этомъ отношеніи жизнь поэта въ Кишиневѣ и Одессѣ; такъ какъ здѣсь онъ встрѣтилъ много лицъ, подѣлившихся въ послѣдствіи своими воспоминаніями о нашемъ поэтѣ съ читающей публикой. Эти воспоминанія «старожиловъ», появившіяся въ мѣстныхъ изданіяхъ, составляютъ содержаніе настоящей книги.

Изд.

¹⁾ Ibid т. 5, стр. 122.

²⁾ Ibid т. VII, стр. 79.

ОТЗЫВЫ ОДЕССКИХЪ ГАЗЕТЪ

1837 г.

О СМЕРТИ ПУШКИНА.

На потрясающую вѣсть о безвременной кончинѣ великаго поэта сочувственно откликнулись въ Одессѣ обѣ газеты, издававшіяся тогда въ нашемъ городѣ: «Одесскій Вѣстникъ» и «Journal d'Odessa». Перепечатаваемъ дословно эти отзывы и помѣщаемъ вслѣдъ за тѣмъ замѣтки, еще не бывшія въ печати, по поводу статьи «Одесскаго Вѣстника», доставленныя намъ Н. Г. Тройницкимъ.

Изд.

Статья „Одесскаго Вѣстника“.

(13 февраля 1837 г., № 13.)

«Всѣ петербургскія газеты извѣщаютъ о незамѣнной утратѣ, постигшей русскую литературу.

«Всюду разнеслась уже горестная вѣсть, что представитель нашей поэзіи, владыка русскаго слова, писатель, на котораго съ гордостью указывали мы Европѣ, *Александръ Сергѣевичъ Пушкинъ*, скончался во цвѣтѣ лѣтъ, на 37-мъ году своего возраста. Онъ умеръ 29-го января, въ пятницу, въ половинѣ 3-го часа пополудни.—Мы помнимъ его еще цвѣтуцимъ юношею, когда онъ жилъ нѣкогда въ Одессѣ и написалъ здѣсь многія изъ своихъ очаровательныхъ произведеній.

«Своими чудными звуками, своими вдохновенными созданіями, онъ выражалъ всѣ поэтическія стороны современной жизни русскаго міра, и выражалъ ихъ такъ

глубоко, такъ прямодушно, такъ возвышенно. Онъ указывалъ намъ на все великое нашего вѣка, доступное всеобъемлющему чувству его души, чувству такому могучему, такому поэтическому. Пѣвецъ въ высшей степени народный, онъ одинаково понималъ и сокровеннѣйшія тайны русскаго міра и общія черты жизни чело-вѣчества. Картины внѣшней природы и глубока явленія міра нравственнаго облекались въ его твореніяхъ въ такую свѣжесть, въ такую силу, въ такую образность выраженія. Ознаменованный печатью высокаго генія, онъ разсыпалъ въ разнообразныхъ произведеніяхъ своихъ столько могущества и фантазіи, что чѣмъ долѣе и глубже всматриваешься въ нихъ, тѣмъ болѣе открываются въ нихъ цѣлыя міры неподражаемыхъ красотъ.

«Съ ранняго возраста прислушивались мы къ этимъ очаровательнымъ пѣснопѣніямъ, къ этимъ незнаемымъ дотолѣ оборотамъ русской рѣчи, къ этой неслыханной у насъ гармоніи языка. Съ любовію слѣдили мы каждый шагъ поэтическаго поприща его жизни, дорожили его славою, потому что видѣли въ ней нашу собственную славу—славу Россіи. Мы привыкли считать эту славную жизнь неотъемлемымъ, безсмертнымъ достояніемъ русской литературы; мы никогда не думали, мы не постигали возможности лишиться нашего незабвеннаго... Пушкинъ! Пушкинъ! За чѣмъ-же такъ рано, такъ неожиданно!... И нѣтъ преемника тебѣ, вѣщій пѣвецъ нашего времени!

«О, надъ могилою твоею оболъется горькими слезами каждый сынъ Россіи, кому дорога русская слава, въ комъ горитъ святая любовь ко всему родному!

(Сообщено.)»

СТАТЬЯ „JOURNAL D'ODESSA“.

(12 февраля 1837 г., № 13.)

«Les journaux de St -Pétersbourg nous ont apporté une nouvelle bien douloureuse. Le nom le plus glorieux de la littérature russe s'est éteint: Alexandre *Pouchkine* est décédé à St.-Pétersbourg le 29 Janvier, à 2 heures et trois quarts après-midi, après de courtes souffrances. Il nous a été enlevé à l'âge de 37 ans, dans un âge où l'on pouvait encore fonder sur lui les plus belles espérances.

«Qui ne connaît pas en Russie le nom de Pouchkine? C'est à l'âge de 15 ans, que quelques poésies de lui nous ont révélé l'existence d'un de ces talents supérieurs, qui font l'honneur d'une nation. Les espérances qu'ont fait naître la richesse et la fraîcheur de l'imagination, que respiraient ses premières productions, n'ont pas été déçues depuis. Son beau génie a grandi, pour ainsi dire, et s'est développé à mesure qu'il a avancé en âge; et c'est avec orgueil que nous avons vu plus tard en lui cette profondeur d'idées, cette puissance et cette verve du génie, qui dénotent un des hommes destinés à briller d'un éclat permanent dans les fastes d'un peuple. Dans les dernières années, où il s'était livré à des travaux sérieux, ce n'est que rarement qu'il laissait échapper de sa plume quelques poésies: mais ces poésies paraissaient presque toujours empreintes d'une force admirable de pensée et d'une énergie de style, fruits d'une imagination puissante, relevée par des études et des méditations profondes. Contemporains de Pouchkine, témoins, pour ainsi dire, de ses succès de tous les jours, il nous est difficile d'apprécier au juste toute la valeur des services qu'il a rendus à notre langue et à notre littérature. Nous croyons cependant pouvoir affirmer, que personne n'a poussé

aussi loin que lui la perfection de notre langue poétique; personne ne savait rendre si énergique et concise et en même temps si suave et harmonieuse la belle langue des russes... Et c'est lui que le destin a déjà choisi pour victime parmi nous, ses contemporains; lui, aux jeunes succès de qui la Russie avait applaudi avec tant de délices et qui plus tard est devenu poète d'idées profondes, et poète éminemment national; lui, un de ces élus qui reçoivent de la Providence le don sublime de rendre impérissable l'idée qu'il traçent sur le papier; un de ces génies, que nous présentions avec tant d'orgueil à l'Europe comme notre compatriote!... Oh, il nous sera difficile de nous faire à cette idée si triste et si douloureuse! Il se passera bien du temps, avant que nous, contemporains de Pouchkine, nous pussions nous faire à l'idée, qu'il n'est plus parmi nous!...»

ПО ПОВОДУ
статьи „Одесскаго Вѣстника“ 1837 года ¹⁾
О СМЕРТИ ПУШКИНА.

 татейка, о которой идетъ рѣчь, писана полвѣка тому назадъ. Въ газетѣ явилась она безъ подписи только съ отмѣткою въ концѣ: «сообщено». Страннымъ казалось-бы, чтобы какой-либо періодическій листокъ, хотя-бъ провинціальный и полуофіціальныи, какимъ былъ тогдашній «Вѣстникъ», напечаталъ у себя извѣстіе о смерти Пушкина, потому только, что кому-то

¹⁾ «Одесскій Вѣстникъ» въ тридцатыхъ годахъ и позже редактировался Александромъ Григорьевичемъ Тройницкимъ (скончавшимся въ званіи члена государственнаго совѣта), въ сотрудничествѣ съ младшимъ братомъ его, Николаемъ Григорьевичемъ Тройницкимъ, завѣдывавшимъ литературною частью газеты. Оба они уроженцы одесскіе и оба воспитывались въ Ришельевскомъ лицѣѣ. *Изд.*

вздумалось прислать въ редакцію сообщеніе о такомъ крупномъ фактѣ, поразившемъ всю Россію.

Объ этомъ-то «сообщено» и о томъ давно-протекавшемъ времени хочу сказать теперь нѣсколько словъ.

Когда Пушкинъ проживалъ въ Одессѣ, мы (я съ моими школьными товарищами) находились въ младшемъ классѣ Ришельевского Лицея. Мнѣ ни разу не довелось встрѣтиться съ Пушкинымъ, потому что онъ заходилъ въ старшіе классы, заходилъ, между прочимъ, и въ ту классную комнату, которая обращена теперь въ пивную, въ домъ Вагнера (прежнее зданіе Лицея). Проходя какъ-то по лицейскимъ коридорамъ и классамъ, онъ сказалъ: «Какъ это напоминаетъ мнѣ мой Лицей!» Въ другой разъ, заставъ одного воспитанника за чтеніемъ «Онѣгина», онъ шутя замѣтилъ ему: «Охота вамъ читать этотъ вздоръ!» — Наша классная комната выходила окнами на Ланжероновскую улицу, и изъ нихъ видно было море, теперь заслоненное домами. Нижняя часть окошекъ была задѣлана камнемъ, чтобы мальчики, сидя за урокомъ, не развлекались улицею. Помню, кто-то однажды крикнулъ: «Пушкинъ идетъ, Пушкинъ!» Бинулись къ окошкамъ. Я тоже вскарабкался, но не могъ просунуться за окошко, чрезъ вдѣланную въ него рѣшетку. Я замѣтилъ однакожь человѣка, съ палкою на плечѣ, какъ онъ поворачивалъ за уголъ Лицея; онъ шелъ проворно, какой-то развѣлстой походкой. Это былъ Пушкинъ. Походка его очень напоминала такую-же походку брата его, Льва Сергѣевича, съ которымъ позже я находился въ самыхъ дружескихъ отношеніяхъ. Изъ этихъ-же оконъ, я видѣлъ однажды, какъ лѣниво двигался по той же Ланжероновской улицѣ фигурирующій въ «Онѣгинѣ»

...сынъ Египетской земли,
Борсаръ въ отставкѣ Морали,

въ своей шитой золотомъ курткѣ и съ арсеналомъ оружія за поясомъ. Пушкинскую желѣзную палку, очень памятную одесситамъ, усердно разыскивалъ мой лицейскій товарищъ, покойный профессоръ К. П. Зеленецкій, напавшій на ея слѣдъ у бывшаго полицейскаго пристава Берга, въ его домѣ, на углу Итальянской и Мало-Арнатовской ул.; но куда она затѣмъ дѣвалась — неизвѣстно. — Какъ разъ противъ Лицея, на Дерибасовской улицѣ, стоялъ небольшой одноэтажный домъ, на которомъ красовалась вывѣска съ надписью большими золотыми буквами: *César Automne, restaurateur*. Здѣсь былъ извѣстный въ то время ресторанъ, въ которомъ Пушкинъ любилъ коротать свои невольные досуги, въ веселомъ кругу друзей, и помянулъ объ немъ въ одной изъ строфъ «Онѣгина» :

Но мы, ребята безъ печали,
Среди заботливыхъ купцовъ,
Мы только устрицъ ожидали
Отъ Цареградскихъ береговъ.
Что устрицы? — Пришли! — О радость!
Летитъ обжорливая младость
Глотать изъ раковинъ морскихъ
Затворицъ жирныхъ и живыхъ,
Слегка обрызнутыхъ лимономъ.
Шумъ, споры — легкое вино
Изъ погребовъ принесено
На столь услужливымъ Отономъ.

Этотъ «услужливый» *Otonz* — личность чрезвычайно симпатичная, всегда пользовался общимъ уваженіемъ. Онъ и въ послѣдующіе годы любилъ нерѣдко принимать въ своемъ ресторанѣ интеллигентную молодежь, но уже въ другомъ помѣщеніи, въ огромномъ, такъ называемъ домѣ градоначальника, на углу Ланжероновской и Ришельевской улицъ.

Мнѣ очень памятно, что еще въ отроческіе годы наши, имя Пушкина произносилось у насъ, какъ имя прославленнаго поэта. Его читали, перечитывали, переписывали, затверживали на память; нѣкоторые изъ его ненапечатанныхъ стиховъ ходили у насъ по рукамъ, въ рукописи, какъ запрещенные. Что же въ особенности такъ влекло насъ къ стихамъ Пушкина? Прежде всего его языкъ—гармоническій, простой и доступный, какъ звуки и образы въ природѣ, и поэтически-ясный, какъ античная статуя. На торжественныхъ актахъ и выпускныхъ экзаменахъ насъ заставляли декламировать превыспренне-высокопарныя, трескучія оды, или бывшую тогда въ почетѣ кантату: «Перувіанецъ къ Испанцу»:

Губитель моя отчизны и свободы!

О ты, что, посмѣясь святымъ правамъ природы,

и т. д. Очевидно, Пушкину было какъ-то не къ лицу являться о-бокъ съ такимъ параднымъ, какъ-бы «мундирнымъ» языкомъ боговъ тогдашнихъ стихотворныхъ знаменитостей. Обаяніе пушкинскихъ стиховъ побуждало насъ къ литературнымъ занятіямъ. Вкусъ къ изученію литературы особенно развился съ появленіемъ «Московскаго Телеграфа», живаго, бойкаго журнала Полеваго, оживленно относившагося къ умственному движенію у насъ и на западѣ. Мы лихорадочно ждали выхода каждой слѣдующей книжки симпатичнаго журнала, и зачитывались ею. Но какой праздникъ былъ для насъ, когда являлась новая глава «Онѣгина» (выходившаго тогда отдѣльными выпусками), которую я тотчасъ-же читалъ вслухъ моимъ товарищамъ? Вдвоемъ, съ покойнымъ товарищемъ А. А. Ушаковымъ, мы затѣяли ребяческое предпріятіе (намъ пошелъ тогда семнадцатый годъ) издавать литературный, рукописный журналъ, который акуратно сталъ появляться, подъ громкимъ загла-

виемъ «Ареопагъ» (съ 1828 по 1830 г.). Вышло всего шесть томовъ. Въ немъ много рисунковъ тонкой работы перомъ, исполненныхъ воспитанниками нашего-же класса — I. Балень де Баллю (сыномъ бывшаго въ Харьковѣ профессора) и мною. Интересенъ, между прочимъ, схожій портретъ карандашемъ перваго директора Лицея, знаменитаго въ свое время педагога, аббата Николая ¹⁾). Въ числѣ оригинальныхъ и переводныхъ статей, беллетрическихъ и болѣе серьезныхъ, есть литературныя замѣтки и рецензіи, гдѣ, по поводу напечатанныхъ впервые въ «Сѣверныхъ Цвѣтахъ» на 1828 г. отрывковъ изъ «Бориса Годунова» замѣчено, что это, кажется, будетъ одно изъ лучшихъ твореній Пушкина.

Обращаюсь къ январской катастрофѣ 1837 года. Въ первыхъ числахъ февраля этого года я возвращался поздно вечеромъ къ себѣ. Я проходилъ мимо Лицея. На встрѣчу мнѣ шелъ одинъ мой знакомый. Онъ остановился на углу Дерибасовской и Екатерининской улицъ и, видимо, поджидалъ меня, наблюдая, чтобы я не прошелъ какъ нибудь мимо. Глядя на меня пристально, въ упоръ, онъ какъ-то потерянно проговорилъ:

«А вы ничего не знаете?»

— А что?

«Получено письмо. Пушкинъ дрался на дуэли; раненъ смертельно; пишутъ, не будетъ жить». Я не сказалъ ничего и пошелъ дальше. Хотѣлъ, казалось, уйти и отъ слышанной вѣсти, и отъ самаго факта, о

¹⁾ Покойный Н. Н. Мурзакевичъ желалъ помѣстить копію съ этого портрета въ «Запискахъ Од. Общ. Ист. и Древностей»; но у меня не было тогда подъ рукою «Ареопага», который оставался около тридцати лѣтъ въ Москвѣ, и только по смерти А. Ушакова возвращенъ мнѣ. Портретъ рисованъ А. Яворскимъ (лицеистомъ); онъ-же снялъ и портретъ въ профиль съ молодаго тогда Мицкевича, водвореннаго на жительство въ Лицеѣ, во время его ссылки.

которомъ она вѣщала. Какое-то колющее чувство томило грудь, и я заплакалъ. Я былъ одинъ на опустѣлыхъ улицахъ, смутно озаряемыхъ тихимъ свѣтомъ звѣздъ. Слезы облегчили меня, и какое-то упованіе шевельнулось въ сердцѣ. Э! письмо еще ничего. Подождемъ газетъ, тѣ не стануть печатать съ вѣтра. Такими-же надеждами убаюкивали себя и другіе въ Одессѣ. Но газеты получались тогда не часто и запаздывали; приходили два раза въ недѣлю, на девятый, двѣнадцатый день и позже, смотря по состоянію труднопроѣзжаемыхъ дорогъ. Между тѣмъ, на другой день слышу, что и еще кто-то получилъ письмо и въ такомъ-же смыслѣ, какъ и прежде. Тяжело! Жду почты съ лихорадочнымъ нетерпѣніемъ. Пришла, наконецъ! Я въ газеты. Боже! Что-жъ это такое? И одна, и другая, и всѣ какъ одна, категорически, съ жестокой ясностью свидѣтельствуютъ все объ одномъ; все о томъ-же—о смерти.... *Lasciate ogni speranza (Данте)*! Пропаль! Нашъ Пушкинъ пропаль!

Бѣгу въ типографію ¹⁾, помѣщавшуюся, смежно съ полиціей, на Преображенской улицѣ; прошу дать мнѣ бумаги, и, въ такомъ возбужденномъ настроеніи, набрасываю статейку для «Вѣстника». Но печатать ее безъ разрѣшенія графа Воронцова, управлявшаго краемъ, нельзя было. Представили статью графу. Онъ сталъ читать ее, читалъ очень внимательно, и дозволилъ печатать, замѣтивъ при этомъ: «да ужъ не много-ли тутъ сказано? вѣдь у насъ были Державинъ, Ломоносовъ....» Впрочемъ, графъ всегда относился къ Пушкину благоклонно и даже покровительствовалъ ему, не взирая на

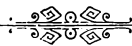
¹⁾ Городскою типографіей много лѣтъ завѣдывалъ П. Ф. Францовъ, специально вызванный для этого изъ Петербурга графомъ Воронцовымъ. Онъ оставилъ по себѣ благодарную память, какъ первый устроитель типографскаго дѣла въ Одессѣ.

нѣкоторыя изъ его школьническихъ выходовъ — какъ слѣдствіе темперамента и молодости поэта. И вотъ статья набрана и сверстана, но редакція поставлена была въ недоумѣніе: какъ отнесутся въ Петербургѣ къ полуказенной газетѣ, выражающей съ нескрываемымъ, глубокимъ уваженіемъ къ Пушкину? Извѣстно, что въ высшихъ сферахъ столицы, въ кругу нѣкоторыхъ высокопоставленныхъ сановниковъ, Пушкина не любили. Правда, въ салонахъ его всегда выставляли какъ талантливаго и даже высоко-даровитаго стихотворца, но, въ то-же время, какъ человѣка безпорядочной жизни, дерзкаго, вреднаго и даже опаснаго. И умеръ то онъ, толковали, какою-то какъ-бы неразрѣшенной, недозволенною смертью, на дуэли. Всѣ такія соображенія побудили редакцію «Вѣстника» поставить подъ статью о Пушкинѣ слово «сообщено». Многіе такъ и приняли, что статья сообщена какимъ нибудь почитателемъ поэта, постороннимъ редакціи.

Еще одно замѣчаніе. Фактическій, такъ-сказать, физическій убійца Пушкина, несомнѣнно, Дантесъ (Геккеренъ); но о тѣхъ, кѣмъ направлена была рука убійцы, застѣнчивая русская печать до сихъ поръ не сказала послѣдняго слова, хотя уже цѣлое полустолѣтіе кануло въ вѣчность отъ роковаго событія. А эти враги, эти преслѣдователи, терзавшіе поэта до конца его дней, догадывались-ли они тогда, что этотъ стихотворецъ, умершій въ неважномъ чинѣ, шагнулъ уже въ исторію и останется въ потомствѣ въ немеркнушемъ ореолѣ своей поэзіи.

Январь, 1887 г.

Н. Тройницкій.

ИЗЪ КИШИНЕВА — О ПУШКИНѢ ¹⁾.

I.

уть не ежедневно русскія газеты сообщаютъ о томъ, что въ различныхъ пунктахъ земли русской идутъ приготовления къ чествованію памяти А. С. Пушкина. На дняхъ сообщалось, что и Одесса намѣрена примкнуть къ Москвѣ, Петербургу и другимъ городамъ, которые считаютъ нужнымъ достойнымъ образомъ почтить память великаго гения русской поэзіи. Нѣтъ до сихъ поръ только никакихъ извѣстій изъ Кишинева, въ которомъ Пушкинъ прожилъ около трехъ лѣтъ и въ которомъ, несомнѣнно, должны были остаться слѣды его пребыванія.

Однимъ изъ самыхъ живыхъ напоминаній о Пушкинѣ долго служилъ для Кишинева *домъ*, гдѣ жилъ поэтъ во время пребыванія своего въ этомъ городѣ. Домъ этотъ извѣстенъ былъ въ Кишиневѣ подъ именемъ *Инзова*

¹⁾ «Правда», 23, 24, 27 мая 1880 года.

дома. Такое названіе онъ получилъ по слѣдующей причинѣ. Извѣстно, что Пушкинъ—съ цѣлю удаленія изъ Петербурга—былъ не то что сосланъ, а только переведенъ на службу (въ 1820 г. въ маѣ мѣсяцѣ) въ Попечительный комитетъ о колонистахъ Южной Россіи, состоявшій въ вѣдомствѣ Коллегіи иностранныхъ дѣлъ и находившійся тогда въ Екатеринославѣ. Новымъ начальникомъ Пушкина былъ генераль-лейтенантъ *Иванъ Никитичъ Инзовъ*. Но не въ Екатеринославѣ пришлось служить Пушкину.

Тогдашній намѣстникъ Бессарабской области А. Н. Бахметевъ испросилъ себѣ продолжительный отпускъ, а должность его 15-го іюня 1820 г. поручена была временно Инзову. Такимъ образомъ, переѣхавъ—въ качествѣ намѣстника Бессарабіи—въ Кишиневъ, Инзовъ перевелъ туда и Попечительный комитетъ о колонистахъ Южнаго края. Переѣхавъ въ Кишиневъ и Пушкинъ. Сначала онъ остановился въ одной изъ кишиневскихъ гостинницъ. Но просвѣщенный и добросердечный Инзовъ скоро принялъ участіе въ судьбѣ изгнаннаго поэта и позаботился о лучшемъ для него помѣщеніи. Онъ далъ ему квартиру въ одномъ домѣ съ собою. Домъ этотъ принадлежалъ боярину *Доничу* и нанимался для намѣстниковъ на городскія деньги. Но такъ какъ въ немъ долго жилъ Инзовъ, пользовавшійся въ городѣ популярностью не въ силу только своего начальственного положенія, — то домъ этотъ скоро сталъ называться «домомъ Инзова» и навсегда сохранилъ за собою это названіе у кишиневскихъ жителей.

Домъ этотъ стоялъ на возвышенности или, лучше сказать, на холмѣ, окруженномъ низменностями, за которыми со всѣхъ сторонъ, кромѣ сѣверной, слѣдовали опять возвышенія. Поэтому и самый холмъ этотъ полу-

члѣ названіе *Иизовой горы*. Замѣчательно, что названіе это усвоено ему всѣмъ городомъ, всѣми жителями, какъ единственное. «Иизова гора» находится въ концѣ *старого Кишинева*. Домъ Инзова стоялъ на ней почти одиноко.

«Сзади, — будемъ говорить далѣе словами П. И. Бартенева, — примыкалъ къ нему большой садъ, расположенный на скатѣ съ виноградникомъ. Кому любопытно, тотъ можетъ найти видъ его въ «Одесскомъ Альманахѣ» на 1840 г. Это было довольно большое двухъ-этажное зданіе, вверху жилъ самъ Инзовъ; внизу два—три его чиновника. При домѣ въ саду находился птичій дворъ съ множествомъ канареекъ и другихъ птицъ, до которыхъ намѣстникъ былъ большой охотникъ»...

«Пушкину отведены были двѣ небольшія комнаты внизу, сзади, направо отъ входа, въ три окна съ желѣзными рѣшетками, выходившія въ садъ. Видъ изъ нихъ прекрасный, — по словамъ путешественниковъ самый лучший въ Кишиневѣ. Прямо подъ скатомъ въ лоцинѣ течетъ рѣчка *Быкъ*, образуя небольшое озеро. Лѣвъѣ — каменоломни молдаванъ, а еще лѣвъѣ — *новый городъ*. Вдали горы — съ бѣлѣющими домиками какого-то села. Столъ у окна, диванъ, нѣсколько стульевъ, разбросанныя бумаги и книги, голубыя стѣны, облѣпленныя восковыми пулями, слѣды упражненій въ стрѣльбѣ изъ пистолета, — вотъ комната, которую занималъ Пушкинъ. Другая или прихожая служила помѣщеніемъ вѣрному, преданному слугѣ его *Никитѣ*» ¹⁾.

П. В. Анненковъ въ своемъ сочиненіи «Пушкинъ въ александровскую эпоху», излагая исторію кишиневской жизни поэта, говоритъ между прочимъ: «Пушкинъ

¹⁾ *Русскій Архив*—1866 г. статья: *Пушкинъ въ Южной Россіи*—стр. 1128—1129.

поселился въ домѣ Инзова *на горѣ, въ такъ называемой метрополіи Кишинева* ¹⁾.

Это не вѣрно. Никакой «метрополіи» въ Кишиневѣ нѣтъ... Есть, дѣйствительно, такъ называемая *митрополія* (но не «метрополія») — и это слово составляетъ самый употребительный мѣстный топографическій терминъ; оно здѣсь у всѣхъ, такъ сказать, на языкѣ. Но какъ во времена Пушкина обозначался имъ, такъ и теперь обозначается вовсе не тотъ пунктъ Кишинева, на который указываетъ г. Анненковъ. Митрополіей здѣсь называется архіерейскій домъ съ церковью, сохранившій за собою это названіе потому, что построилъ его (въ 1813 г.) и жилъ въ немъ до смерти (въ 1821 г.) учредитель и первый архіерей кишиневской епархіи *митрополитъ Гавріилъ (Банулеско)*, бывшій передъ этимъ митрополитомъ кіевскимъ, но удержавшій за собою титулъ «митрополита» и по назначеніи его архіереємъ ново-учрежденной кишиневской епархіи. На самомъ дѣлѣ Инзова гора и митрополія находятся въ совершенно различныхъ и удаленныхъ другъ отъ друга мѣстностяхъ Кишинева. А назвать ту и другую во времена Пушкина — это значило назвать двѣ крайнія противоположныя точки города.

Кишиневъ раздѣляется на два города; нижній или, какъ теперь называютъ, *старый*, — и верхній, нагорный или *новый* городъ. Нижній, прилегающій къ правой сторонѣ рѣки Быка, существующей, впрочемъ, теперь только по имени, во времена Пушкина и составлялъ собственно городъ Кишиневъ. Вотъ въ концѣ этого нижняго Кишинева, *на возвышеніи*, или холмѣ, выдѣлявшемся изъ города и поднимавшемся надъ нимъ съ сѣверной сто-

¹⁾ *Вѣстн. Евр.* 1874. Январь.

роны, стоялъ *домъ Инзова*—одиноко,—т. е. удаленный отъ города не только возвышенностью, но и разстояніемъ, окруженный стѣною, деревьями и представляя собою какъ-бы помѣщеніе на дачѣ.

Самый городъ лежитъ въ котловинѣ — и зимою, когда выпадалъ снѣгъ, трудно было и добраться въ городъ обитателямъ *Инзова дома* ¹⁾. Къ югу отъ города опять начиналась плоская нагорная возвышенность. Вотъ на ней то, вдали отъ тогдашняго города, и построилъ митрополитъ Гавріилъ свою «митрополию». Ниже ея и рядомъ съ нею во времена Пушкина находилось уже довольно хорошихъ домовъ и притомъ европейскаго характера. Все предвѣщало, что пунктъ, избранный митрополитомъ Гавріиломъ, сдѣлается центромъ *новаго*—европейскаго—*Кишинева*, ибо *нижній*, старый Кишиневъ, находящійся въ болотистой мѣстности, своими узкими, кривыми переулками, со всегдашней невысыхавшей грязью на нихъ и своими постройками напоминалъ, какъ и теперь напоминаетъ, Азію, турецкое владычество, и старинное мѣстечко *Кишиноу* или правильнѣе *Кишлану* (новый загонъ, зимовка скота). И дѣйствительно, митрополія теперь составляетъ не только центральный пунктъ верхняго или новаго Кишинева, но и центръ всего Кишинева.

Опроверженіе словъ П. В. Анненкова можно найти и въ указаніяхъ монографіи П. И. Бартевева: «Пушкинъ въ южной Россіи», и въ особенности въ «Дневникъ и

¹⁾ Этимиъ объясняются слѣдующіе стихи Пушкина, посланные въ видѣ записки кишиневскому его пріятелю В. Н. Горчакову :

Зима мнѣ рыхлою стѣною
Къ воротамъ заградила путь;
Пока тропинки предъ собою,
Не протопчу я какъ нибудь,

Сижу я дома, какъ бездѣльникъ;
Но ты, душа души моей,
Узнай, что будетъ въ понедѣль-
никъ,
Что скажетъ намъ Варволомей...

воспоминаніяхъ И. П. Липранди», написанныхъ въ видѣ замѣтокъ къ сочиненію г. Бартенева и составляющихъ, по словамъ самого г. Анненкова, *драгоценное дополненіе* къ нему. Описывая помѣщеніе, которое занималъ Пушкинъ въ домѣ Инзова, г. Бартеневъ говоритъ между прочимъ: «другая (комната) или прихожая служила помѣщеніемъ вѣрному и преданному слугѣ его *Никитѣ*, который между прочимъ остался въ памяти кишиневскихъ его (Пушкина) пріятелей по двумъ стихамъ какого-то шуточного стихотворенія:

Дай, Никита, мнѣ одѣться:

Въ митрополіи звонятъ.

Это значило, прибавляетъ г. Бартеневъ, — пора идти *къ обѣднѣ, въ новый верхній городъ* ¹⁾. А почтенный И. П. Липранди, сказавши о происхожденіи митрополіи, съ обстоятельностью и чрезвычайно любопытными для насъ подробностями, — показывающими удивительную память въ этомъ ветеранѣ 12 года и кишиневскомъ пріятелѣ Пушкина, — перечисляетъ дома, находившіеся *въ верхнемъ или нагорномъ* городѣ къ западу, востоку и въ прочихъ направленіяхъ отъ митрополіи... ²⁾.

Но обратимся къ судьбѣ *Инзова дома*. Странная судьба постигла этотъ домъ. Онъ нѣсколько разъ подвергался разрушенію отъ землетрясеній. Даже въ бытность Пушкина въ Кишиневѣ, именно въ 1821 году, его повредило землетрясеніе, отчего треснулъ верхній этажъ. Это заставило Инзова перемѣститься на время въ другую квартиру. Пушкинъ же продолжалъ оставаться въ нижнемъ этажѣ. «Его воображенію, — замѣчаетъ г. Бартеневъ, могла даже казаться заманчивою жизнь *подъ развалинами*».

¹⁾ *Русскій Архив*—1866 г., стр. 1129.

²⁾ *Ibidem*—стр. 1215—1219-я.

Въ началѣ сороковыхъ годовъ домъ этотъ былъ еще цѣль, какъ свидѣтельствуеетъ Надеждинъ, который приложилъ и видъ его къ изданному имъ на 1840 г. «*Одесскому Альманаху*»: «*Еще цѣль*, — говоритъ онъ, — *домикъ*, въ которомъ жилъ Пушкинъ во время своего пребыванія въ столицѣ Бессарабіи» ¹⁾. Но тѣмъ не менѣе въ указателѣ къ рисункамъ «*Одесскаго Альманаха*», — Надеждинъ замѣчаетъ: «Онъ назначенъ къ перестройкѣ по причинѣ сильнаго поврежденія при послѣднемъ землетрясеніи». Затѣмъ преданіе объ этомъ домѣ дѣлается преданіемъ лишь о развалинахъ. Такъ, уже г. Бартеневъ, заимствовавшій свѣдѣнія о немъ изъ статьи Н. В. Берга, помѣщенной въ «*Москвитянинъ*» 1854 г., — пишетъ, что «развалины его до сихъ поръ цѣлы». Въ 50-хъ годахъ, по словамъ уроженца Бессарабіи Н. А. Голынского, существовали еще стѣны, испещренныя разными надписями; на западной стѣнѣ показывали окно, изъ котораго Пушкинъ часто стрѣлялъ. Періодъ *голыхъ стѣнъ*, періодъ *развалинъ* дома Инзова продолжался до половины 60-хъ годовъ...

Злая судьба преслѣдовала слѣды пребыванія Пушкина въ Кишиневѣ. Центръ города, стихійная жизнь его постепенно переходила на верхъ — въ верхній городъ, а съ этимъ постепенно предавался забвенію и уголокъ стараго города, бывшій когда-то особенно привилегированнымъ и прелестнымъ... Губернаторъ *Ганардтъ* велѣлъ срыть развалины дома Инзова... Причиною этого безжалостнаго распоряженія было, говорятъ, то обстоятельство, что въ этихъ развалинахъ ночью скрывались воры.... Это, конечно, уже даетъ понятіе о пустынности, въ какой очутилась Инзова гора..... Дѣйствительно, въ началѣ

¹⁾ «Прогулка по Бессарабіи» въ *Одесскомъ Альманахѣ*, 1840 г. стр. 395.

70-х годовъ, когда я пришелъ сюда — въ эту мѣстность, гдѣ нѣкогда жилъ величайшій русскій поэтъ,— гора представляла изъ себя пустынное, уединенное, глухое, забытое мѣсто. Посреди ея возвышалась *насыть изъ мусора*, единственный остатокъ Инзовскаго и Пушкинскаго дома...

Гдѣ-же тотъ великолѣпный садъ, который находился сзади дома и въ который были обращены огна Пушкинской квартиры?.. Гдѣ этотъ садъ и роскошный виноградникъ, вызвавшій изъ души нашего поэта слѣдующіе стихи:

Мнѣ милъ и виноградъ на лозахъ,
Въ кистяхъ созрѣвшій подъ горой,
Краса моей долины злачной,
Отрада осени златой,
Продолговатый и прозрачный,
Какъ персты дѣвы молодой...?

Садъ этотъ былъ, говорятъ, роскошный садъ. Въ немъ, кромѣ виноградника, находились дорогія фруктовые деревья, между прочимъ лимонныя и апельсиновыя. Гдѣ-же теперь этотъ садъ? Ни малѣйшихъ слѣдовъ! На поверхности горы не видно никакой жизни, ни деревца—ничего... Только внизу, съ востока и юга, начинается городская жизнь, жизнь прежняго стараго города. На горѣ, гдѣ былъ домъ, утверждёнъ топографическій снарядь, такъ какъ этотъ пунктъ представляетъ высшую точку, съ которой открытъ видъ во всѣ стороны. Дѣйствительно видъ прекрасный!..

Пушкинъ, вѣроятно, часто любовался отсюда окрестностями... Посмотримъ же и мы — что представляется вокругъ. Оглянемся на сѣверъ, станемъ спиной къ городу. Немного ниже, подъ самой горой — каменоломни. Далѣе впередъ прямо — долина рѣки Быка, те-

гущаго на югъ; слѣва—такъ называемый—«Французскій садъ» и другіе сады; направо — за Быкомъ къ сѣверу-востоку начинается деревня Рышкановка; посрединѣ вверхъ по теченію Быка идетъ желѣзная дорога до Корнешть—Ясская; вдали на сѣверъ, направо отъ дороги, виднѣется деревня Петриканы.

Поворотимъ на востокъ. Внизу — каменоломни; далѣе, но еще по сію сторону Быка—Инзово предмѣстье — начало стараго города. Въ предмѣстьи этомъ Церковь Благовѣщенія, построенная въ 1805 г., въ которой бывалъ и Пушкинъ; тутъ-же на самомъ склонѣ Инзовой горы—развалины дома полковника *Салова* —погребъ и балконъ со сводами. Тутъ тоже, говорятъ, былъ огромный садъ и жилъ самъ Саловъ. «Но онъ имѣлъ еще много другихъ домовъ, былъ вообще богатѣйшій человѣкъ, — такъ рассказывалъ встрѣченный здѣсь мною старый малороссъ, — но сына не имѣлъ, и домъ самъ развалился. «Знаете, *якъ нема хозяина*, — все растаскали. Я еще помню его, назадъ лѣтъ 35». — Вблизи развалинъ дома Салова—на площадѣ — расположился (въ то время, когда я былъ тутъ лѣтомъ въ первый разъ) цыганскій таборъ — нѣсколько шатровъ. Полуобнаженные цыганки съ трубками въ зубахъ; возлѣ одного шатра 4^{ро} мушинъ и 3 женщины. Одна — брюнетка; другая съ трубкой—чистая негритянка; третья дѣвушка—съ замѣчательно бѣлыми зубами; цыганенокъ въ балахончикѣ, но почти голый. Вотъ они уже собираются уѣзжать: запрягаютъ лошадей. Оригинальныя повозки на высогихъ колесахъ. «Это—*еврейскіе паны*, — говоритъ стоящій рядомъ со мною и наблюдающій тутъ еврей; они требуютъ еще съ насъ *три дня работать*» ¹⁾).

¹⁾ Дѣйствительно, цыгане считаются потомками египтянъ, — а у этихъ послѣднихъ евреи когда-то были рабами. Въ описанномъ

Но пойдёмъ взоромъ впередъ. Далѣе — больше на юго-востокъ, по ту, лѣвую сторону Быка, деревня Рышкановка; отсюда тянется почтовая дорога въ уѣздные города Оргѣевъ и Бѣльцы. Оборотимся теперъ на югъ. На самой Инзовой горѣ — немного ниже — стоитъ сторожевая башня-каланча. Немного ниже башни, еще въ предѣлахъ Инзовой горы, — старый развалившійся домъ. Здѣсь еще Н. А. Голынской помнитъ была гостиница: въ святки кругомъ гулялъ народъ, устраивались качели, танцевали «*джока*» (молдавскій танецъ), пѣли пѣсни, а въ домѣ на балконѣ сидѣли господа и пили чай. Немного ниже — подъ Инзовой горой, въ числѣ прочихъ домовъ, стоитъ одинъ старый домъ, свидѣтель Пушкинскихъ временъ; возлѣ него — кафельный заводъ. Вдали раскинулся старый городъ; надъ нимъ возвышается Мазаракіевская церковь, внизу которой фонтанъ, снабжающій водою весь Кишиневъ.

Среди стараго города можно различить *Старый соборъ* и Вознесенскую церковь. По направленію къ юго-западу представляются взору церковь Ильинская (древняя), домъ *Катарджи* (на немъ развѣвался флагъ главнокомандующаго дѣйствующей арміи, во время пребыванія главной квартиры въ Кишиневѣ); выше — *новый соборъ*, а еще выше — *митрополія*, о которой мы говорили по поводу обмолвки г. Анненкова; еще вверхъ — на горѣ раскинулся новый городъ, такъ называемая «*русская маала*»; вдали виднѣются сады и виноградники...

Повернемся наконецъ на западъ: здѣсь, еще на Инзовой горѣ, рядомъ съ насыпью изъ мусора — полу-

мѣсть могъ постоянно видѣть цыганъ и Пушкианъ. По свидѣтельству Липранди, они тутъ обыкновенно располагались и въ его время. *Русскій Архивъ*. — 1866 г., стр. 1284-я.

развалившаяся хижина — сторожевка; возлѣ нея вела дорога внизъ, которой нѣтъ теперь и слѣдовъ, а просто — покатошь. Вдали на возвышеніи опять виднѣется городъ. Въ настоящее, впрочемъ, время видъ на западъ закрытъ. Съ западной стороны — на спускѣ съ Инзовой горы — на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ былъ нѣкогда тотъ великолѣпный садъ, вдохновлявшій Пушкина, — построены года два назадъ *конюшни* для Лубенскаго гусарскаго полка. Конюшни довольно высоки и на западъ вида уже не допускаютъ. Навозъ изъ конюшенъ выносятся прямо на мусорную насыпь — этотъ послѣдній остатокъ Инзовскаго дома... Посѣтивъ вмѣстѣ съ Н. А. Голынскимъ Инзову гору въ этотъ періодъ ея исторіи, мы оплакали этотъ новый фазисъ пренебрежительнаго забвенія, которому подверглось бывшее жилище Пушкина.... ¹⁾

За то со времени построенія конюшенъ Инзова гора значительно оживилась и приняла военный характеръ... Въ январѣ 1877 года предъ началомъ послѣдней турецкой кампаніи, когда Лубенскій гусарскій полкъ выступилъ изъ Кишинева, конюшни его были заняты *саперами*. Мы и въ это время посѣщали Инзову гору. Въ этотъ-же періодъ посѣщали ее и нѣкоторые изъ корреспондентовъ русскихъ газетъ, находившихся при арміи, — между прочимъ, кажется, г. *Каразинъ*, помѣстившій видъ *Инзовой горы* въ одномъ изъ нашихъ иллюстрированныхъ журналовъ. Когда мы пришли сюда, — на площади горы расположены были въ рядъ огромныя телеги съ лежащими на нихъ понтонами. Солдаты на террасѣ пили горячій чай, не смотря на морозъ. «А знаете, братцы, — спросили мы у двухъ солдатъ,

¹⁾ Н. А. Голынскій — учитель рисованія въ Кишиневской Гимназіи. Онъ снялъ съ натуры видъ остатковъ *Инзова дома*...

подошедшихъ къ намъ,—кто на этомъ мѣстѣ когда-то жилъ?»—Нѣтъ. А кто?—Пушкинъ! — «Пушкинъ? А кто такой этотъ Пушкинъ?» — Солдаты—народъ еще не знаютъ Пушкина!

И такъ, вотъ въ какомъ положеніи находится одно изъ монументальныхъ напоминаній о жизни Пушкина въ Кишиневѣ. Тоже самое можно сказать о другомъ монументальномъ напоминаніи о Пушкинѣ. Одна изъ аллей кишиневского городского сада называется, говорятъ, *Пушкинской аллеей*. Она самая густая; по ней, говорятъ, ходилъ гулять Пушкинъ. Но это названіе можетъ существовать лишь до тѣхъ поръ, пока будутъ жить люди, сохраняющіе живое преданіе о Пушкинѣ. Съ ними оно исчезнетъ и уже исчезаетъ. Ибо не принято никакихъ мѣръ, чтобы его увѣковѣчить. Нигдѣ вы не встрѣтите *нагляднаго указанія* (въ видѣ хотябы простаго столба съ надписью), что это *Пушкинская аллея*. Тогда-бы грамотная молодежь читала и запоминала.

Также точно и съ *Изовой горой*. И она, повторяемъ, можетъ имѣть свою напоминательную силу только при живомъ преданіи о Пушкинѣ. Но это преданіе постепенно исчезаетъ въ средѣ городского общества... И кто теперь говоритъ объ Изовой горѣ—съ увлеченіемъ прежнихъ, близкихъ къ эпохѣ Пушкина, лѣтъ и съ сознаниемъ всей важности ея въ исторіи кишиневского прошлаго? Весьма, весьма немногіе...

А если такъ, то нужно, чтобы сама Изова гора говорила за себя всякому, умѣющему читать и понимать, что здѣсь жилъ когда-то Пушкинъ, великій нашъ Пушкинъ. Нуженъ какой-нибудь знакъ, памятникъ на этой горѣ, который показывалъ-бы, что городъ, какъ общество, цѣнитъ значеніе этого мѣста и желаетъ, чтобы

и молодое нарождающееся поколѣніе цѣнило его... Ну, положимъ, Инзова дома сохранить не съумѣли; по крайней мѣрѣ не нужно забывать *Инзовой горы*. Къ сожалѣнію, до сихъ поръ еще ничего не сдѣлано, чтобы возстановить значеніе *Инзовой горы* для современнаго кишиневскаго общества, укрѣпить и увѣговѣчить это значеніе для будущихъ поколѣній города, — вообще ничего не сдѣлано для того, чтобы обезпечить навсегда *память Пушкина въ Кишиневѣ*, эту драгоцѣннѣйшую черту въ исторіи этого города ¹⁾.

II.

Пушкинъ жилъ въ Кишиневѣ и вообще въ Бессарабіи довольно долго — безъ малаго цѣлыхъ три года (съ послѣднихъ чиселъ сентября 1820 года по іюнь 1823 года). Въ это время было написано имъ нѣсколько высоко-художественныхъ лирическихъ произведеній, въ которыхъ Пушкинъ является уже мастеромъ и поэтомъ первой величины... Таковы его: «*Муза*» (Въ младенчествѣ она меня любила), «*Къ Овидію*», «*Наполеонъ*» и «*Пѣснь о вѣщемъ Олегѣ*». Въ Кишиневѣ-же были написаны имъ *Бахчисарайскій фонтанъ* и *Братья разбойники*, а также набросаны первыя строфы *Евгенія Онѣгина*. Бессарабіи же, конечно, обязана какъ своимъ замысломъ, такъ и выполненіемъ, поэма *Цыгане*, хотя собственно для печати Пушкинъ отдѣлалъ и приготовилъ ее нѣсколько позже.

Итакъ, если даже и не поднимать вопроса о томъ, какое значеніе имѣли въ развитіи и судьбѣ поэтической

¹⁾ Въ 1885 году 26 мая открытъ памятникъ Пушкина, поставленный на главной аллеѣ городского сада. В. Я.

и человѣческой личности Пушкина эти три года кишиневской жизни,—то и тогда Кишиневъ имѣлъ-бы право считать дорогою для себя историческою чертою то обстоятельство, что въ немъ столько времени жилъ и работалъ величайшій русскій поэтъ... Въдь если нѣкогда семь греческихъ городовъ горячо спорили о томъ, чтобы только за однимъ изъ нихъ признана была честь считаться родиной Гомера, то отчего-же Кишиневу не гордиться тѣмъ, что на его долю пришлось цѣлыхъ почти три года быть жилищемъ и мѣстомъ проявленія Пушкинской музы?...

Но дѣло принимаетъ еще болѣе серьезный и знаменательный для Кишинева видъ, если обратить вниманіе на то, *что значили для Пушкина эти три года кишиневской жизни, чѣмъ оказался для него*, тогда еще молодого человѣка и только-что расцвѣтавшаго поэта, *Кишиневъ*.... Этотъ важный вопросъ мы будемъ рѣшать не сами, послушаемъ рѣшеніе его у біографовъ Пушкина.

Всѣ біографы и изслѣдователи человѣческой и поэтической личности Пушкина съ особенною внимательностью, съ самыми серьезными и содержательными запросами останавливаются на *кишиневскомъ* періодѣ его жизни. Тутъ, по ихъ мнѣнію, заключается узелъ дальнѣйшаго развитія какъ человѣческой личности Пушкина, такъ и его поэтическаго генія. Распутывая этотъ узелъ, біографы не сходятся иногда въ общей точкѣ зрѣнія и въ общихъ выводахъ. Но всѣ они единогласно видятъ въ этомъ періодѣ *нѣчто въ высшей степени важное и рѣшительное* въ судьбѣ Пушкина, какъ человѣка и поэта.

Одни изъ біографовъ смотрятъ на кишиневскій періодъ жизни Пушкина въ смыслѣ болѣе *положитель-*

номъ. Цѣня въ Пушкинѣ прежде всего *поэта* и ради поэзіи мало обращая критическаго вниманія на его человѣческія увлеченія, они признають за Кишиневомъ и вообще за Бессарабіей *могущественно-благодѣтельное* вліяніе на развитіе и раскрытіе *поэтическаго гения* Пушкина. Еще Надеждинъ въ изданномъ имъ на 1840-й годъ «*Одесскомъ Альманахѣ*» высказалъ это съ восторженною рѣшительностью. «Алеко и Земфира,—говоритъ онъ между прочимъ, рождены въ Бессарабіи. Лучшая, блистательнѣйшая часть поэтическаго бытія Пушкина принадлежитъ южной Россіи. Въ Бессарабіи въ первый разъ спознался онъ съ красотою и великолѣпіемъ русскаго юга,—и это имѣло могущественное, животворное вліяніе на дитя суроваго сѣвера ¹⁾».

Такой-же *положительной* точки зрѣнія держится и П. И. Бартеневъ, издатель «*Русскаго Архива*», который, кстати замѣтимъ, давно уже поставилъ какъ-бы свою спеціальностью розысканіе матеріаловъ для подробной біографіи Пушкина и самую такую біографію. Въ обширной и обстоятельной статьѣ своей «*Пушкинъ въ южной Россіи*», напечатанной сначала въ соединенной газетѣ *Русская Рѣчь* и *Московский Вѣстникъ*» (1861 г. №№ 85—104), а затѣмъ перепечатанной въ *Русскомъ Архивѣ* (1866 г. тетради 8 и 9-я),—г. Бартеневъ высказываетъ слѣдующее общее мнѣніе о значеніи кишиневскаго періода жизни Пушкина.

Сказавши съ самаго начала статьи, что рассказъ его о жизни Пушкина будетъ обнимать собою немного больше трехъ лѣтъ,—именно съ мая 1820 г. по іюнь 1823 г., г. Бартеневъ замѣчаетъ: «время это отмѣчено въ исторіи русской словесности и въ русской внутрен-

¹⁾ Статьи въ *Одесскомъ Альманахѣ*: «Литературная лѣтопись Одессы». Стр. 14 и 19.

ней жизни *самыми свѣжими, самыми благоуханными цвѣтами Пушкинской поэзіи; въ эти три года вполнѣ развернулся блистательный гений Пушкина*, и его имя пронеслось во все концы Россіи». Рассказавши затѣмъ о жизни Пушкина въ Екатеринославѣ, на Кавказѣ и въ Крыму (съ мая 1820 г. по сентябрь того-же 1820 года) и переходя къ подробному изложенію жизни Пушкина въ Бессарабіи, г. Бартеневъ говоритъ: «Пока Пушкинъ странствовалъ, во внѣшнемъ положеніи его устроилась новая перемѣна, какъ и прежде, случайная и *также благоприятная*. Возвращаться изъ Крыма пришлось ему не въ Екатеринославъ, откуда отпустилъ его Инзовъ (начальникъ Пушкина), а въ Бессарабію, въ городъ Кишиневъ. Читатели убѣдятся изъ дальнѣйшаго разсказа нашего, *какъ важно было для Пушкина* это обстоятельство; вмѣсто однообразной губернской жизни (въ Екатеринославѣ), онъ очутился почти въ пограничномъ городѣ, съ самымъ пестрымъ населеніемъ, представлявшимъ множество предметовъ для его наблюдательности, познакомившимъ его съ разнохарактерными явленіями русской жизни. Кавказъ и Крымъ воспитали въ Пушкинѣ чувство любви къ природѣ, обогативъ его душу великолѣпными образами внѣшняго міра; кишиневская жизнь развернула предъ нимъ во всей пестротѣ и разнообразіи міръ людскихъ отношеній и связей; тамъ по преимуществу познакомился онъ съ жизнью и приобрѣлъ познаніе человѣческаго сердца, которое бываетъ такъ нужно писателю ¹⁾).

Такимъ образомъ съ точки зрѣнія г. Бартенева, кишиневская жизнь Пушкина была въ высшей степени благоприятна для развитія его гения и его поэтической

¹⁾ *Русскій Архив* 1866 г., стр. 1121.

дѣтельности. Въ виду этого г. Бартенева внимательно слѣдить за этою, исполненною всевозможныхъ приключеній, жизнью. Мало того; вслѣдъ за своей статьей онъ помѣстилъ обширнѣйшія извлеченія «Изъ дневника и воспоминаній И. П. Липранди», гдѣ сообщается весьма много интереснѣйшихъ подробностей и разъясненій о жизни Пушкина въ Кишиневѣ и его здѣсь обстановкѣ, подробностей тѣмъ болѣе цѣнныхъ, что онѣ исходятъ отъ наблюдателя-очевидца. Но разсматривая кишиневскую жизнь Пушкина—со всѣмъ разнообразіемъ ея событій и вѣяній, какъ лабораторію, въ которой выработывался его поэтическій гений—сердцевѣдецъ, видя въ этой жизни благопріятное служебное значеніе для поэзіи Пушкина, г. Бартенева естественно долженъ былъ отнести нѣсколько своеобразно къ *нравственному* характеру этой жизни. Этотъ характеръ онъ самъ опредѣляетъ эпитетомъ *безпорядочности*. Жизнь Пушкина въ Кишиневѣ была *жизнь безпорядочная*. Но безпорядочность эту г. Бартенева не рѣшился судить и цѣнить обыкновенной человѣческой мѣркой. Въ концѣ концовъ онъ готовъ даже совершенно закрыть на нее глаза.

Приведемъ подлинныя слова г. Бартенева. «Изъ словъ и еще нѣсколько человѣкъ въ Кишиневѣ хорошо знали, что Пушкину было можно и было за что прощать его увлеченія. За безпорядочною жизнью, за необузданностью нрава, за дерзкими рѣчами не скрывалось отъ нихъ существо, необычайно умное и свѣшодаренное. Дѣло въ томъ, что уже въ это время въ Пушкинѣ обозначалось противорѣчіе между его всеневною жизнью и художественнымъ служеніемъ. Уже тогда въ немъ было два Пушкина, одинъ—Пушкинъ человѣкъ, а другой—Пушкинъ—поэтъ. Это раздвоеніе

онъ хорошо сознавалъ въ себѣ; порою оно должно было мучить его, и отсюда-то, можетъ быть, меланхолическій характеръ его пѣсенъ, та глубокая, симпатическая грусть, которая примѣшивается почти ко всему, что написалъ онъ, и которая невольно вызываетъ участіе въ читателѣ. Онъ былъ неизмѣримо выше и несравненно лучше того, чѣмъ казался и чѣмъ даже, выражалъ себя въ своихъ произведеніяхъ. Справедливо отзывались близкіе друзья его, что его душевныя бесѣды стоили многихъ его печатныхъ сочиненій, и что нельзя было не полюбить его, покороче узнавши. Но, по замѣчательному и въ психическомъ смыслѣ чрезвычайно важному побужденію, которое для поверхностныхъ наблюдателей могло казаться простымъ капризомъ, Пушкинъ какъ будто вовсе не заботился о томъ, чтобы устранять названное противорѣчіе: напротивъ, прикидывался буяномъ, развратникомъ, какимъ-то яростнымъ вольнодумцемъ. Это состояніе души можно бы назвать *юродствомъ поэта*. Оно замѣчается въ Пушкинѣ до самой его женитьбы и можетъ быть еще позднѣе. Началось оно очень рано, но становится ярко-замѣтнымъ въ описываемую нами (кишиневскую) пору ¹⁾.

Не можемъ не замѣтить, что въ этомъ опредѣленіи *нравственнаго* значенія кишиневской жизни Пушкина г. Бартеневъ впадаетъ въ нѣкоторое противорѣчіе самому себѣ. Нравственно-самосознательное отношеніе Пушкина къ своей личности представляется въ характеристикѣ Бартенева не яснымъ, сбивчивымъ. Если Пушкинъ только прикидывался беспорядочнымъ, — если онъ только *юродствовалъ*, — то отчего такое поведение порою должно было мучить его, отчего эта глубокая

¹⁾ «Русскій Архивъ» — 1866 г., стр. 1169 — 1170.

грусть въ немъ, этотъ меланхолическій характеръ его пѣсенъ? — Значить, онъ иногда *критически* относился къ себѣ, и самъ считалъ свою безпорядочность *не напускною*, а искреннею, непосредственно вытекавшею изъ его натуры, хотя въ иные моменты и осуждавшеюся другими *высшими* сторонами этой-же натуры? Значить, какъ искрененъ былъ нравственный его критицизмъ, такъ точно искренна была безпорядочность, которую онъ осуждалъ внутри самаго себя... — Очевидно, что г. Бартенева, смотря на Пушкина только какъ на *поэта*, и притомъ великаго, и, значить, смотря снизу вверхъ,—не могъ чрезъ это самое всмотрѣться глубоко въ *человѣческую* его личность. А отсюда вышло, что и опредѣленіе *поэтической* личности Пушкина оказалось у г. Бартенева тоже сбивчивымъ и неяснымъ. Такъ, онъ съ одной стороны готовъ констатировать противорѣчіе между повседневною (человѣческою) жизнью Пушкина и его художественнымъ служеніемъ (т. е. его поэзію). А между тѣмъ съ другой стороны онъ утверждаетъ—и это есть основная мысль его статьи,— что между жизнью Пушкина и его поэтическими произведеніями была тѣснѣйшая связь, что эта жизнь вліяла на поэзію, что самое это развитіе страстей въ Пушкинѣ было *полезно для его поэзіи*. Правда, такое соотношеніе между поэзію и жизнью доставалось Пушкину, по сознанию самого Бартенева, не легко; процессъ вырожденія поэзіи изъ жизни былъ болѣзненный процессъ. Г. Бартенева жалѣетъ въ этомъ случаѣ Пушкина. Но тѣмъ не менѣе, какъ объективный *историкъ поэта*, онъ все-таки выставляетъ на первый планъ именно *полезность* кишиневской жизни — этой *жизни страстей*—для поэзіи Пушкина.

Въ концѣ концовъ во всемъ тонѣ труда г. Барте-

нева сглаживается мысль о противорѣчии между жизнью и поэзіею Пушкина — и онъ постоянно возвращается къ той основной своей идеѣ, что кишиневская жизнь имѣла самое благотворное вліяніе на раскрытіе, развитіе, усиленіе и обогащеніе поэтического генія Пушкина.

Но существуетъ и другой взглядъ на характеръ и значеніе кишиневской жизни Пушкина, почти совершенно противоположный предыдущему. Взглядъ этотъ принадлежитъ П. В. Анненкову, за которымъ признана честь лучшаго издателя сочиненій Пушкина, и высказанъ имъ со всею силою и обстоятельностью въ монографіи: «Александръ Сергѣевичъ Пушкинъ въ александровскую эпоху,» напечатанной сначала въ *Вѣстникъ Европы* (1873 и 1874 гг.), а затѣмъ вышедшей и отдѣльною книгою ¹⁾. П. В. Анненковъ, согласно съ прочими біографами Пушкина считаетъ три года кишиневской его жизни самымъ крупнымъ и яркимъ эпизодомъ въ судьбѣ нашего великаго поэта. Именно, г. Анненковъ говоритъ, что въ Кишиневѣ постигло Пушкина *нравственная революція*, что это была *самая бурная эпоха его жизни, періодъ тыла и порывовъ, Sturm und Drang*, какой немногіе переживали на вѣку своемъ ²⁾.

Но въ чемъ состояла сущность этой *нравственной революціи*, и какое она имѣла вліяніе на личность Пушкина? Изслѣдуя какъ процессъ этой революціи, такъ и ея результаты, г. Анненковъ видитъ въ ней въ концѣ концовъ *неблагопріятное* вліяніе на личность Пушкина. Въ такому выводу естественно привела г. Анненкова та точка зрѣнія, съ которой онъ рѣшился разсматривать жизнь Пушкина въ Кишиневѣ. Характеризуя эту жизнь, онъ поставилъ себѣ главной задачей

¹⁾ Вышло отдѣльнымъ изданіемъ въ 1875 г.

В. Я.

²⁾ «Вѣстникъ Европы». 1874 г., января, стр. 7 и 48.

обрисовать Пушкина не какъ поэта, а какъ *дѣйствительнаго реальнаго челоуька* и, пожалуй, *политическаго писателя*.

Руководствуясь этою точкою зрѣнія, г. Анненковъ «приведень былъ,—какъ самъ онъ говоритъ;—въ необходимость возстать противъ того распространеннаго мнѣнія, по которому кишиневскій періодъ жизни Пушкина, *со всѣми его увлеченіями*, считается дѣломъ *преднампреннымъ у поэта, напускнымъ* заимствованнымъ, какъ мода. Такое мнѣніе г. Анненковъ называетъ промахомъ у біографовъ, *подмльнивающихъ* настоящую, *реальную жизнь поэта лучезарными образами* какими она свѣтится въ его сочиненіяхъ... Вопреки взгляду этихъ біографовъ,, г. Анненковъ пришелъ въ необходимость доказывать, что «ночь, *облежавшая сознание поэта въ кишиневскую эпоху была дѣйствительною ночью*» и «что кишиневская жизнь есть *исторія заблуждений самаго свѣтлаго ума эпохи*»

Опредѣляя то *общее* руководительное начало, которое заправляло жизнью Пушкина въ эту эпоху и было источникомъ его заблуждений, г. Анненковъ даетъ ему имя *русскаго байронизма*. Русскій байронизмъ—это, по словамъ г. Анненкова, была система, «крайняго отрицанія и кощунства»; это было—оправданіе безграничнаго произвола всякой слѣпобунтующей личности и какое-то право на всякаго рода *демоническія* безчинства, это была «готовность платить каждый свой поступокъ такою цѣнною наличною монетою, какова жизнь; но это было въ свою очередь право распоряжаться и жизнью другихъ по своему усмотрѣнію»; словомъ—это была полнѣйшая разнузданность *я* со всѣми его страстями... Представляя такимъ образомъ карикатурное пониманіе тогдашняго дѣйствительнаго

европейскаго байронизма и пришедшия какъ разъ по плечу горячей и кипѣвшей молодостью полу-африканской натурѣ Пушкина, — русскій байронизмъ, въ лицѣ своего главнаго представителя, *какъ будто нарочно поставлена была въ такую среду*, гдѣ онъ могъ дойти до своихъ крайнихъ предѣловъ...

Этою средою и было, по мнѣнію г. Анненкова, *тогдашнее кишиневское общество*. Въ немъ—въ этомъ обществѣ—представитель русскаго байронизма нашелъ для себя всѣ «возбуждающія и потворствующія обстоятельства». «Какъ элементъ броженія, *возбудившій физическій и нравственный организмъ Пушкина*, кишиневское общество заслуживаетъ стоять на первомъ мѣстѣ въ біографическомъ отношеніи» ¹⁾

Что же спасло Пушкина отъ этого нравственнаго урагана, настигшаго его въ Кишиневѣ? Спасеніемъ своимъ въ этомъ случаѣ Пушкинъ, по мнѣнію г. Анненкова, обязанъ единственно силѣ своего *поэтическаго творчества*, дару—всегда присущей ему и никогда не покидавшей его поэзіи. Но *не тенденціознаго* поэтическаго творчества, а *чистаго* творчества, ибо тенденціозное творчество привело Пушкина только къ созданію того цикла художественныхъ малостей, которому французы даютъ названіе *diableries* — чертовщина. Плодомъ этой чертовщины и была одна *сатанинская*, чувственная и страстная поэма, которой Пушкинъ сообщилъ изумительную отдѣлку и въ которой, по мнѣнію Анненкова, разрѣшилось тогдашнее *болзненное* состояніе Пушкина, служившее источникомъ и стимуломъ его *тенденціозной поэзіи*, именно состояніе крайняго отрицанія и кощунства. ²⁾

¹⁾ Тамъ-же стр. 33-я.

²⁾ Тамъ-же, стр. 23 и 26.

Итакъ, только *чистое творчество* спасло Пушкина. Оно послужило ему путеводной звѣздой изъ этой настигшей его «жизненной смуты». Благодаря ему, началось наконецъ возрожденіе Пушкина, — и г. Анненковъ не безъ намѣренія даетъ замѣтить, что это возрожденіе какъ разъ совпало съ фактомъ выѣзда Пушкина изъ Кишинева... ¹⁾. Такимъ образомъ, по мнѣнію г. Анненкова выходитъ, что кишиневская жизнь не внесла ничего *положительнаго* въ развитіе поэтическаго генія Пушкина. Напротивъ — она только губельно — болѣзненно подѣйствовала на его физическій и нравственный организмъ. И если онъ вышелъ изъ нея цѣль и невредимъ, — то только потому, что носилъ въ себѣ отъ природы даръ чистой поэзіи и проявлялъ этотъ даръ независимо и помимо впечатлѣній кишиневской жизни... Самый этотъ даръ поэзіи ничего для себя положительнаго не получилъ... Онъ сослужилъ только отрицательную службу...

Такіе-то два противоположные взгляда существуютъ въ нашей литературѣ на кишиневскую жизнь Пушкина... Такъ-то различно она понимается, характеризуется и цѣнится его биографами. Одни считаютъ ее *счастливою и благоприятною случайностью*, подвинувшею сильно впередъ ростъ Пушкинскаго генія; другіе — *случайностью неблагоприятною*, чуть чуть было не сгубившею *человѣка* и не сгубившею только потому, что этотъ *человѣкъ былъ поэтъ*...

III.

Очевидно, что въ обоихъ этихъ крайнихъ взглядахъ на кишиневскую жизнь Пушкина чего-то не достаетъ... Оба они рассматриваютъ Пушкина не какъ

¹⁾ Тамъ-же.

цельнаго человека, а какъ какую-то *раздвоенную личность*. Г. Бартечевъ и его единомышленники — биографы видятъ и цѣнятъ въ Пушкинѣ прежде всего поэта. И вотъ, видя во-очію, какимъ быстрымъ шагомъ пошло впередъ поэтическое развитіе Пушкина въ кишиневскій періодъ его жизни, они съ своей точки зрѣнія естественно считаютъ Кишиневъ и его среду такими факторами, которые случайно сыиграли *положительную, благотворную* роль въ судьбѣ Пушкина — *поэта*.

Но въ тоже самое время, желая быть въ нѣкоторомъ смыслѣ послѣдовательными, такіе биографы готовы закрывать, такъ сказать, глаза на *человеческую* сторону личности Пушкина, на его нравственныя заблужденія и уклоненія, не хотятъ видѣть въ нихъ того, что въ нихъ дѣйствительно было... Они какъ-бы боятся, чтобы анализъ и раскрытіе этой стороны личности Пушкина не умалили значенія *другой* ея стороны, предъ которою они преклоняются, благоговѣютъ... Когда вы замѣтите имъ, что эта нравственная aberrация поэта уже слишкомъ бросается въ глаза, — они готовы утверждать, что Пушкинъ прикидывался, юродствовалъ, что это у него было — дѣло преднамѣренное, напускное... Когда же такое объясненіе мало удовлетворитъ васъ, и вы будете выставить на видъ его неестественность, несообразность, — тогда они согласятся допустить, что въ Пушкинѣ было противорѣчіе между его вседневною жизнью и его художественнымъ служеніемъ; что въ немъ было два Пушкина: одинъ — *человекъ*, а другой — *поэтъ*; что какъ поэтъ онъ былъ несравненно выше и лучше самого себя, какъ человекъ; что это раздвоеніе порою мучило его и выражалось въ меланхолическомъ характерѣ его пѣсень.

Говоря такъ, подобные биографы забываютъ, что нравственную aberrацию свою Пушкинъ проявлялъ и въ

своей поэзии; что были у него такіа поэтическіа созданія, въ которыхъ онъ послѣ раскаявался, которыя, значить, тоже послѣ мучили его, какъ наприм. та самая поэма, которой онъ, по словамъ г. Анненкова, сообщилъ изумительную отдѣлку (вотъ, значить, куда шло художественное служеніе!...). Самъ-же г. Бартеневъ говорить на счетъ этой поэмы слѣдующее: «Къ 1822 г. слѣдуетъ отнести и ту рукописную поэму, въ сочиненіи которой Пушкинъ потомъ такъ горько раскаявался, и которая въ послѣдствіи возбудила противъ него справедливое негодованіе людей благомыслящихъ и навлекла непріятности со стороны духовнаго начальства. Пушкинъ всячески истреблялъ ея списки, выпрашивалъ, отнималъ ихъ и сердился, когда ему напоминали о ней». Но вслѣдъ за симъ г. Бартеневъ, какъ-бы боясь, чтобы читатели по поводу этой поэмы не подумали уже *слишкомъ дурно* о Пушкинѣ, — прибавляетъ въ своемъ обыкновенномъ оправдательномъ тонѣ, вообще поверхностномъ относительно человѣческой стороны Пушкина: «Увѣряютъ, что онъ позволилъ себѣ сочинить ее просто изъ молодаго литературнаго щегольства. Ему захотѣлось показать своимъ пріятелямъ, что онъ можетъ въ этомъ родѣ написать что-нибудь лучше стиховъ Вольтера и Парни ¹⁾».

По поводу подобнаго оправдательнаго отношенія къ личности Пушкина справедливо въ общемъ смыслѣ замѣчаетъ г. Анненковъ: Съ роковаго 1821 года (т. е. съ начала кишиневскаго періода) начинается короткая полоса Пушкинскаго кощунства и отрицанія, о которой принято у насъ умалчивать; какъ будто-бы это мимолетное и случайное настроеніе способно въ глазахъ

¹⁾ *Русскій Архивъ*—1866 г. стр. 1179.

мыслящаго человѣка измѣнить, отнять хоть одну черту изъ того свѣтлаго образа его поэтической личности, постоянно (?) выразившей чистѣйшія стремленія человеческой души, который сложился въ представленіи публики и ничѣмъ потрясенъ быть не можетъ. Опасенія друзей поклонниковъ Пушкина за его образъ, на основаніи того или другого факта изъ его жизни, по крайней мѣрѣ напрасны и доказываютъ, что они еще не усвоили себѣ полного пониманія типа, за который радѣютъ»... 2).

Но самъ г. Анненковъ едва-ли не впалъ въ противоположную крайность относительно *человѣческой стороны* личности Пушкина. Это совершенно естественно, что онъ не могъ удовлетвориться тѣмъ отношеніемъ къ ней, по которому настоящая реальная жизнь поэта подмѣнивается лучезарными образами, свѣтящимися въ его сочиненіяхъ, и, какъ жизнь поэта, а не простаго смертнаго, ставится выше нравственной общечеловѣческой оцѣнки.

Г. Анненковъ рѣшился посмотрѣть на эту жизнь прямо, безъ разныхъ смягченій и оговорокъ—этой обычной дани своего рода фетишизма по отношенію къ великимъ людямъ... Онъ поставилъ своей задачей изслѣдовать именно эту дѣйствительную, реальную (*человѣческую, а не поэтическую*) жизнь Пушкина въ Кишиневѣ. Тѣ лучезарные образы, какими свѣтится она въ тогдашней поэзіи Пушкина, содержать, говоритъ г. Анненковъ, указаніе только на то, чѣмъ *могла быть* эта жизнь, *по мысли поэта*, а не чѣмъ *она была* въ дѣйствительности. А г. Анненковъ рѣшился раскрыть именно это послѣднее дѣйствительное ея содержаніе и при этомъ *прямо* оцѣнить ея *нравственное* значеніе. Но всматри-

2) *Вѣстникъ Европы*—1874 г. Январь, стр. 29-я.

ваясь въ оцѣнку, произведенную г. Анненковымъ, нельзя не замѣтить, что если г. Бартевевъ смотрѣлъ на дѣйствительную человѣческую жизнь Пушкина въ Кишиневѣ, такъ сказать, сквозь пальцы, то г. Анненковъ посмотрѣлъ на нее ужь слишкомъ чрезъ увеличительное стекло, примѣнилъ къ ней слишкомъ абсолютныя требованія... Въ самомъ дѣлѣ, онъ видитъ въ ней одну лишь *черную сторону*, онъ прямо называетъ ее *ночью*...

Чѣмъ-же объяснить, что среди этой ночи Пушкинъ не потерялся? Какой свѣточъ руководилъ имъ среди этой нравственной тьмы, среди этого религіознаго и умственнаго мрака, въ которомъ въ ту пору пребывало его сознаніе?

Для разрѣшенія этого вопроса и г. Анненковъ становится на тотъ-же самый путь раздвоенія личности Пушкина, на которомъ стоитъ и г. Бартевевъ. Основная мысль монографіи г. Анненкова: «*А. С. Пушкинъ въ александровскую эпоху*», именно та, что *Пушкинъ поэтъ и Пушкинъ человекъ не одно и тоже лицо*. Значитъ, Пушкинъ—человѣкъ и мыслитель—это была *ночь и тьма*; а Пушкинъ—поэтъ—это былъ *свѣтъ*. Пушкинъ—поэтъ спасъ Пушкина—человѣка. Даръ поэзіи, даръ поэтическаго творчества сохранилъ Пушкина среди его жизненной смуты въ Кишиневѣ и вывелъ его наконецъ *изъ мрака къ свѣту*. Таковъ взглядъ г. Анненкова.

Конечно, съ такой точки зрѣнія онъ не могъ вести и рѣчи о какомъ-либо благотворномъ вліяніи этой кишиневской жизненной смуты на развитіе и ростъ Пушкинскаго поэтическаго генія, — о чемъ съ такою силою и убѣжденностью заявляетъ г. Бартевевъ. Но намъ кажется, что въ этомъ случаѣ взглядъ г. Анненкова дальше отъ психической и жизненно-исторической правильности, чѣмъ взглядъ г. Бартевева. Существенная ошибка по-

слѣдняго, помимо нѣкоторыхъ другихъ его сбивчивыхъ и неопредѣленныхъ воозрѣній, состоитъ, по нашему мнѣнію, только въ томъ, что онъ не имѣлъ на столько безпристрастія, чтобы подвергнуть справедливой нравственной оцѣнкѣ человѣческую жизнь Пушкина; онъ поступилъ въ этомъ случаѣ не какъ историкъ, а какъ поклонникъ поэта; онъ, такъ сказать, пощадилъ эту жизнь и, совершенно справедливо поставляя ее въ связь съ поэзіею, не могъ однако генетически вывести эту послѣднюю изъ первой. Вопреки Бартеневу, г. Анненковъ хочетъ пожертвовать Пушкинымъ — человѣкомъ Пушкину — поэту. Пушкина — поэта онъ ставитъ *вне Пушкина — чловѣка*, какъ что-то *качественно различное* отъ него. Но въ такомъ случаѣ какъ-же мы рѣшимъ вопросъ о *жизненности поэзіи* Пушкина? Вѣдь что ни говорить, а его поэзія тѣсно была связана съ его *человѣческой* жизнью, была отголоскомъ послѣдней. Его дѣйствительная, реальная, обыденная жизнь была источникомъ, содержаніемъ, *материаломъ* его поэзіи, на сколько эта послѣдняя выражалась внѣ, въ стихотвореніяхъ. Какъ-же можно ставить его поэтическое творчество, какъ даръ, какъ способность *вне* его жизни, внѣ жизненныхъ вліяній? Какъ можно его *поэтический гений* *качественно различать* отъ его *человѣческой* натуры и жизни, хотя-бы и въ одну лишь кишиневскую эпоху?...

Г. Анненковъ смотритъ на поэзію, какъ на какую-то *обуздательницу* Пушкина во время его кишиневской жизни, *отрезвляющую* его среди бурнаго процесса *нравственной революціи*. А между тѣмъ онъ какъ будто забываетъ, что въ это время предметомъ поэзіи у Пушкина вообще было именно *ничто необузданное*... Таковъ именно предметъ хоть-бы той поэмы, которой Пушкинъ,

по свидѣтельству самаго же г. Анненкова, сообщилъ изумительную отдѣлку... Или это для Пушкина не было поэзію? Или не было для него поэтическаго элемента въ самыхъ его демоническихъ увлеченіяхъ?—Г. Анненковъ готовъ утверждать, что это не была *чистая поэзія*, что тутъ дѣйствовала *тенденція*, происходившая отъ извѣстнаго состоянія его *разсудочнаго сознанія*; чистое же поэтическое творчество не могло допустить и родить подобныхъ созданій фантазіи. Это *чистое творчество*, какъ природный даръ, какъ способность, пребывало *внутри* Пушкина не запачканнымъ и не замараннымъ его реальною жизнью и заблужденіями разсудка, — оно стояло *внѣ* этой грубой, не чистой дѣйствительности и наконецъ вывело изъ нея поэта на прямую дорогу...

Но намъ кажется, что въ этомъ случаѣ г. Анненковъ смѣшиваетъ даръ, *чувство поэзии съ нравственнымъ чувствомъ*. И дѣйствительно, онъ въ одномъ мѣстѣ своего сочиненія такъ и называетъ силу поэтическаго творчества въ Пушкинѣ силой *нравственнаго творчества*. Но вѣдь, кажется, нечего доказывать, что *нравственное чувство совсѣмъ не то, что поэтическое чувство* ¹⁾. И когда гг. Бартенева и Анненковъ, каждый для своихъ цѣлей, говорятъ, что Пушкинъ—поэтъ и Пушкинъ—человѣкъ не одно и то же лицо и что Пушкинъ, какъ поэтъ, *выше и лучше* Пушкина—человѣка, — то, очевидно, они смѣшиваютъ въ немъ эти

¹⁾ Критикъ *Русскаго Вѣстника* былъ поэтому правъ, когда сопроводилъ выраженіе г. Анненкова: «*нравственное творчество*» вопросительнымъ знакомъ. («*Русскій Вѣстникъ*»—1874 г.—Февраль—статья г. А. *Новое слово старой критики* — стр. 829-я). Кстати замѣтимъ, что въ общей точкѣ зрѣнія критикъ *Русскаго Вѣстника*, по отношенію къ Пушкину, стоитъ на почвѣ того *фетишизма*, о которомъ мы упоминали выше.

два чувства—*поэтическое и нравственное*. Поэтическое чувство есть чисто *формальное чувство*: оно есть потребность и способность *формы*. Поэтическое творчество есть способность создавать *прекрасныя формы*, возводить дѣйствительность «въ перлъ созданія». Оно не предполагаетъ въ себѣ непременно извѣстнаго *содержанія*, а есть только способность *оформливать* данное содержаніе. Поэтому поэтическое чувство находится въ прямой и непосредственной зависимости отъ содержанія, даваемого дѣйствительною, реальною жизнью человѣка. Оно въ своихъ проявленіяхъ подвержено тѣмъ колебаніямъ, какія терпитъ эта простая обыденная жизнь,— оно есть непосредственный продуктъ ея. Управляетъ же эту жизнь *чувство нравственное*, и оно есть въ человѣкѣ *выше* всего прочаго въ немъ. Оно есть *само по себѣ содержательное*—и содержаніе его всѣмъ знакомо. Когда это чувство беретъ свою силу въ человѣкѣ, тогда его жизнь и поэзія—исходящія изъ него поэтическіе образы—проникнуты *нравственной идеей*... Когда же оно почему-либо не дѣйствуетъ, тогда жизнь и поэтическій даръ остаются на одной лишь психо-физиологической основѣ... Такъ было и въ Пушкинѣ. Онъ, дѣйствительно, бывалъ *выше себя*, но только въ своемъ *нравственномъ чувствѣ*. Не даромъ г. Бартенева, въ своей, приведенной нами выше, характеристикѣ его *души*, обронилъ такую фразу: «Онъ былъ неизмѣримо выше и несравненно лучше того, чѣмъ казался» (въ дѣйствительной жизни) и *чѣмъ даже выражалъ себя въ своихъ произведеніяхъ* (т. е. въ своей поэзіи, въ плодахъ своего поэтическаго творчества). Вотъ это именно и была сила его *нравственнаго чувства* или, по выраженію г. Анненкова, нравственнаго творчества, управляющаго жизнью человѣка во всѣхъ ея духов-

ныхъ проявленіяхъ. Она, она одна дѣлала Пушкина *выше самаго себя, какъ чловѣка и поэта*, она одна была для Пушкина путеводной звѣздой, какъ въ кишиневской, такъ и въ остальной его жизни...

Отсюда слѣдуетъ, что въ Пушкинѣ ни коимъ образомъ не слѣдуетъ *раздѣлять* поэта и дѣйствительнаго реального чловѣка. По нашему мнѣнію, Пушкинымъ-поэтомъ могъ быть только Пушкинъ-чловѣкъ. *Пушкинъ-поэтъ и Пушкинъ чловѣкъ — одно и тоже лицо...* Его поэзія всегда дѣлила судьбу чловѣческой стороны его личности. Въ его одной и той-же чловѣческой натурѣ, въ его психо-физиологическомъ организмѣ были задатки и увлеченій крайнихъ, и *поэтическаго творчества дивнаго...* Тутъ дѣйствовала одна и та же экстенсивная способность. Изъ одного и того-же родника билъ потокъ страстей и заблужденій, а вмѣстѣ съ тѣмъ изливалось цѣлое море поэтическихъ, «сладкихъ звуковъ». Пушкина — и въ его жизни, и въ его поэзіи — нужно разсматривать и судить, какъ *цѣльную натуру*, но еще не устоявшуюся нравственно, а потому и поэтически. Судя его какъ чловѣка — съ *нравственной* точки зрѣнія, подвергайте этому-же суду и его поэзію, какъ даръ, какъ способность. Не смотрите на этотъ даръ съ предубѣжденіемъ въ его пользу, какъ будто нѣчто нравственно-хорошее въ самомъ содержаніи своемъ, независимо отъ жизни поэта. Тогда вы не будете называть однихъ его поэтическихъ звуковъ «чистыми» и «нравственно-хорошими», а другихъ — «тенденціозными», а потому лишенными нравственной основы, «сатанинскими», какъ будто-бы ихъ вынесъ на свѣтъ Божій не одинъ и тотъ-же поэтическій родникъ!..

Даръ поэзіи, повторяемъ, способность формальная; содержаніе для него дается жизнію и міросозерцаніемъ

поэта. А жизнь регулируется большею или меньшею силою присущаго человѣку *нравственнаго сознанія*. А нравственное сознаніе развивается, *воспитывается опытомъ* — отношеніями къ людямъ, такими или иными вліяніями ихъ — и основанною на этомъ опытѣ работою ума и самосознанія. Вотъ теперь и посмотрите: не былъ-ли Пушкинъ въ Кишиневѣ въ періодѣ *нравственнаго и поэтическаго воспитательнаго опыта*? Съ такой именно точки зрѣнія и оцѣнилъ кишиневскую жизнь Пушкина *Я. К. Гротъ* въ статьѣ своей: *Первенцы Лицея и его преданія*, помѣщенной въ сборникѣ «*Складчина*» (1874 г.) Видимо направляя свои разсужденія противъ слишкомъ отрицательнаго взгляда г. Анненкова на человѣческую жизнь Пушкина въ Кишиневѣ, почтенный академикъ говоритъ въ концѣ концовъ: «На кишиневскій періодъ жизни Пушкина должно смотрѣть, какъ на серьезную *подготовительную школу* для дальнѣйшей, разрастающейся въ ширину и глубину дѣятельности его могучаго таланта ¹⁾».

Вотъ взглядъ, который, по нашему мнѣнію, ближе всего согласенъ съ жизненно-историческою и психологическою истиною. Да, Кишиневъ былъ *жизненною школою* Пушкина, школою для человѣка, а потому и для поэта... Да и чѣмъ инымъ могъ быть Кишиневъ для Пушкина, еще очень, очень молодого, едва вышедшаго изъ лѣтъ юности? Было бы совершенно несообразно съ истиною давать какое-либо самостоятельное значеніе и его тогдашней жизни, и его поэзіи, мѣрять ихъ абсолютною мѣркою, какъ жизнь и поэзію *совершеннаго мужа*, примѣнять къ тогдашнимъ его заблужденіямъ отвѣтственность «самаго свѣтлаго ума эпохи»...

¹⁾ *Складчина* стр. 376.

Но Кишиневъ — это была школа своеобразная — и только такая богато-одаренная натура, какъ Пушкинъ, могла выдержать ея искусъ... Сила ея вліянія и дѣйствія опредѣлилась сразу-же — съ одной стороны особенностью среды, въ которую онъ попалъ, — а съ другой — чрезвычайною возбуждательностью и воспримчивостью его натуры, рѣдко встрѣчающейся въ людяхъ... Молодой Пушкинъ — это живая, страстная, пламенная натура — очутился вдругъ въ Кишиневѣ, гдѣ мѣстная среда людей носила въ себѣ особенно оригинальный нравственный отпечатокъ. Кишиневъ въ то время — это былъ полу-азиатскій уголокъ Россіи, гдѣ первобытная, степная простота нравовъ переходила часто въ грубость и даже дикость, а свобода отношеній къ женщинамъ граничила съ распущенностью...

Все здѣсь способствовало свободному, непринужденному, нестѣсненному обычными формами цивилизаціи обнаруженію жизненныхъ задатковъ, таившихся въ натурѣ Пушкина. Раздолье для нея открылось полное... Во всякой чертѣ тогдашней обыденной его жизни и отражавшей эту жизнь поэзіи такъ и чувствуется присутствіе свободы и молодой удали. Пушкинъ предался этой свободѣ со всею необузданностью горячей молодости... Конечно, на первомъ планѣ тогдашней бурной жизни этого намѣченного природою человѣка бросаются въ глаза избытки психо-физиологической стороны его натуры... Чувственность кипитъ въ немъ — страсти горять и родятъ увлеченія, беспорядочность жизни, задоръ отношеній къ людямъ...

Вся эта чувственность, во время своего процесса, отражается, конечно, и въ поэзіи... Ибо слово поэта есть обнаруженіе его жизни. «Слова поэта суть его дѣла», какъ говорилъ послѣ, по свидѣтельству Гоголя,

самъ Пушкинъ, по поводу извѣстныхъ двухъ стиховъ оды Державина ¹⁾ къ Храповицкому. Въ порывѣ вдохновенія поэтъ выворачиваетъ, такъ сказать, наружу самого себя. Поэтъ не можетъ не высказать въ словѣ того, что онъ дѣлаетъ, какъ онъ живетъ, что думаетъ и чего желаетъ. Кишиневскій періодъ представляетъ у Пушкина цѣлый циклъ такой поэзіи — поэзіи чувственной, поэзіи низшей стороны душевной жизни, выдвигаемой впередъ бурнымъ физиологическимъ потокомъ молодой, страстной натуры...

Какъ ни прекрасно, какъ ни изумительно отдѣланною является эта поэзія въ словѣ, но вы ее должны судить съ нравственной точки зрѣнія также, какъ и породившую ее жизнь поэта.. Но Пушкинъ не былъ-бы избранною личностью, если-бы его жизнь и поэзія проявляли только одну эту — чувственную — сторону, сторону ощущеній и раздраженій... За увлеченіемъ чувственностью слѣдовала у него непремѣнно *нравственная реакція*, работа трезваго самосознанія, постепенно и воспитательно устанавливавшая его человѣческую личность. За горестными увлеченіями сердца слѣдовали «холодныя наблюденія ума». Такъ всегда бываетъ въ нравственномъ саморазвитіи «существа, одареннаго душою».

На пути нравственнаго самоукрѣпленія человѣческая личность, особенно съ богато одаренною душою, идетъ, большею частью, путемъ *отрицательнымъ*. Различіе добра и зла и установленіе твердыхъ, нерушимыхъ сочувствій къ добру достигается путемъ *опытнаго въдвѣнія зла*... Такъ было и въ Пушкинѣ. Опытъ не проходилъ для него даромъ, какъ это бываетъ съ натурами

¹⁾ За слова меня пусть гложетъ,
За дѣла сатирикъ чтить...

дюжинными, слабыми... Онъ самъ это чувствовалъ въ самую же эту кишиневскую эпоху, когда писалъ къ одному своему другу между прочимъ такія строки: «для существа, одареннаго душою» нѣтъ другаго воспитанія, *кромь того, которое каждому дается обстоятельствами и имъ самимъ*. (Изъ письма къ Дельвигу. 1821 г.). И г. Гротъ справедливо говоритъ, что «Пушкинъ представляетъ собою одинъ изъ поразительныхъ примѣровъ самообразования въ Россіи» ¹⁾.

Вотъ эта-то трудная работа самовоспитанія и самообразования и совершилась у него въ Кишиневѣ. Слѣды ея отражались и въ тогдашней его поэзіи... Въ ней— въ этой поэзіи—находила себѣ соотвѣтствующіе звуки *нравственная реакція*, слѣдовавшая за увлеченіями чувственности; это отрезвленіе послѣ упоенія страстей, это критическое отношеніе высшей стороны души къ низшей. Можно указать много такихъ мѣстъ изъ его кишиневскихъ стихотвореній, гдѣ именно видится этотъ процессъ нравственнаго самосознанія, самоукрѣпленія и самоопредѣленія *человѣка-поэта* и гдѣ Пушкинъ начертывалъ себѣ въ жизни и поэзіи задачи высшія, чѣмъ упоеніе въ жизни и поэзіи одною чувственностью...

Вся эта *дружба ума съ порядкомъ*, вся эта *жажда науки размышленій*, все это напряженіе *удерживать вниманье долихъ думъ*, это стремленіе читать и учиться, чтобы *въ просвѣщеніи стать съ вѣкомъ наравнѣ*, всѣ эти черты внутренней духовной жизни, всѣ эти порывы просыпавшагося человѣческаго достоинства, о которыхъ говоритъ самъ Пушкинъ въ кишиневскомъ посланіи своемъ къ Чаадаеву, были именно плодомъ того подъема *высшей* стороны духа, который всякій разъ совер-

¹⁾ Складчина—стр. 376.

шался въ поэтѣ, какъ необходимое *сознательное* отрицаніе беспорядочныхъ увлеченій сердца и темперамента, какъ нарочитое ограниченіе физиологическихъ и эгоистическихъ сторонъ его натуры. И чѣмъ сильнѣе были эти увлеченія и эти эгоистическія заблужденія, тѣмъ глубже было въ поэтѣ—этой высшей избранной натурѣ—критическое къ нимъ отношеніе и тѣмъ рѣшительнѣе всякій разъ намѣчается имъ будущая трезвая работа поэтической мысли...

Мы думаемъ, что поэма *Цыгане* имѣетъ особенно драгоцѣнное значеніе въ исторіи этого нравственнаго саморазвитія Пушкина, въ этомъ процессѣ *опытной* выработки имъ здороваго нравственнаго міросозерцанія, и что эта глубокая поэма знаменуетъ вмѣстѣ съ тѣмъ рѣшительный *нравственный поворотъ* въ поэтѣ—поворотъ отъ легко увлекающейся слѣпыми эгоистическими инстинктами и пѣзывами молодой натуры къ свѣтлomu, правдивому, самоограничительному взгляду на жизнь и людей, на желательныя къ нимъ отношенія, нравственно-укрѣпившагося мужа ¹⁾—Итакъ, какъ видите, подъемъ и возбужденіе высшихъ сторонъ духа въ Пушкинѣ, всякій разъ отражались, находили себѣ отголоски и *въ его поэзии*. Это именно и были тѣ *лучезарные абрисы*, о которыхъ говоритъ г. Анненковъ и которыми, по его словамъ, нѣкоторые біографы подмѣниваютъ настоящую реальную жизнь поэта. Послѣ всего сказаннаго нами выше, нечего кажется, и доказывать, что о *подмѣнѣ*

¹⁾ Чего стоятъ одни эти два стиха:

Оставь насъ, *гордый* человекъ!...

Ты для себя лишь хочешь воли...

Въ какую глубину нравственнаго и социальнаго міросозерцанія уже тогда проникалъ гений Пушкина... Въ тоже время — эта была поэтической *воплъ самоосужденія*, это было со стороны Пушкина покаянное, проникнутое глубокою скорбію, сознание своей *немогущи предъ высокими задачами жизни*, а слѣд. и поэзии...

здѣсь не можетъ быть и рѣчи. Эти абрисы были отголоскомъ *дѣйствительной* жизни Пушкина, дѣйствительнаго процесса его внутренней душевной работы... Если подмѣнивають дѣйствительную жизнь біографы, то, значить, подмѣнивалъ ее и самъ Пушкинъ... Но заподозрѣвать искренность поэта мы ни въ какомъ случаѣ не имѣемъ права... Въ данномъ случаѣ это просто было бы *святотатство*!

Итакъ, повторяемъ, въ кишиневской поэзіи Пушкина выражалась какъ чувственность, эта, такъ сказать, слѣпая, инстинктивная сторона его человѣческой личности, опредѣлявшаяся бурною, стихійною силою его горячаго темперамента, такъ и сторона нравственная, эта *зрячая сила души*, сторона тѣхъ стремленій духа, которыя ищутъ осуществленія въ жизни и поэзіи высшихъ задачъ,—при чемъ эта послѣдняя сторона воспитывалась въ немъ, раскрывалась и укрѣплялась больше всего *отрицательнымъ путемъ*—путемъ періодической реакціи. Говоримъ «больше всего», ибо въ тогдашней кишиневской обстановкѣ Пушкина нельзя отрицать и положительныхъ факторовъ, способствовавшихъ его нравственному самоукрѣпленію. Вліяніе, напр., на него такихъ свѣтлыхъ личностей, какъ Инзовъ, М. Ѳ. Орловъ и другіе, не могло быть инымъ, какъ только положительнымъ. И въ другихъ условіяхъ тогдашней кишиневской жизни было много такого рѣдкаго, невиданнаго, оригинальнаго, чтò гениальное «дитя суроваго сѣвера» (по выраженію Надеждина) могло видѣть, слышать—вообще ощущать не иначе, какъ съ положительною пользою для своего саморазвитія и самообразованія. Но все-таки нельзя не признать, что отрицательный путь самовоспитанія, путь *вѣднїя зла*, выступаетъ въ кишиневской жизни Пушкина на первомъ планѣ, составляетъ основной ея фонъ.

Было-бы въ высшей степени интересно, на основаніи фактическихъ и документальныхъ данныхъ, взятыхъ какъ изъ жизни Пушкина, изъ его стихотвореній и писемъ кишиневскаго періода, такъ и изъ воспоминаній о немъ знавшихъ его въ Кишиневѣ лицъ, напр. изъ особенно драгоцѣнныхъ въ этомъ случаѣ. «Воспоминаній И. П. Липранди», о коихъ мы говорили раньше,—изучить подробно и обстоятельно тотъ жизненно-нравственный воспитательный процессъ, который несомнѣнно совершался въ личности Пушкина въ кишиневскій періодъ,—процессъ перехода его—больше всего путемъ возбужденія чувственности въ разнообразныхъ ея проявленіяхъ, путемъ *вѣдѣнія зла* — къ высшимъ запросамъ и требованіямъ духа,—прослѣдить постепенное возрастаніе въ немъ нравственной опытности, проясненіе предъ нимъ умственно—поэтическаго горизонта, благодаря знакомству съ идеями вѣка и размышленіямъ наединѣ.

Но эта чрезвычайно обширная и серьезная работа не составляетъ задачи настоящей статьи и можетъ быть предметомъ особаго изслѣдованія, которое мы отлагаемъ до другого раза. Въ настоящій разъ для нашей цѣли достаточно было только критически изложить тѣ взгляды, которые существуютъ въ нашей литературѣ на кишиневскую жизнь Пушкина, и опредѣлить общее значеніе этого момента въ исторіи его личности. Въ концѣ концовъ мы находимъ наиболѣе рациональнымъ взглядъ г. Грота, по которому кишиневская жизнь считается серьезною школою для молодого Пушкинскаго генія.

Воспитательное значеніе Кишинева для Пушкина—человѣка-поэта для насъ представляется несомнѣннымъ. Только съ этой точки зрѣнія можно дать надлежащее освѣщеніе фактамъ его жизни, поэзіи и вообще исторіи

его личности. Только съ этой точки зрѣнія можно будетъ смотрѣть прямо открытыми глазами на ту нравственную aberrацию, которую онъ тогда проявлялъ въ своей жизни и поэзіи, и къ оправданію ея не прибѣгать къ тѣмъ перѣшительнымъ приѣмамъ, какіе употребляетъ г. Бартеневъ, а прямо называть ее настоящимъ именемъ. Но съ другой стороны только съ этой точки зрѣнія можно будетъ внести эту aberrацию, такъ сказать, въ экономію его психической жизни, давшую извѣстные результаты, опредѣлить ея вліяніе на развитіе его личности, а не относиться къ ней такъ абсолютно отрицательно, какъ это дѣлаетъ г. Анненковъ. Г. Анненкову такъ не нравится кишиневская жизнь Пушкина, что онъ радъ былъ-бы совсѣмъ вычеркнуть ее изъ біографіи поэта, изъ исторіи его поэтической личности; онъ называетъ тогдашній моментъ его нравственнаго бытія *миломлетнымъ* и *случайнымъ*, не оставившимъ по себѣ ничего благотворнаго и плодоноснаго. Когда Пушкинъ уѣхалъ изъ Кишинева, то, по представленію г. Анненкова, онъ какъ будто выбрался изъ какой-то грязной лужи, въ которую залѣзъ случайно. Грязь смылась — и кишиневская жизнь прошла для Пушкина безслѣдно. Положительныхъ результатовъ никакихъ. Даже больше: въ этой кишиневской грязи Пушкинъ едва не потерялъ совсѣмъ своего *нравственнаго творчества*. Тогдашнее его сознаніе, — говоритъ г. Анненковъ, *облегла ночь* и «яргіе просвѣты зрѣлой мысли, которыми она прорѣзывалась, свидѣлствуютъ только о силѣ нравственнаго творчества, *не вполне утерянной имъ тогда*» ¹⁾. Только-то! Вотъ весь результатъ трехлѣтняго пребыванія въ Кишиневѣ «существа, одареннаго душою»! Нѣтъ, скажемъ

¹⁾ «*Вѣстникъ Европы*», 1874, январь, стр. 22-я.

мы, — если Пушкинъ и терялъ что-либо въ Кишиневѣ, то вмѣстѣ съ тѣмъ и приобрѣталъ, и въ концѣ концовъ онъ больше приобрѣлъ, чѣмъ потерялъ... А потому, разставшись съ Кишиневомъ, — онъ всегда вспоминалъ о немъ съ любовью, даже съ умиленіемъ. Вотъ, напри- мѣръ, что писалъ онъ къ одному своему кишиневскому другу въ 1826 г.: «не могу изъяснить, тебѣ мои чувства по полученіи твоего письма.... Кишиневскіе звуки.... берегъ Быка... Милый мой, ты возвратилъ меня Бессарабіи. Я опять въ своихъ развалинахъ, въ той темной комнатѣ, передъ рѣшетчатымъ окномъ, или у тебя, мой милый, въ свѣтлой, чистой избушкѣ» ¹⁾).

Итакъ — изъ всего предыдущаго можно уже выяс- нить, какое важное и глубокое значеніе имѣетъ Киши- невъ въ біографіи Пушкина, въ судьбѣ его личности... А послѣ этого естественно спросить: чувствовалъ-ли и чувствуетъ-ли самъ Кишиневъ, какъ *городъ*, какъ *общество*, всю важность той присущей ему исторической черты, что въ немъ жилъ, что въ немъ прошелъ серьезную школу самовоспитанія и самообразованія величайшій русскій поэтъ? Помнитъ-ли Кишиневъ Пушкина и чѣмъ вспоминаетъ его? Если Пушкинъ оставилъ въ своей поэзіи такіе глубокие слѣды, напоминающіе всему рус- скому обществу о Кишиневѣ, — то какіе слѣды остаются въ Кишиневѣ, напоминающіе ему самому о Пушкинѣ — объ этой драгоценной чертѣ его прошлаго?

Г. Бартепевъ, заканчивая свою статью: «*Пушкинъ въ Южной Россіи*», говоритъ: «Пушкину простили (въ Кишиневѣ) его дуэли, заносчивыя рѣчи и шалости, и имя его останется *памятно и любезно городу Кишиневу*.» Это было написано въ 1861 г. Я живу въ Кишиневѣ

¹⁾ Изъ письма къ Н. С. Алексѣеву — *Русскій Архив* — 1866 г., стр. 1212.

съ 1870 г. Сколько я могъ узнать изъ распросовъ и наблюдений, имя Пушкина дѣйствительно *очень популярно* въ Кишиневѣ, среди его старожиловъ. Видно, что память о немъ, созданная его собственною здѣсь жизнью и поддержанная затѣмъ дальнѣйшею его громкою славою, глубоко заронилась въ кишиневскомъ обществѣ. Всякій — не скажу грамотный, но съ среднимъ образованіемъ старожилъ кишиневскій — непременно расскажетъ вамъ что-нибудь про Пушкина: укажетъ на мѣсто, гдѣ онъ жилъ — на такъ называемую *Изову гору*, передастъ какой-нибудь анекдотъ изъ его походовъ и шалостей, припомнитъ что-нибудь остроумное и часто непечатное изъ его стиховъ и каламбуровъ, укажетъ на женскую личность, кому онъ писалъ въ альбомъ и проч., и проч.

Есть даже, сколько мнѣ извѣстно, нѣсколько и такихъ старожилловъ, которые лично помнятъ Пушкина, видѣли его, разговаривали съ нимъ, принимали его у себя дома¹⁾. Но память людская скоропреходяща... *Устное преданіе*, переходя отъ поколѣнія къ поколѣнію, — съ каждымъ шагомъ впередъ теряетъ долю своей живости и возбужденности и можетъ наконецъ совсѣмъ заглохнуть и даже исчезнуть въ обществѣ. Это я вижу здѣсь на опытѣ и относительно памяти о Пушкинѣ. Часъ отъ часу какъ будто рѣже слышится въ воспоминаніяхъ его имя... Одинъ за другимъ сходятъ съ жизненной сцены старожилы, видѣвшіе въ лицо Пушкина или слышавшіе о немъ рассказы отъ очевидцевъ, — и такимъ образомъ изсягаетъ источникъ, могу-

¹⁾ Къ числу ихъ принадлежитъ *Пелагея Васил. Дыдицкая* — почтенная старушка, вдова учителя кишиневской духовной семинаріи. У нихъ въ домѣ бывалъ Пушкинъ. Воспоминанія П. В. Дыдицкой о Пушкинѣ мы записали и постараемся передать въ другомъ мѣстѣ. Л. М. См. слѣдующую статью *Изд.*

щій возобновлять и освѣжать въ обществѣ память о великомъ поэтѣ, оставившемъ въ Кишиневѣ часть своей славы...

Вотъ, наприм., года два назадъ — именно въ декабрѣ 1876 года — умеръ кишиневскій старожиль, на котораго указывали — какъ на близкаго знакомаго *и даже пріятеля* Пушкина... Это — *Скарлатъ Ив. Прункуль*. Мѣстный органъ печати въ некрологѣ его говорилъ, между прочимъ, слѣдующее: „13-го декабря въ 10 часовъ утра скончался въ Кишиневѣ всѣмъ извѣстный въ Бессарабіи многоуважаемый *Карлъ* (по молд. *Скарлатъ*) *Ивановичъ Прункуль*, послѣдній потомокъ древней молдавской боярской фамиліи, игравшей въ прошломъ столѣтіи видную роль въ исторіи Молдавіи. Не смотря на свой преклонный возрастъ, *Карлъ Ив* — чѣ до самыхъ послѣднихъ минутъ сохранялъ всю живость ума и характера, былъ все тѣмъ-же тихимъ веселымъ, гостепріимнымъ и общительнымъ старикомъ, къ которому съ полнымъ уваженіемъ и симпатіей относилась вся Бессарабія. Особеннаго удивленія заслуживала память покойнаго; съ мельчайшими подробностями *Карлъ Ивановичъ* часто рассказывалъ о своемъ знакомствѣ съ незабвеннымъ А. С. Пушкинымъ, о характерѣ и шалостяхъ поэта, и цитировалъ цѣлыя строфы изъ произведеній, написанныхъ Пушкинымъ въ Кишиневѣ... ¹⁾

Сколько можно видѣть изъ одного факта, покойный *Прункуль* считалъ для себя великою честью, что близко знакомъ былъ съ Пушкинымъ, и заявлялъ объ этомъ даже въ печати. Когда въ 50-хъ годахъ начали обильно появляться воспоминанія о Пушкинѣ и въ частности о кишиневской его жизни, — то и г. *Прункуль*

¹⁾ *Бессар. Губерн. Вѣд* 1876 г. № 99-й отъ 20 декабря.

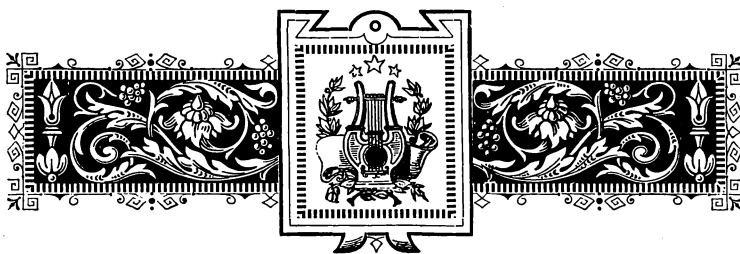
напечаталъ о немъ свои воспоминанія. Нужно, впрочемъ, замѣтить, что *И. П. Липранди* и *В. П. Горчаковъ*, кишиневскіе пріатели Пушкина изъ тогдашнихъ военныхъ, очень строго отнеслись къ Прункулу, по поводу его воспоминаній о Пушкинѣ ¹⁾. Какъ однако-же ни смотрѣть на знакомство Прункула съ Пушкинымъ,— но во всякомъ случаѣ и такихъ лицъ, какъ Прункулъ, поддерживавшихъ въ Кишиневѣ памятованіе Пушкина, —уже не стаетъ; живое преданіе о великомъ поэтѣ готово замереть въ немъ...

Пусть-же, опять повторимъ въ заключеніе, — пусть Кишиневъ воспользуется предстоящимъ народнымъ торжествомъ въ честь Пушкина и увѣковѣчитъ его пребываніе въ Бессарабіи тѣмъ или другимъ способомъ. Пусть въ особенности обратитъ вниманіе на *Инзову Гору*... Это драгоцѣнное по своимъ воспоминаніямъ мѣсто заслуживаетъ большей заботливости со стороны Кишиневскаго Общества... Ибо здѣсь—въ этомъ пунктѣ—*слава Кишинева*, имѣющая перейти въ потомство!...

Левъ Мацкевичъ.

¹⁾ Вотъ что пишетъ Липранди въ своихъ *Воспоминаніяхъ*: «членъ верховнаго совѣта Иванъ Константиновичъ Прункулъ имѣлъ четырехъ сыновей: *Алеко*, *Панаита*, *Скарлата* и *Костаки*. Изъ нихъ *Скарлатъ*, кажется, лѣтъ семь тому назадъ, вздумалъ было напечатать свои воспоминанія о Пушкинѣ, давалъ какъ-бы понимать о его близкомъ знакомствѣ съ нимъ (знакомство это ограничивалось тѣмъ только, что они встрѣчались иногда на вечерахъ: въ клубѣ, у Бареоломея, иногда въ бильярдной Антонія), но *В. П. Горчаковъ* въ *Моск. Вѣд.* (1858, № 19-й) опровергъ эту наглую ложь». — *Русскій Архивъ* 1866 г., стр. 1234-я.

КИШИНЕВСКІЯ ПРЕДАНІЯ

0.

ПУШКИНЪ ¹⁾.

Кишиневская старина во многихъ отноше-
ніяхъ имѣеть не только мѣстный, провин-
ціальный или, такъ сказать, губернский
интересъ, но и болѣе общій: именно сна-
чала южно-русскій, а затѣмъ и общерус-
скій. Напримѣръ: первоначальные насадители про-
свѣщенія въ Кишиневѣ, когда онъ сдѣланъ былъ глав-
нымъ городомъ новоприсоединенной Бессарабіи, были
малороссы и большею частью *кіевляне*. Ихъ труды, ихъ
судьба, безъ сомнѣнія, могутъ заинтересовать не только
историка мѣстнаго, но и того, кто слѣдитъ за истори-

¹⁾ «Историческій Вѣстникъ» — 1883 г. Май.

ческими фактами и болѣе общаго свойства, именно выкапываетъ черты старины *малорусской*. Но есть въ исторіи Кишинева и такія преданія, и такіе факты, которые имѣютъ живой *общерусскій* интересъ, способный возбудить вниманіе во всякомъ русскомъ образованномъ человѣкѣ. Таковъ на примѣръ фактъ — жизнь въ Кишиневѣ величайшаго русскаго поэта *Пушкина*. Мы еще на половину въ долгу передъ этимъ важнымъ фактомъ въ исторіи русской литературы, и вотъ въ уплату этого долга въ настоящій разъ соберемъ во едино преимущественно такія преданія изъ кишиневской старины, которыя имѣютъ болѣе или менѣе близкое отношеніе къ личности Пушкина.

Пушкинъ былъ въ Кишиневѣ не проѣздомъ и видѣлъ его не мимоходомъ, а жилъ въ немъ, по волѣ судьбы, въ качествѣ осѣдлаго иногородняго обывателя, около трехъ лѣтъ (1820—1822 г.). Этотъ трехлѣтній періодъ жизни поэта имѣлъ весьма важное значеніе въ развитіи его человѣческой и поэтической личности, о чемъ уже достаточно у насъ писано. Изъ наиболѣе обширныхъ и цѣнныхъ трудовъ, посвященныхъ кишиневской жизни Пушкина, можно указать на сочиненіе Бартенева: *Пушкинъ въ Южной Россіи* ¹⁾ и на монографію Анненкова: *Пушкинъ въ Александровскую эпоху* ²⁾. Трудъ Бартенева изобилуетъ болѣе фактическими подробностями и особенно драгоцѣннѣе приложенными къ нему въ высшей степени интересными «Воспоминаніями» кишиневскаго пріятеля Пушкина Липранди; въ изслѣ-

¹⁾ Напечатано сначала въ соединенной газетѣ «Русская Рѣчь» и «Московскій Вѣстникъ», 1861 г. №№ 85—104, а затѣмъ перепечатано въ «Русскомъ Архивѣ» 1886 г., тетр. 8 и 9.

²⁾ Напечатана сначала въ «Вѣстникѣ Европы» 1873 и 1874 г., за тѣмъ вышла и отдѣльною книгою.

дованіи же Анненкова поставлено главной задачей осмыслить характеръ и обстановку кишиневской жизни Пушкина. Въ общихъ взглядахъ на эту жизнь и на ея значеніе въ исторіи личности поэта гг. Бартеневъ и Анненковъ нѣсколько расходятся между собою, и намъ кажется, что ихъ взгляды страдаютъ нѣкоторою односторонностью. Лучше всего, по нашему мнѣнію, понялъ и оцѣнилъ эту жизнь Я. К. Гротъ въ статьѣ своей: *Первенцы лица и его преданія* ¹⁾. Всѣ эти общіе взгляды на кишиневскую жизнь нашего поэта мы уже имѣли случай подробно разбирать и оцѣнить въ статьѣ, написанной къ открытію въ Москвѣ памятника Пушкину и помѣщенной въ Одесской газетѣ «Правда» ²⁾. Здѣсь мы хотимъ дополнить нашу работу сообщеніемъ собранныхъ нами на мѣстѣ преданій о кишиневской жизни Пушкина, доселѣ еще неизвѣстныхъ въ печати.

На сколько мы могли узнать изъ разспросовъ и наблюденій, имя Пушкина очень популярно въ Кишиневѣ, среди старожилловъ города. Видно, что память о поэтѣ, созданная его собственною здѣсь жизнію и поддержанная затѣмъ дальнѣйшею его громкою литературною славою, довольно глубоко заронилась въ кишиневскомъ обществѣ. Всякій мало-мальски образованный старожилъ кишиневскій непременно расскажетъ вамъ что нибудь про Пушкина; укажетъ на мѣсто, гдѣ жилъ поэтъ, на такъ называемую здѣсь *Инзову юру*; пере-

¹⁾ Помѣщена въ сборникѣ «Складчина» 1874 г. Кстати замѣтимъ, что въ появившихся недавно въ «Русскомъ Архивѣ» (1882 г. кн. 2) воспоминаніяхъ (мужа известной чрезъ Гоголя «Калужской губернаторши») Н. М. Смирнова очень вѣрно и мѣтко съ психической стороны обрисованъ нравственный обликъ Пушкина, какъ человека и поэта.

²⁾ См. №№ 133, 134 и 137 за 1880 годъ. Л. М. Перепечатана у насъ выше. *Изд.*

дасть какой нибудь анекдотъ изъ его походовъ и шалостей, припомнить что нибудь остроумное и часто непечатное изъ его стиховъ и каламбуровъ, назоветъ женскую личность, кому онъ писалъ въ альбомъ и проч. и проч. Но все это большею частію заимствовано уже *изъ сторыхъ рукъ* и, конечно, передается иногда съ такими вариантами и комментаріями, которымъ нужно довѣряться осторожно... А такихъ старожиловъ кишиневскихъ, которые лично помнятъ Пушкина, видѣли его, разговаривали съ нимъ, принимали его у себя дома, такихъ уже мало остается—разъ, два, и обчелся... Но и таковымъ не во всемъ можно довѣряться. Иные изъ нихъ въ своихъ разсказахъ о знакомствѣ съ Пушкинымъ любятъ прихвастнуть. Это сдѣлалось извѣстнымъ даже въ печати объ одномъ изъ таковыхъ старожиловъ, именно о бессарабскомъ дворянинѣ Скарлатѣ Ивановичѣ Прункулѣ. Онъ умеръ въ декабрѣ 1876 года; но мы еще застали его въ живыхъ и намъ указывали, какъ на близкаго знакомаго и даже пріятеля Пушкина, на этого старика, низкаго роста, гладко выбритаго, въ высокой шляпѣ, въ золотыхъ очкахъ, съ толстою суконною палкой. Когда умеръ Прункулъ, то мѣстный листокъ печати почтилъ его между прочимъ слѣдующими строками въ некрологѣ: «13 декабря въ 10 часовъ утра скончался въ Кишиневѣ всѣмъ извѣстный въ Бессарабіи многоуважаемый Карлъ (по молд. Скарлатъ) Ивановичъ Прункулъ, послѣдній потомокъ древней молдавской боярской фамиліи, игравшей въ прошломъ столѣтіи видную роль въ исторіи Молдавіи. Несмотря на свой преклонный возрастъ, Карлъ Ивановичъ до самыхъ послѣднихъ минутъ сохранялъ всю живость ума и характера, былъ все тѣмъ-же тихимъ, веселымъ, гостепріимнымъ и общительнымъ старикомъ, къ которому

съ полнымъ уваженіемъ и симпатіей относилась вся Бессарабія. Особеннаго удивленія заслуживала память покойнаго: съ мельчайшими подробностями Карлъ Ивановичъ часто рассказывалъ о своемъ знакомствѣ съ незабвеннымъ А. С. Пушкинымъ, о характерѣ и шалостяхъ поэта, и цитировалъ цѣлыя строфы изъ произведеній, написанныхъ Пушкинымъ въ Кишиневѣ ¹⁾»... Такъ вотъ этотъ-то лично знавшій Пушкина К. И. Прункулъ въ 50-хъ годахъ, когда начали обильно появляться воспоминанія о Пушкинѣ и въ частности о кишиневской его жизни, рѣшился напечатать и свои воспоминанія о знакомствѣ съ великимъ поэтомъ. Но что-же? Другіе кишиневскіе пріатели Пушкина, не изъ мѣстныхъ молдавскихъ бояръ, а изъ тогдашнихъ военныхъ, именно И. П. Липранди и В. П. Горчаковъ очень строго отнеслись къ К. И. Прункулу, по поводу его литературной попытки о Пушкинѣ. Вотъ что пишетъ Липранди въ своихъ собственныхъ воспоминаніяхъ о поэтѣ: «Членъ верховнаго совѣта Иванъ Константиновичъ Прункулъ имѣлъ четырехъ сыновей: Алеко, Панаити, Скарлата и Костаки. Изъ нихъ Скарлатъ, лѣтъ семь тому назадъ, вздумалъ было напечатать свои воспоминанія о Пушкинѣ, давая какъ бы понимать о его близкомъ знакомствѣ съ нимъ (знакомство это ограничивалось тѣмъ только, что они встрѣчались тогда на вечерахъ: въ клубѣ у Вареоломея, иногда въ бильярдной Антонія), но В. П. Горчаковъ опровергъ эту наглую ложь ²⁾».

Отзывъ Липранди слишкомъ уже, кажется, рѣзокъ. Въ немъ какъ будто слышатся какіе-то старыя кишиневскіе счеты, какое-то личное раздраженіе... Къ сожа-

¹⁾ «Бессар. Губерн. Вѣд.» 1876 г. № 99.

²⁾ «Русскій Архивъ» 1866 г. стр. 1234.

лѣнію, мы не имѣли случая читать печатныхъ воспоминаній Прункула, указываемыхъ Липранди, а лично познакомиться намъ съ нимъ тоже какъ-то не пришлось... Слышали мы только отъ одного учителя (Стоянова), бывшаго въ близкомъ знакомствѣ съ Прункуломъ, что на разпросы его о Пушкинѣ, старикъ всегда повторялъ: «э, мальчуганъ, мальчуганъ!» и больше ничего не хотѣлъ рассказывать. Одно мы можемъ сказать въ заключеніе эпизода о Прункулѣ, что онъ на старости лѣтъ дѣйствительно пользовался вниманіемъ бессарабскаго дворянства, которое въ виду того, что онъ служилъ рѣдкимъ представителемъ стариннаго здѣшняго боярства, умѣвшимъ довольно занимательно повѣствовать о разудалой прошлой жизни, имѣло къ нему, какъ мы слышали, и кое-какія филантропическія отношенія... Ибо старый холостякъ еще въ молодости прожилъ свои богатія отцовскія имѣнія... Похоронили его на общественный счетъ...

Къ нашему счастью и удовольствію, мы познакомились съ другою личностью, еще хранимою Богомъ отъ того времени, когда и Пушкинъ жилъ въ Кишиневѣ, и имѣвшею возможность знать лично великаго поэта. Это—вдова учителя кишиневской духовной семинаріи Пелагѣя Васильевна *Дыдицкая*, глубокая, но еще бодрая старушка. Она родная сестра здѣшняго кафедральнаго протоіерея Василя В. *Пуришкевича*, 85-лѣтняго старца, уже праздновавшаго 50-лѣтній юбилей своего священства въ Бессарабіи ¹⁾. Братъ и сестра родомъ изъ Кіевской губерніи и представляютъ послѣдніе остатки тѣхъ колонистовъ духовнаго званія, которые

¹⁾ Наша настоящая статья была уже написана, когда прот. Пуришкевичъ умеръ, именно 10 февраля 1882 г.

вызваны были изъ Кіева и вообще изъ Малороссіи первыми устроителями Бессарабіи, блаженной памяти эзархомъ *Гавріиломъ Бодони-Банулэско* (бывшимъ до этого митрополитомъ кіевскимъ) и его викаріемъ, а затѣмъ и преемникомъ — архіепископомъ *Дмитріемъ Сулимою*. Эта колонизація Бессарабіи выходцами изъ Малороссіи, какъ умственная, интеллигентная, церковная, шедшая большею частью путемъ вызова и родственныхъ связей, такъ и поземельная, крестьянская, шедшая большею частью путемъ *ухода*, побѣга отъ помѣщиковъ, эта, говоримъ, колонизація представляетъ собою очень интересную мѣстную историческую тему, и мы когда нибудь разработаемъ ее нарочито и подробно. Теперь же обратимся къ современницѣ Пушкина, П. В. Дыдицкой. Много, много она намъ рассказывала про кишиневскую старину. Въ настоящей статьѣ мы хотѣли было передать читателямъ главнымъ образомъ только то изъ ея рассказовъ, что относится къ Пушкину. Но дѣло вотъ въ чемъ: воспоминанія П. В. Дыдицкой о Пушкинѣ имѣютъ тѣсную, непосредственную связь съ ея воспоминаніями о тогдашнемъ ректорѣ кишиневской семинаріи архимандритѣ *Ириней Нестеровичъ*. Это былъ родной дядя ея по матери. Онъ принадлежалъ къ числу первыхъ пенцовъ митрополита Гавріила, вызваннымъ имъ въ Бессарабію изъ Кіева. Это тотъ самый Ириней Нестеровичъ, который впоследствии, сдѣлавшись архіереемъ, и особенно въ качествѣ архіепископа Иркутскаго, оказался такимъ оригинальнымъ горячимъ защитникомъ церковной независимости въ борьбѣ съ нѣкоторыми притязаніями гражданской администраціи; защитникомъ, какихъ уже мало было въ XIX-омъ вѣкѣ, а въ настоящее, бѣдное живую оригинальностью и починомъ, время какъ будто уже и немислимымъ... О немъ много писано въ послѣдніе годы

въ «Русской Старинѣ», гдѣ также помѣщенъ и портретъ его, правду сказать, совсѣмъ непохожій... Такъ какъ личность Иринея Нестеровича довольно замѣчательна въ исторіи русской церкви, то поэтому мы считаемъ не лишнимъ рассказать о немъ не только то, что связываетъ его съ Пушкинымъ, но и вообще все то, что передала намъ о немъ его племянница. Воспоминанія П. В. Дыдицкой мы постараемся передать по возможности собственными ея словами. Напередъ замѣтимъ, что это душа честная и чистая, и каждое ея показаніе дышетъ прелестью наивной исторической правды.

Разсказъ П. В. Дыдицкой.

«Родомъ я изъ Кіевской губерніи. Отецъ мой былъ священникомъ въ селѣ *Оксанинѣ*, въ Уманщинѣ. А сюда — въ Кишиневъ, я попала чрезъ своего дядю *Иринея*. Онъ сюда почти всю свою родню вызвалъ. Помогалъ онъ своей роднѣ. Меня онъ особенно любилъ еще съ дѣтства. Онъ вѣдь у насъ въ домъ почти и выросъ. Его звали прежде Иванъ Гавриловичъ Нестеровичъ. Онъ былъ родной братъ моей матери. Отецъ его *Гавріилъ* былъ священникомъ въ селѣ *Дмитрушкахъ*, тоже возлѣ Умани. А мать его называлась *Агафія*. У нихъ, кромѣ дяди, были еще двѣ дочери: одна — это моя мать — была за *Порушкевичемъ*, а другая — за *Коцюбинскимъ*. Отецъ дяди скоро умеръ и приходъ его занялъ зять Коцюбинскій. По смерти отца, дядя оставался безъ воспитанія. Тогда бабушка наша Агафія просила моего отца взять мальчиγα къ себѣ на воспитаніе. Вотъ отецъ мой воспитывалъ и училъ дядю. Онъ послѣ отдалъ его въ кіевскую академію. Тамъ дядя окончилъ курсъ и былъ въ акаде-

мии учителемъ. Но его скоро вызвалъ митрополить Гавріиль въ здѣшнюю семинарію учителемъ. Помню я хорошо — мнѣ тогда было уже 10 лѣтъ, какъ дядя, ѣдучи въ Кишиневъ, заѣхалъ къ намъ въ Оксанино — попрощаться. Это было вечеромъ — мы были въ кухнѣ и лѣпили *вареники* ¹⁾: онъ вошелъ въ кухню, долго разговаривалъ, а потомъ сказалъ: «Я не буду другихъ варениковъ кушать, только тѣ, что Пелагея (т. е. я) дѣлала». Подарилъ мнѣ ленту голубую, а отцу моему оставилъ много книгъ. Мы — помню — всѣ его провожали далеко по дорогѣ, и отецъ, и мать мои, и бабушка, и прочіе Дмитрушковскіе родичи. Скоро и бабушка Агафія переѣхала къ дядѣ въ Кишиневъ. Онъ тогда былъ еще свѣтскимъ. Но она непремѣнно хотѣла, чтобы онъ былъ монахомъ. Все слѣдила за нимъ, не позволяла ему жениться. «Не умру — бывало говорить ему — до тѣхъ поръ, пока ты не будешь монахомъ. У насъ много родныхъ — бѣдныхъ; ты долженъ помогать имъ». И дядя поступилъ въ монахи! А сколько онъ здѣсь невѣсть имѣлъ — богатыхъ помѣщицъ! Молдованци волочили за нимъ. Онъ былъ очень красивый и умный. Говорилъ такъ пріятно, краснорѣчиво, когда въ церкви проповѣдывалъ. И въ обществѣ былъ такой веселый, разговорчивый, обходительный. Но вотъ видите — долженъ былъ поступить въ монахи! Постригалъ дядю митрополить Гавріиль и сдѣлалъ его *префектомъ* семинаріи. Скоро и бабушка Агафія постриглась въ монахини. Она этого давно желала. «Сначала ты — говорила она сыну — постригись въ монахи, а тогда уже я». Она была очень богомольная. Постоянно въ церковь ходила — въ *митро-*

¹⁾ Вареники — особый родъ малороссійскаго кушанья — любимое блюдо украинцевъ.

полю ¹⁾. Тогда утренняя бывала не такъ какъ теперь— съ вечера— вмѣстѣ съ вечернею, а утромъ, въ 4 часа. Осенью и зимою въ это время еще совсѣмъ ночь; а она бывало уже стоитъ возлѣ воротъ митрополіи и ждетъ, пока отопрутъ. Тогда митрополія была не такъ, какъ теперь, открытою: домъ архіерейскій не былъ видѣнъ на улицу и этого нынѣшняго круглаго палисадника предъ нимъ не было. Это уже такъ перестроилъ *Иринаръ* ²⁾. А прежде была высокая ограда на улицу, она шла отъ флигеля, гдѣ жилъ покойный викарій *Петръ* до самой консисторіи. Вотъ бабушка бывало— говорю— стоитъ на улицѣ ночью, прислонившись у воротъ, и ждетъ, пока привратникъ отопретъ на утреню. Чуть только отворятся двери, она сейчасъ-же быстро вскакиваетъ мимо привратника въ церковную ограду и бѣжитъ въ церковь. Пугала этимъ привратниковъ, ибо, знаете, ночь. «Насъ постоянно— говорили привратники— пугаетъ мать префекта. Не успѣешь отворить— она сейчасъ бросается къ намъ». Митрополитъ Гавріиль бывало и говоритъ дядѣ шутя: «вотъ мать твоя все пугаетъ привратниковъ— не лучше-ли ей поступить въ монахини»? Здѣсь все молдавскіе монастыри, а она не знаетъ по молдавски— говоритъ дядя. «Да у меня въ Речулѣ есть русскія монахини— я туда ее опредѣлю» — сказалъ Гавріиль ³⁾. Бабушка очень обрадовалась, когда услышала объ этомъ. Гавріиль самъ и постригъ ее и нарекъ

¹⁾ Митрополіею называлась, какъ и доселѣ называется, архіерейская домовая церковь въ Кишиневѣ, ибо ее построилъ первый кишиневскій архіерей Гавріиль, имѣвшій титулъ *митрополита*. Эту-то митрополію разумѣлъ и Пушкинъ въ стихахъ: «Дай, Никита, мнѣ одѣться: въ митрополіи звонять».

²⁾ *Иринаръ Поповъ* — третій кишиневскій правящій архіерей съ 1844—1858 г.

³⁾ Речула или Речульскій ситъ въ Бессарабіи.

Аполлинарiей. Но не долго она жила монахиней— всего только годъ. Какъ постриглась на *Введенiе*, такъ и умерла на *Введенiе-же*. Дядя поѣхалъ и засталъ ее уже мертвою. Тамъ и похоронили ее въ Речулѣ. Скоро дядя вызвалъ къ себѣ двухъ племянницъ изъ Дмитрушекъ, а когда умеръ зять Коцюбинскiй, то и сестру свою, мою тетку, забралъ со всѣми дѣтьми. Племянницъ выдалъ здѣсь замужъ: одну—за *Сѣрикова*, а другую—за *Гербановскаю*. Это были тоже кiевляне. Каленика Сѣрикова Гаврилъ сдѣлалъ своимъ протоіакономъ, но Димитрій послѣ произвелъ его въ протоіереи въ городъ Рени. Сѣриковы и теперь есть въ Бессарабiи. Исидоръ-же Гербановскiй былъ сначала учителемъ въ кишиневской семинарiи, потомъ сдѣланъ здѣсь кафедральнымъ протоіереемъ, а затѣмъ перешелъ въ Одессу къ Куницкому. Ибо сначала и Одесса сюда къ Кишиневу принадлежала. Протоіерей *Петръ Куницкiй* былъ первымъ ректоромъ кишиневской семинарiи, а когда онъ перешелъ въ Одессу, то ректоромъ семинарiи сталъ мой дядя Ириней. Гербановскiй имѣлъ двухъ сыновей и двухъ дочерей: одинъ сынъ *Николай* — этотъ «писатель» — кончилъ курсъ въ кишиневской семинарiи, но пошелъ не удачно. Что тамъ пользы съ его этого писательства ¹⁾? А вотъ другой, *Христофоръ* — былъ хорошъ: кончилъ курсъ въ Петербургѣ былъ послѣ учителемъ въ Одессѣ. Дочери Гербановскаго—одна вышла замужъ за *Арсенiя Лебединцева*, что теперь кафедральнымъ протоіереемъ въ Одессѣ, и уже умерла, а другая еще, кажется, жива,

¹⁾ *Николай Гербановскiй* — мѣстный писатель — 1840 и 1850 гг. помѣщалъ свои статьи и стихотворенiя въ «Одесскомъ Вѣстникѣ», въ «Бессарабскихъ Областныхъ Вѣдомостяхъ» и др.; издавалъ и отдѣльно нѣкоторые свои поэмы, сюжеты для которыхъ бралъ большею частiю изъ молдавскихъ преданiй.

гдѣ-то въ Москвѣ, вдова, была за какимъ-то военнымъ. Наконецъ, дошла очередь и до меня. Дядя и обо мнѣ думалъ — все ждалъ, пока я вырасту. Списывался съ моимъ отцемъ и все обѣщалъ привезти мнѣ изъ Кишинева жениха. Наконецъ, дѣйствительно пріѣхалъ и привезъ жениха. Это былъ учитель кишиневской семинаріи *Михаилъ Осиповичъ Дыдицкий*. Насъ въ Оксанино при дядѣ-же и обвѣнчали—и затѣмъ мы поѣхали всѣ трое въ одномъ экипажѣ. Мнѣ было тогда всего 17 лѣтъ. Грустно мнѣ было очень разставаться съ родиной и ѣхать въ далекую сторону — въ Бессарабію. Кромѣ дяди у меня въ Кишиневѣ уже не было родныхъ; ибо Сѣриковы и Гербановскіе уже выѣхали изъ Кишинева. Дорогою я все задумывалась, грустила... Помню, я сказала тогда дядѣ: «не будетъ ли и со мною такъ, какъ это въ одной нашей пѣснѣ поется:

Оженився, замурывся,
 Не пішло рукою...
 Пішла жінка за борщомъ,
 А мужъ за мукдою...

Но дядя все старался успокоивать и развлекать меня. Все говорилъ, что тамъ мнѣ будетъ жить хорошо. Вотъ, наконецъ, мы пріѣхали въ Кишиневъ и стали жить въ семинаріи. Мужъ мой былъ родомъ изъ Галиціи и тоже былъ вызванъ Митрополитомъ Гавріиломъ. По прибытіи въ Кишиневъ, Гавріиль первымъ дѣломъ спѣшилъ устроить семинарію, «Семинарію мнѣ скорѣе, семинарію!» — говорилъ онъ. Ибо никакихъ училищъ еще не было. Вотъ и сталъ онъ вызывать отовсюду ученыхъ людей. Пріѣхалъ и мой мужъ. На именины митрополита Гавріила онъ написалъ и произнесъ стихи по нѣмецки. «Намъ такого и нужно» — сказалъ Гавріиль. Когда я пріѣхала въ Кишиневъ—это было, ка-

жется, въ 1822 или 1823 г.,—Гавріила уже не было. А все, что я говорю о немъ — это мнѣ рассказывали мужъ или дядя. Гавріиль, говорили они, былъ очень веселый, привѣтливый, гостепріимный. Послѣ него насталь архіеремъ Димитрій. По пріѣздѣ нашемъ, дядя повелъ меня съ мужемъ на другой день къ Димитрію съ визитомъ. Онъ принялъ насъ очень ласково, успокоивалъ меня; сказалъ, что тутъ есть женатый секретарь консисторіи *Монастырскій*—у него жена хорошая, я познакомлюсь съ нею — и не буду скучать. На прощаньи благословилъ насъ иконою Успенія Пресвятой Богородицы. Отъ Димитрія мы зашли еще къ жившему въ митрополіи греческому архіерею *Григорію Іерапольскому*. Въ митрополіи тогда жило много греческихъ духовныхъ — изъ заграницы, изъ Турціи: два архіерея или митрополита — *Григорій Іерапольскій* и *Григорій Иринопольскій*, нѣсколько архимандритовъ и др. Настоящій былъ монастырь, не такъ какъ теперь. Такъ мы, говорю, пошли къ Іерапольскому. Онъ сидѣлъ на диванѣ и курилъ преольшую трубку. Когда замѣтилъ, что я пристально смотрю на него, что онъ трубку курить,—то сказалъ обращаясь ко мнѣ: «у меня есть жена;—вы думаете, что у меня нѣтъ жены? — «Гдѣ же она, ваше высокопреосвященство? — «Она еще спитъ».. Мы всѣ начали смѣяться. Онъ былъ большой шутникъ. Сталь рассказывать разные смѣшные анекдоты и при томъ, большею частію малороссійскіе. Былъ грекъ, а между тѣмъ очень хорошо говорилъ по нашему — по малороссійскіи. Подчивалъ насъ турецкимъ кофе — въ какихъ то особенныхъ, странныхъ маленькихъ приборахъ, какихъ я никогда прежде не видала; показывалъ какъ надо брать, наливать и пить. Чрезъ нѣсколько дней всѣ пришли къ намъ на обѣдъ — поздравить съ

новосельемъ : и преосвященный Димитрій, и Иеропольскій, и Иринопольскій, и другіе. Было много гостей. Дядя еще раньше подговорилъ меня : «вотъ и ты подшутить надъ Иеропольскимъ» И вотъ когда онъ пришелъ и поздравляетъ меня : съ новосельемъ васъ!—я и говорю «Ваше высокопреосвященство ! А вы сами пришли ? Почему же не съ женою ?» А онъ : «Она поѣхала съ визитами». А если спросишь, бывало, его вечеромъ, то отвѣчаетъ : «да ее пригласили на чай.» Смѣшной такой!— Бывало уже послѣ прійдетъ къ намъ въ семинарію— на кухню и сидитъ тамъ по нѣсколько часовъ. Ибо у насъ въ семинарской кухнѣ, поваромъ былъ тоже грекъ *Николаки*, служившій еще у Гавріила. Такъ онъ этого Николаки очень любилъ. Вотъ, бывало, и придутъ чегонибудь въ кухню. Иеропольскій хвалитъ меня : «вотъ хорошая хозяйшка ! Сама ходитъ въ кухню ! Люблю, люблю!» Сидитъ себѣ и трубку куритъ. И Николаки тоже сидитъ и трубку куритъ. И такъ долго сидятъ себѣ и разговариваютъ. Тогда было общее дружество, не такъ, какъ теперь. . . Бывало у архіерея Димитрія обѣдаетъ каждый день по нѣсколько человѣкъ — то Иеропольскій и Иринопольскій, то секретарь и казначей, то ректоръ, инспекторъ, или ктонибудь изъ профессоровъ семинаріи, — и передъ каждымъ стоитъ пол-ока вина въ графинчикѣ. Келейникъ рассказывалъ, что послѣ обѣда, бывало, борются, кто кого сильнѣе. . . Димитрій не любилъ самъ обѣдать. Мнѣ всегда послѣ такъ странно казалось, что архіерей самъ обѣдаетъ. А у Димитрія всегда обѣдаютъ то нѣсколько изъ консисторскихъ, то изъ семинарскихъ ; столъ былъ всегда накрытъ человѣкъ на 15, и никогда онъ самъ не обѣдалъ. Добрый такой онъ былъ, доступный, любилъ во всемъ общественность. А уже большіе обѣды имѣлъ обычай да-

вать непременно на 2-й день Пасхи, на Рождество, на Новый годъ. Тутъ уже къ нему собиралась, кромѣ духовенства, и вся знать, всѣ высшіе чины. Тутъ бывалъ и *Инзовъ* губернаторъ, и *Пушкинъ* съ нимъ.

Мужъ мой, будучи экономомъ семинаріи, завелъ при ней отличный садъ. Мужъ самъ хорошо зналъ ботанику, только не имѣлъ разсады. Тогда онъ обратился къ французу *Дипону*, который имѣлъ здѣсь садъ наилучшій, и теперь, кажется, онъ еще есть. Дипонъ имѣлъ школу и продавалъ деревья. Вотъ мужъ мой по купалъ у него на свой счетъ и насадилъ при семинаріи садъ: развелъ прекраснѣйшія груши, яблоки, абрикосы, разные цвѣты дорогіе. Устроилъ *лабиринтъ* — т. е. по плану провелъ сюда и туда разные ходы, обсадилъ ихъ плотно акаціею — кустами, какъ стѣною. А цвѣты у этой акаціи не бѣлые, какъ у обыкновенной, а розовые — розовые, чудо — какіе. Такъ вотъ кустами этой акаціи, съ широкими розовыми верхушками, какъ горшки, были оплетены кругомъ всѣ ходы и дороги... Это и назывался лабиринтъ. Бывало въ немъ можно было заблудиться съ непривычки. Ходишь — ходишь и не знаешь куда выйти... Хорошо тогда было въ семинарскомъ садѣ! А когда насталъ ректоръ *Филадельфъ*, то все начало приходить въ запустѣніе. Я теперь и сама не знаю, куда это все дѣлось... Бывало къ Дядѣ Иринею, къ ректору, пріѣзжали въ садъ гости, гуляли, пили въ саду чай. Бывало пріѣзжалъ и *Инзовъ* съ *Пушкинымъ*. Ходятъ по саду, любятъ. *Инзовъ* очень уважалъ дядю и часто у него бывалъ, совѣщался съ нимъ на счетъ Бессарабіи. А когда ѣдетъ къ дядѣ, то и *Пушкина* беретъ съ собою. Вотъ я скоро съ ними и познакомилась. *Инзовъ* былъ полный старикъ, низенькаго роста, лѣтъ 70-ти. *Пушкинъ* былъ

еще совсѣмъ молодъ. Былъ онъ не то что черный, а такъ смуглый, загорѣвшій. Былъ добрый, хорошихъ правилъ, а только шалунъ. Я бывало говорю ему: «вы настоящее дитя!» А онъ меня называлъ розою въ шиповникѣ. Бывало говорю ему: вы будете ревнивы. А онъ: «нѣтъ, никогда, никогда!» Говорить намъ бывало стихи экспромтомъ. Тутъ въ городскомъ саду бывало гулянье, но только до 4-хъ часовъ, а вечеромъ гулять было не принято, не такъ, какъ теперь—гуляютъ и ночью. Бывало и Пушкинъ тутъ часто гуляетъ. Но всякій разъ онъ переодѣвался въ разные костюмы. Вотъ уже смотришь—Пушкинъ сербъ или молдованъ, а одежду ему давали знакомыя дамы. Издали нельзя и узнать, встрѣтишь—спрашиваешь: что это съ вами, Александръ Сергѣевичъ?—«А вотъ я уже молдованъ». А они—молдованы тогда рясы носили. Въ другой разъ смотришь уже Пушкинъ турокъ, уже Пушкинъ жидъ, такъ и разговариваетъ, какъ жидъ. А когда же гуляетъ въ обыкновенномъ видѣ, въ шинели, то уже непременно одна пола на плечѣ, а другая тянется на землѣ это онъ называлъ: по генеральски. Въ митрополию такъ же часто пріѣзжалъ съ Инзовымъ на богослуженіе. Инзовъ станеть впереди—возлѣ клироса, а Пушкинъ сзади, чтобы Инзовъ не видѣлъ его. А онъ станеть бывало на колѣна, бьетъ поклоны—а между тѣмъ дѣлаеть гримасы знакомымъ дамамъ, улыбается, или машеть пальцемъ возлѣ носа, какъ-будто за что нибудь журить или предостерегаетъ. Бывало въ большіе праздники, послѣ богослуженія, всѣ идутъ къ Димитрію на закуску—и Инзовъ, и Пушкинъ, и всякіе тамъ совѣтники, и другіе свѣтскіе, кто по выше. Предъ закуской пили настойку—*трофимовку*. Я хорошо помню, какъ Димитрій бывало приглашаетъ: «не угодно ли вамъ,

господа, трофимовки. Припоминается мнѣ по поводу этихъ закусокъ у Димитрія одинъ смѣшной случай, о которомъ долго рассказывали въ городѣ. Въ Кишиневѣ жилъ армянскій архіерей, большой шутникъ, еще лучше Іеропольскаго. Онъ дружилъ съ Димитріемъ и съ другими нашими духовными. Вотъ пріѣхалъ въ Кишиневъ одинъ греческій архимандритъ, не знавшій ни слова по русски. Онъ хотѣлъ представиться Димитрію и сказать ему привѣтствіе непременно на русскомъ языкѣ. Обращается онъ къ тому армянскому архіерею и проситъ научить его. Тотъ съ удовольствіемъ согласился—говоритъ: «я научу тебя хорошо сказать привѣтствіе». И сталъ его учить. Тотъ къ нему все ѣздилъ. Наконецъ, въ какой-то большой праздникъ, послѣ богослуженія, всѣ пошли изъ церкви къ Димитрію; пошелъ и тотъ архимандритъ. Когда настала пора—онъ подходитъ ближе къ Димитрію, чтобы сказать свое привѣтствіе. Всѣ обратили на него вниманіе, желая услышать его слова. И что же онъ сказалъ? Онъ сказалъ: *«Ваше высокопреосвященство! Пора водку пить!»*... Всѣ страшно стали смѣяться... Но Димитрій отнесся къ этому спокойно, какъ будто ничего страннаго не произошло. Только замѣтилъ какъ-то мимоходомъ, какъ будто вскользь: Да, тамъ, кажется, уже приготовили» — и началъ по обычаю разговаривать съ гостями, желая этимъ замаять необычайность дѣла и вывести изъ смущенія бѣднаго архимандрита.—Надолго послѣ было смѣху отъ этого случая.

Дядя Иринея часто ѣздилъ къ Инзову въ домъ. Инзовъ просилъ дядю, чтобы онъ почаще бесѣдовалъ съ Пушкинымъ и наставлялъ его. Разъ, помню, случилось такъ. Пріѣзжаетъ дядя къ Инзову въ страстную пятницу. Поговорилъ съ нимъ немного и потомъ спра-

шиваетъ: а гдѣ же Александръ Сергѣевичъ? — «Да онъ тамъ у себя въ комнатѣ—чѣмъ-то занимается». — «Я пойду къ нему, поговорю съ нимъ—сказаль дядя. Входитъ дядя въ комнату Пушкина,—а онъ сидитъ и что-то читаетъ. — Чѣмъ это вы занимаетесь? — спросилъ его дядя, поздоровавшись. — «Да вотъ читаю исторію одной особы», или нѣтъ, помню, еще не такъ онъ сказалъ—*не особы*, а «читаю, говоритъ, исторію одной статуи»¹⁾. Дядя посмотрѣлъ на книгу, а это было Евангеліе! Дядя очень вспылилъ и разсердился, ибо онъ былъ, дѣйствительно, строгій и горячій. — «Что это вы сказали? Какъ вы смѣете это говорить? Вы безбожникъ! Я на васъ сейчасъ же бумагу подамъ—и васъ за это строжайше накажутъ». Много и сильно бранилъ Пушкина дядя и уѣхаль разсерженный. На другой день Пушкинъ пріѣзжаетъ въ семинарію—и ко мнѣ: «такъ и такъ, говоритъ, боюсь, чтобы вашъ дядя не донесъ на меня... Попросите, попросите вашего дядю». — Зачѣмъ же вы, говорю, такъ не хорошо сказали? «Да такъ, говоритъ, само какъ-то съ языка слетѣло». — Тогда я начала его успокоивать. — Не бойтесь, говорю, я попрошу дядю. Дядя мой только горячій человекъ, а онъ очень добрый. И Пушкинъ успокоился. А то онъ очень было испугался; онъ, дѣйствительно, боялся, чтобы дядя не донесъ. Онъ все хотѣлъ, чтобы ему скорѣе срокъ вышелъ и все рвался выѣхать изъ Киши-

¹⁾ Да именно такъ передавала этотъ фактъ П. В. Дыдицкая. Въ продолженіи трехъ лѣтъ, чрезъ длинныя промежутки, я все просилъ ее повторить этотъ рассказъ, и она все говорила одно: «Исторію одной статуи». Что хотѣлъ выразить этимъ Пушкинъ?! Да, впрочемъ, это и было время развитія въ Пушкинѣ несчастной манеры «кошунствовать»; это было время созданія имъ извѣстной кощунственной поэмы, которой онъ, по словамъ Анненкова, сообщилъ такую художественную отдѣлку и въ которой разрѣшилась вся обуявшая его въ то время чертовщина (diablerie).

нева. Тутъ ему было скучно. «Не нравится мнѣ тутъ», говорилъ онъ. И, дѣйствительно, тогда не было тутъ столько русскихъ, какъ теперь. Его любили и уважали, а все-таки смотрѣли на него, что онъ сосланъ. Онъ тутъ ничѣмъ не занимался, потому и хотѣлъ онъ скорѣе выѣхать. Вотъ и пошла я послѣ къ дядѣ. Затѣмъ, говорю, вы будете доносить? Онъ хочетъ отсюда уѣхать, а вы ему еще бѣды надѣлаете. — Ну, надо было постращать, сказалъ дядя, — а доносить я, разумѣется не стану».

Инзовъ жилъ на горѣ, что теперь такъ и называется *Инзова гора*. Оттуда видъ прекрасный на весь городъ. И садъ тамъ былъ отличный, сверху до низу все мѣсто было обсажено виноградомъ, крыжовникомъ, малиною и разными фруктовыми деревьями. Инзовъ самъ очень любилъ садоводство. А домъ его былъ какъ дворецъ — хорошій, особенно внутри. На пасху тутъ на горѣ бывало гулянье. Мы ходили туда; когда Инзовъ уѣдетъ бывало въ Болградъ, то мы тоже соберемся и идемъ туда, чтобы погулять въ саду и посмотрѣть домъ. Комнаты въ немъ были прекрасно отдѣланы: стѣны были выкрашены масляными красками, а на стѣнахъ нарисованы всякіе ландшафты, разныя деревья и проч. Очень, очень было красиво въ домѣ. Инзова всѣ уважали очень, но болгары особенно его любили. Когда онъ умеръ въ Одессѣ, то они перевезли тѣло его въ свой Болградъ и тамъ похоронили.

Дядя Ириной очень любилъ нашу семью и много помогалъ намъ. Всегда бывало приходиться къ намъ ужинать. Когда бывалъ чего недоволенъ или сердить, то сейчасъ камилавку сдвинетъ на лобъ, ажъ до носа. Такую имѣлъ привычку. Бывало говорить мнѣ: «можетъ быть скучаешь, такъ я выпишу сюда брата». А

братъ мой *Викторъ Порушкевичъ* кончилъ тогда курсъ духовной академіи въ Петербургѣ. Дядя списывался изъ-за него и просилъ Комиссію, чтобы назначили его сюда, поближе къ родинѣ. Но его сначала назначили въ Казань профессоромъ, а затѣмъ въ Каменецъ-Подольскъ и только послѣ этого уже, по просьбамъ дяди, въ Кишиневъ. Здѣсь онъ женился на племянницѣ архіерея Дмитрія, дочери его сестры, на Прасковѣ Петровнѣ, и поступилъ въ священники. Сдѣланъ былъ скоро протоіереемъ, а послѣ дяди — и ректоромъ Кишиневской семинаріи. Но скоро нашли почему-то неприличнымъ, чтобы ректоромъ былъ протоіерей, и назначили монаха — архимандрита *Филадельфа*, при которомъ произошла эта несчастная исторія съ профессоромъ *Кл.м. Никитскимъ*¹⁾. Тогда Викторъ Дмитрій сдѣлалъ каедральнымъ протоіереемъ на мѣсто Лолчковскаго. Но скоро Викторъ захотѣлъ въ Одессу, тамъ заболѣлъ и умеръ. Послѣ Викторъ пріѣхалъ сюда изъ кievской академіи другой мой братъ — вотъ этотъ *Василій*, что теперь каедральнымъ протоіереемъ. Былъ онъ сначала учителемъ семинаріи. У меня былъ еще братъ *Даниилъ* Порушкевичъ —

¹⁾ Это очень характерная исторія, не безъ трагизма, ярко обрисовывающая старинные нравы въ средѣ семинарской профессорской корпораціи... Кл. Алекс. Никитскій умеръ нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ Кишиневѣ полупомѣшаннымъ и нищимъ... У него былъ великолѣпный басъ и былъ онъ собою, въ свое время, красавецъ. Будучи въ кievской академіи, онъ вмѣстѣ съ извѣстнымъ *Аскоченскимъ* въ качествѣ регента поднялъ академическій хоръ на небывалую дотолѣ высоту. Съ ихъ времени идетъ слава кievо-академическаго хора... Назначенный учителемъ въ кишиневскую семинарію, онъ, на одной изъ обычныхъ въ то время профессорскихъ пиршекъ, немного выпивши, вступилъ какъ-то въ ссору съ ректоромъ *Филадельфомъ*, — былъ затѣмъ уволенъ отъ службы безъ прошенія, сошелъ отъ этого съ ума и — погибъ! Мы еще застали его въ Кишиневѣ. Жалко было видѣть погибшій безвременно, по пустому, талантъ!

вотъ этотъ былъ прекрасный—умнѣйшій и добрѣйшій. Онъ кончилъ курсъ по медицинѣ въ Петербургѣ. Самъ государь Николай Павловичъ былъ на экзаменѣ и потрепалъ его по плечу: «Порушкевичъ у меня останется—при гвардіи». Объ этомъ онъ самъ писалъ намъ. И хорошо было-бы, если бы онъ остался въ Петербургѣ. Но вотъ этотъ здѣшній братъ мой Василиій посовѣтовалъ ему ѣхать на войну. Тогда война была съ Турціей, въ 1829 году, и вотъ тотъ братъ мой, Даніилъ, и сталъ спрашивать у этого, Василя, совѣта: ѣхать ли ему на войну или нѣтъ. Василиій и отписалъ ему: «ѣдь, говоритъ, тамъ даютъ двойное жалованье». Тотъ бѣдный и послушалъ этого совѣта. И умеръ отъ чумы въ Базарчикѣ. Одинъ товарищъ его (я видѣла его въ Одессѣ) рассказывалъ уже намъ послѣ: «не берегся, говоритъ, нисколько братъ вашъ, не вѣрилъ, что чума заразительна; я себѣ и смолою и прочими тамъ вещами окуривался, а онъ не хотѣлъ ничего—не боялся». Всего только два мѣсяца и былъ тамъ.

Дядя Ириней уѣхалъ изъ Кишинева въ 1824 году. Его вызвали въ Петербургъ на чреду, чтобы архіереемъ сдѣлать. Хорошо помню я, какъ незадолго передъ выѣздомъ, мы съ нимъ ужинали, и онъ говоритъ мнѣ: «Знаешь, Пелагея, сколько мнѣ теперь лѣтъ? Мнѣ теперь какъ разъ 40 лѣтъ». Его торжественно проводили. Посѣзжались протоіереи изъ Рени, изъ Измаила проводить его. Послѣ, будучи уже архіереемъ, постоянно писалъ къ намъ — все называлъ моего мужа своимъ другомъ. Изъ Пензы прислалъ намъ на двѣ тысячи золота и серебра въ вещахъ: «пустъ, говоритъ, будетъ для дѣтей Михаила Осиповича». Но мужъ мой былъ очень непрактичный человѣкъ. Все тратилъ деньги, одолжалъ другимъ. На садъ семинарскій много собствен-

ныхъ денегъ потратилъ. А вотъ теперь видите, какъ я живу—получаю всего семь рублей въ мѣсяцъ пенсiи. Кого просить, чтобы мнѣ пенсiю увеличили? Ибо мнѣ такъ трудно жить. Я уже старуха, а никто не хочетъ помочь мнѣ. А при мнѣ и дочь живетъ. А сынъ мой, священникъ, какъ вы знаете, боленъ — поврежденъ въ умѣ. А мужъ мой много трудился для семинарiи, все на нее тратилъ. Если-бы онъ былъ практикъ, то онъ могъ-бы нажитья, будучи экономомъ, какъ другiе послѣ него наживались. А между тѣмъ ему даже и службы не засчитали до утверждениа семинарiи въ штатахъ. А онъ служилъ до этого 7 лѣтъ. Безвозмездно училъ нѣмецкому языку въ семинарiи и въ пансионѣ¹⁾. А когда стали давать жалованье, то отобралъ Александръ Епифановичъ, который не такъ зналъ по нѣмецки, какъ мой мужъ. Мой мужъ отлично говорилъ по нѣмецки. И семинаристы при немъ говорили по нѣмецки, ибо мой мужъ всегда съ ними разговаривалъ и училъ ихъ. А вотъ я теперь бѣдую. Ни тогда не обращали, ни теперь никто не обращаетъ вниманiя на заслуги моего мужа...

¹⁾ При кишиневской семинарiи — съ первыхъ годовъ — былъ учрежденъ *Благородный пансионъ* — для образованiя юношества мѣстныхъ дворянъ и чиновниковъ—съ цѣлью, главнымъ образомъ, приготовить въ мѣстную государственную службу переводчиковъ на языкъ молдавскiй и греческiй, что было тогда очень необходимо. Этотъ пансионъ былъ подъ непосредственнымъ вѣдѣнiемъ Семинарскаго начальства, но составлялъ учебное заведенiе, независимое отъ семинарiи. Въ немъ положено было 12 вакансiй казенныхъ, а остальные воспитанники были своекоштные. Казенные обязательно должны были изучать молдавскiй и греческiй языки, а своекоштные освобождались отъ сего обязательства и изучали только языки нѣмецкiй и французскiй. Исторiя этого учебнаго заведенiя имѣетъ большой мѣстный интересъ.

Кромѣ П. В. Дыдицкой, сообщила намъ нѣкоторыя свѣдѣнія о Пушкинѣ и другая почтенная старожилка, многоуважаемая *Впра Егоровна Блюгова*, вдова бывшаго профессора кишиневской семинаріи *Ал. Из. Блюгова* ¹⁾. Она видѣла Пушкина еще дѣвочкой лѣтъ 8—10. «Разъ, помню, на *Болари*, такъ называлась мѣстность, гдѣ теперь Вознесенская церковь, въ которой священникомъ. протоіерей Судакевичъ, были на Пасху игры. Танцевали подъ волынку здѣшній мѣстный танецъ «джокъ». Приѣзжали смотрѣть на народъ въ каретахъ. Приѣхалъ и Пушкинъ, помню, въ фескѣ, обрѣтый. Началъ смотрѣть и я слышала, какъ говорили: «вотъ какъ Пушкинъ ломается». Помню, рассказывали про него еще и вотъ какой случай: на Золотой улицѣ былъ въ то время магазинъ модъ какой-то дамы, фамилію забыла. У нея была дочь, красавица. Вотъ какъ-то разъ Пушкинъ ѣдетъ верхомъ на улицѣ съ другими, а дочь эта стояла въ это время на крыльцѣ. Пушкинъ какъ завидѣлъ ее, то верхомъ такъ прямо на крыльцо и вѣхалъ. Уже другіе его вывели оттуда, совсѣмъ перепугалъ дѣвушку. За это Инзовъ продержалъ его день безъ сапогъ. Инзовъ поступалъ съ нимъ по-отечески».

Вотъ еще рассказы о Пушкинѣ, записанные для насъ бывшимъ ученикомъ кишиневской гимназіи, а нынѣ студентомъ кіевскаго университета *Вас. Вас. Тепловымъ* за что приносимъ ему и здѣсь глубокую благодарность.

1) Отъ *Елены Фед. Тепловой*, рожденной *Фези*,

¹⁾ Письма къ нему товарища его по первому курсу кіевской академіи, знаменитаго *Иннокентія Борисова*, мы напечатали въ мартовской книжкѣ новаго историческаго журнала «*Кіевская Старина*» за 1882 г. Тамъ же сообщены нами свѣдѣнія о Блюговѣ и объ его семействѣ.

дочери М. Е. *Эйхвальдъ*, вышедшей во второй разъ замужъ за Фези ¹⁾.

«Какъ-то молдавская барыня любила снимать свои башмаки, садясь на широкій молдавскій диванъ. Пушкинъ подмѣтилъ эту наклонность барыни и стащилъ однажды ея башмаки, вытащивъ ихъ тростью. Когда нужно было встать, то барыня, не найдя башмаковъ и не желая поставить себя въ неловкое положеніе, пошла въ чулкахъ до дверей, гдѣ Пушкинъ возвратилъ ботинки по принадлежности, извиняясь въ нечаянно совершенномъ имъ поступкѣ. Нужно замѣтить, что тогдашній башмакъ снимался легко. Это была скорѣе туфля, а не нынѣшній башмакъ, обхватывающій ногу плотно и далеко выше щиколотки».

2) Отъ *М. Шонина*, внука *Стамати*:

«Первыя строки *«Цыганъ»* были такъ написаны: Пушкинъ отправился гулять за городъ, по направленію къ нынѣшнимъ садамъ *Рамандина* (Лихнякевича), *Катаржи* и др. Въ то время здѣсь не было домовъ и весь скатъ былъ занятъ лѣсомъ. Здѣсь на опушкѣ расположились цыгане. Когда Пушкинъ подошелъ къ нимъ, то къ нему бросились нѣсколько взрослыхъ цыганъ или мальчишекъ, съ цѣлью или ограбить, или выпросить себѣ что нибудь, что, впрочемъ, безразлично. Пушкинъ перепугался и повернулъ къ городу, а дошедши до дома *Стамати*, вбѣжалъ къ нему и быстро произнесъ: «пера и чернил!» И здѣсь то написаны первые стихи *«Цыганъ»*. Таково преданіе. Вѣрно или нѣтъ, — не знаю.

¹⁾ Такимъ образомъ мать г. Теплова была дочерью той самой красавицы *Эйхвальдъ*, которою нѣкогда восхищался Пушкинъ. См. «Изъ воспоминаній Вельмана о времени пребыванія Пушкина въ Кишиневѣ». *«Вѣстникъ Европы»*, мартъ 1881 г., стр. 225—227.

Извѣстно, что домъ, гдѣ Пушкинъ съ особенною пріятностью проводилъ время, былъ боярина Е. М. *Варѳоломея*. У него была дочь красавица *Пульхерія Еюровна*. Вельтманъ въ своихъ воспоминаніяхъ, указанныхъ нами выше, говоритъ: «Магнитомъ, притягивавшимъ на вечера къ Варѳоломею, была дочь его Пульхерица, въ честь которой сложилась въ городѣ пѣсня, гдѣ ее величали «Кишиневскій нашъ божогъ», (стр. 225-ая). Пѣсня эта—просто стихи, въ которыхъ съ претензіей на юморъ описывались личности, фигурировавшія на вечерахъ у Варѳоломея, — нѣкоторыя приписывали стихи эти Пушкину. Но довольно топорная композиція ихъ едва ли достойна легкой и непринужденной музы нашего поэта. Одну редакцію ихъ сообщилъ намъ достопочтенный кишиневскій старожилъ *Конст. Лавр. Трясцовскій*, нынѣшній бібліотекаръ кишиневской публичной бібліотеки, воспитанникъ того благороднаго при семинаріи пансіона, о которомъ упомянуто нами выше. Такъ какъ это издѣліе какого то стариннаго кишиневскаго піиты имѣеть нѣкоторое отношеніе къ памяти Пушкина, то считаемъ умѣстнымъ стихи эти привести здѣсь. Вотъ они:

Музыка Варѳоломея
 Становись скорѣй въ кружокъ
 Инструменты строй скорѣе
 И играй на славу джокъ!
 Наблюдая нѣжны связи,
 Съ дамой всякъ ступай любой:
 Въ первой парѣ Катакази
 Съ скромной Стамовой женой.
 Ты жь возьми его супругу,
 Виць-Крупенскій отставной,
 Руки за-поясь другъ другу

И пляшите джокъ родной.
Въ первой парѣ Михалаки
Съ Богданясою пофтимъ ¹⁾,
Во вторую Сандулаки
И мадамъ Кароя съ нимъ.
Въ пятой парѣ для красы
Худобашевъ съ Польшранисой—
 Бекасинные носы;
Пульхерица—легконожка,
Устарѣлый нашъ божокъ
Стань—сударушка немножко
Оттанцуй съ бабакой ²⁾ джокъ.

Сохранился еще стихотворный портретъ упомяну-
таго выше Худобашева. Этотъ Худобашевъ, по словамъ
К. Л. Тряцовскаго, былъ полковникъ въ отставкѣ, ма-
ленькій, низенькій, уродливый, съ предлиннымъ носомъ.
Неизвѣстно, составляетъ ли этотъ портретъ продолженіе
прежнихъ стиховъ или, судя по другому размѣру, имѣеть
значеніе самостоятельное. Вотъ онъ:

...Но вдругъ Каплюшка быстроногій
Пигмей откуда ни взялся,
И своротили всѣ съ дороги,
Чтобъ посмотрѣть на чудеса.
Но кто портретъ его представить
И въ точности изобразить,
Болье разсмотрѣть его весь видъ
Всѣмъ носъ преграду ставить?
Урода взять изъ обезьянъ,
Чтобъ сдѣлать съ нимъ сравненье ясно,

¹⁾ «Пофтимъ» молдавское слово, значить: прошу, милости про-
симъ, пожалуйста.

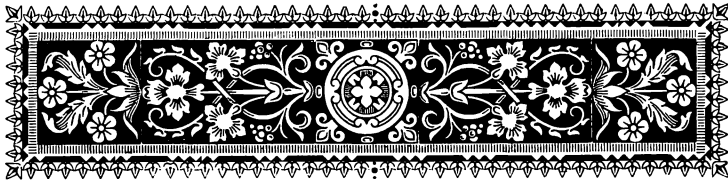
²⁾ Т. е. съ папашей.

Надѣть парикъ, надѣть кафтанъ,
Приставить къ мордѣ носъ ужасный...

Вотъ пока все то, что мы могли выслѣдить и собрать изъ области еще неизвѣстныхъ публикѣ кишиневскихъ преданій и памятныхъ замѣтокъ о Пушкинѣ, хранящихся у той или другой личности, по тѣмъ или инымъ ея отношеніямъ къ исторіи поэта. Не будемъ и впредь прекращать своихъ поисковъ и разслѣдованій въ этой интересной области... и если еще удастся намъ найти здѣсь что нибудь новое, неизвѣстное и характерное, будемъ очень рады подѣлиться своей находкой съ читателями «Историческаго Вѣстника».

Левъ Мацкевичъ.

Пушкинъ и Людмила И—зи ¹⁾.

(Изъ воспоминаній кишиневскаго старожила).

то было въ 187* году. Я отъ многихъ слыхалъ объ интересномъ старикѣ Градовѣ, у котораго можно было многое узнать о давно минувшихъ временахъ. Долго и бесплодно старался я познакомиться съ нимъ; наконецъ, мнѣ удалось получить отъ одного изъ кишиневцевъ рекомендательное письмо къ нему. Градовъ, не смотря на свою старость, превосходно рисовалъ карандашемъ, и, незадолго до моей первой встрѣчи съ нимъ, онъ окончилъ превосходный ландшафтъ, который хотѣлъ у него приобрести воспитатель кишиневской классической гимназiи Т. Съ нимъ-то мы и отправились къ Градову, который въ то время жилъ въ одномъ изъ маленькихъ домишекъ Болгарской Моголы. Признаюсь, что я шелъ къ Градову въ первый разъ не безъ страха, но когда меня представили ему,

¹⁾ «Одесскій Вѣстникъ», 25 мая 1880 г. № 118.

то страхъ исчезъ: болѣе добродушнаго и милаго старика я еще не встрѣчалъ.

Черезъ нѣсколько времени мы съ Градовымъ были величайшіе друзья. Пользуясь прекрасными майскими утрами, мы рыскали съ нимъ по всеѣмъ окрестнымъ садамъ Кишинева. Градовъ былъ художникъ и поэтъ. Замѣчательныя картины, встрѣчающіяся въ окрестностяхъ Кишинева, быстро переходили подъ его карандашемъ на бумагу, а я записывалъ стихи, которые Градовъ сочинялъ всегда экспромтомъ. Очень жаль, что его стихи до сихъ поръ не проникли въ печать; они сдѣлали-бы честь любому журналу.

Однажды, въ прекрасный майскій вечеръ, мы гуляли на городскомъ кладбищѣ. Луна мягко освѣщала ровнымъ серебристымъ свѣтомъ окружающіе предметы. Въ воздухѣ стояла глубокая тишина, изрѣдка прерывавшаяся кое-какими звуками, доносившимися изъ города. Надгробныя памятники и кресты потонули въ густой зелени и какъ-бы съ молчаливымъ угоромъ глядѣли на насъ—нарушителей покоя мертвыхъ.

Градовъ, вѣроятно, подъ вліяніемъ необъяснимаго жуткаго чувства, овладѣвающаго почти каждымъ человекомъ ночью на кладбищѣ, угрюмо молчалъ и какъ-то сосредоточенно глядѣлъ впередъ. Мы пришли къ самому углу кладбища. Здѣсь были все бѣдныя могилы и очевидно весьма древнія; нѣкоторыхъ нельзя было разглядѣть: надгробныя плиты вросли въ землю и покрылись павилигой и мхомъ. Почти у самой стѣны, окружающей все кладбище, лежала большая плита, повернувшаяся какъ-то бокомъ; въ головахъ стоялъ обломанный крестъ. При свѣтѣ луны, я прочелъ ясно слѣдующую надпись на плитѣ церковно-славянскими буквами: «Здѣсь покоится прахъ рабы Божіей Людмилы, сицевая приємлема на

небо іануарія 27-го лѣта 1825 отъ роду 23 лѣтъ. Покойся тутъ мирно, тѣлесно; душа твоя витаетъ... (Здѣсь нельзя было разобрать одного или двухъ словъ) небесно».

— Вотъ и могила замѣчательной женщины, вдругъ прервалъ молчаніе Градовъ, указывая на замѣченную уже мной могилу.

— Кто-же была эта женщина? спросилъ я.

— Людмила И—зи, отъ которой когда-то сходилъ съума Пушкинъ.

— Неужели жизнь этой женщины связана съ судьбой нашего великаго поэта, а мы ничего не знаемъ объ этомъ, вскричалъ я съ удивленіемъ.

— Да, связана и даже очень сильно была связана, отвѣчалъ Градовъ, между тѣмъ до сихъ поръ мнѣ не пришлось нигдѣ встрѣтить хотя пять словъ о любви Пушкина къ этой женщинѣ, никто ничего не знаетъ о ней. Видите, прибавилъ онъ,—это служить доказательствомъ моихъ словъ, которыя вы недавно слышали отъ меня, что у насъ очень мало интересуются жизнью и судьбой замѣчательныхъ людей. А если-бы Пушкинъ жилъ въ Западной Европѣ, то тамъ навѣрно до сихъ поръ прослѣдили-бы и описали каждый моментъ изъ его жизни.

— Расскажите-же, пожалуйста, мнѣ объ И—зи, поспѣшилъ я перебить Градова, зная, что коль скоро онъ заговорилъ о нашихъ несовершенствахъ въ сравненіи съ Западомъ, то не скоро остановится.

— Съ удовольствіемъ, — отвѣчалъ Градовъ: тѣмъ болѣе, что уже мало осталось въ живыхъ тѣхъ, которые знаютъ эту исторію. Слушайте-же!

Мы повернули назадъ, и Градовъ съ воодушевленіемъ началъ свой рассказъ.

За нѣсколько лѣтъ до ссылки Пушкина на югъ, вскорѣ послѣ назначенія генераль-губернаторомъ Бессарабіи Инзова, въ Кишиневъ пріѣхалъ богатый румынъ Бо—ско. Это былъ высокій красивый мужчина среднихъ лѣтъ. Будучи холостымъ человѣкомъ и обладая, какъ говорили, громаднымъ состояніемъ, онъ велъ въ Кишиневѣ роскошную и открытую жизнь. Надо при этомъ замѣтить, что Бо—ско чрезвычайно любилъ лошадей и женщинъ, въ особенности женщинъ! Не знаю, на сколько это вѣрно, но говорили, что у него былъ цѣлый сераль разныхъ женщинъ, которыхъ онъ содержалъ въ чрезвычайной роскоши. Кромѣ того, онъ былъ страстный ухаживатель за всѣми мало-мальски красивыми женщинами Кишинева и притомъ небезуспѣшно. Однажды, Бо—ско проѣзжалъ новаго недавно пріобрѣтеннаго имъ рысака, и такъ какъ лошадь была очень горячая и норовистая, то онъ и проѣхалъ за городъ по направленію къ Боюканамъ. Въ это время подъ городомъ стоялъ таборъ кочующихъ цыганъ, мимо котораго Бо—ско пришлось проѣзжать. Таборъ былъ большой и отличался красивыми женщинами, что сразу замѣтилъ опытный глазъ Бо—ско. Подъ предлогомъ погадать у женщинъ, Бо—ско остановился у табора и вошелъ въ толпу цыганъ, показывая имъ вынутый изъ кармана кошелекъ. При видѣ денегъ, его обступилъ весь таборъ, и въ это-же время подошла вышедшая изъ шатра молоденькая дѣвушка необыкновенной красоты. Бо—ско былъ до того пораженъ ея красотой, что забылъ о желаніи погадать и о всемъ на свѣтѣ; онъ немедленно разузналъ, кто родители дѣвушки и предложилъ имъ за дочь громадную сумму денегъ. Хотя цыганъ и соблазняла большая сумма денегъ, но они ни за что не соглашались продать Бо—ско свою дочь для серала, а

требовали, чтобы онъ женился на ней, Бо—ско разсердился и уѣхалъ; но на другой день пріѣзжалъ опять, предлагалъ большую сумму денегъ, но ничего не помогло. Цыгане стояли на своемъ. Почти черезъ недѣлю Бо—ско, наконецъ, согласился жениться. Вскорѣ весь Кишиневъ былъ какъ громомъ пораженъ извѣстіемъ о свадьбѣ Бо—ско. Сначала никто не вѣрилъ, но потомъ всѣ убѣдились, что Бо—ско дѣйствительно женился на цыганкѣ Шекорѣ, превратившейся въ Людмилу Бо—ско. Всѣ восхищались ея красотой, и, дѣйствительно, Людмила была очень хороша. Представьте себѣ... нѣтъ, я лучше не буду описывать вамъ ея наружности; она только потеряетъ отъ этого, но если вы можете вообразить себѣ идеальную цыганку то такова была Людмила Бо—ско. Замужемъ за Бо—ско Людмилѣ пришлось пробыть не долго. Года черезъ полтора послѣ женитьбы, Бо—ско на охотѣ неловко перепрыгнулъ черезъ оврагъ, сломалъ ногу и умеръ, не оставивъ послѣ себя никакого завѣщанія. Всѣ думали, что единственной наслѣдницей всего состоянія Бо—ско будетъ Людмила, но нѣтъ! Вскорѣ послѣ смерти Бо—ско, въ Кишиневъ пріѣхали его родственники, съ неоспоримыми доказательствами на право полученія имѣнія. Такимъ образомъ, Людмила, этотъ избалованный роскошью ребенокъ, осталась нищей. Положение было безвыходное. Кишиневскій богачъ И—зи, уже давно ухаживавшій за Людмилой, воспользовался этимъ положеніемъ и предложилъ ей руку и сердце. Хотя Людмила и не любила И—зи, но выбирать было нечего, и Людмила приняла предложеніе.

Прошло два мѣсяца послѣ ихъ свадьбы, какъ въ Кишиневъ пріѣхалъ Пушкинъ, вскорѣ сдѣлавшійся душою всего общества. Пушкина съ радостью принимали во всѣхъ бонтонныхъ домахъ Кишинева, въ томъ числѣ

и у И—зи. Пушкинъ, пылкій потомокъ африканца, съ перваго-же раза влюбился въ Людмилу и съ чрезвычайной ревностью скрывалъ отъ всѣхъ свое чувство. Я очень подружился съ Пушкинымъ, мы вмѣстѣ съ нимъ кутили и куралесили, могу даже не хвастаясь сказать, что онъ меня очень любилъ, но между тѣмъ ни слова не говорилъ о своей любви къ Людмилѣ. Уже впоследствии, благодаря одной случайности, я узналъ объ этомъ.

Будучи съ дѣтства сильно привязанъ къ рисованію и кое что понимая въ немъ, я по обыкновенію въ одинъ хорошій лѣтній день бродилъ по окрестностямъ Кишинева и набрасывалъ все, что попадалось порядочнаго, въ свой альбомъ. Совершенно машинально я добрелъ до небольшой рощицы, которая была прежде подлѣ Рышкановой. Солнце сильно жарило, въ воздухѣ стояла ужасная духота, поэтому я сильно обрадовался тѣни и прилегъ подъ большимъ деревомъ немного отдохнуть. Только что я началъ дремать, какъ голоса на опушкѣ рощи привлекли мое вниманіе. Не желая обнаруживать себя, я продолжалъ смиренно лежать на мѣстѣ и лишь только повернулъ голову въ ту сторону, откуда былъ слышенъ разговоръ. И что же? Черезъ рощицу проходили, обнявшись и страстно цѣлуясь, Пушкинъ и Людмила. Они меня не замѣтили и выйдя на просѣку, сѣли въ дождавшіяся ихъ дрожки и уѣхали. Я былъ чрезвычайно пораженъ своимъ открытіемъ. Какъ только дрожки скрылись изъ глазъ, я поднялся и побрелъ домой.

Послѣ моего открытія прошло нѣсколько дней, втеченіи которыхъ я не встрѣчался съ Пушкинымъ. Былъ воскресный день. Съ утра у меня сильно болѣла голова, и потому я послѣ обѣда легъ заснуть. Не успѣлъ я раздѣться и лечь, какъ въ мою дверь раздался сильный стукъ. Раздосадованный на непрошеннаго гостя, я надѣлъ

туфли и, набросивъ на плечи халатъ, отворилъ дверь. Передо мной стоялъ Пушкинъ.

— Голубчикъ мой, бросился онъ ко мнѣ,—уступи для меня свою квартиру до вечера. Не спрашивай ничего, расскажу послѣ, а теперь некогда, здѣсь ждетъ одна дама, да вотъ я введу ее сейчасъ сюда, вскричалъ онъ и бросился къ дверямъ.

— Пушкинъ подожди, ради Бога, произнесъ я, стараясь его удержать, но уже было поздно. Онъ отворилъ дверь, и въ комнату вошла стройная женщина, густо окутанная черной вуалью, въ которой я однако съ перваго взгляда узналъ Людмилу. Положеніе мое было болѣе нежели щекотливое: я былъ, какъ уже выше замѣтилъ, въ домашнемъ дезабилье. Схвативъ сапоги и лежавшее на стулѣ верхнее платье, я стремглавъ бросился изъ комнаты, оставивъ ихъ вдвоемъ.

Впослѣдствіи все объяснилось. Пушкинъ и Людмила гуляли вдвоемъ въ одномъ изъ расположенныхъ въ окрестностяхъ Кишинева садовъ. Въ это время мальчикъ, бывший постоянно при этихъ tête à tête на сторожѣ, далъ имъ знать, что ѣдетъ И—зи, который уже давно подозрѣвалъ связь Людмилы съ Пушкинымъ и старался поймать ихъ вмѣстѣ. Пушкинъ, испугавшійся не за себя, а за Людмилу, ускакалъ съ ней съ другой стороны и чтобы запутать преслѣдователей, привезъ ее ко мнѣ. Однако это не помогло. На другой день И—зи заперъ Людмилу на замокъ и вызвалъ Пушкина на дуэль, которую Пушкинъ принялъ. Пушкинъ просилъ меня быть секундантомъ. Дуэль назначена была на слѣдующій день утромъ на томъ мѣстѣ, гдѣ теперь садъ Романдина, но о предстоящей дуэли кто-то донесъ генераль-губернатору Инзову, который приказалъ явиться Пушкину и И—зи.

Пушкину Инзовъ приказалъ вести себя болѣе прилично, не принимать вызововъ на дуэли и арестовалъ его на десять дней на гауптвахтѣ, а И—зи вручилъ билетъ, въ которомъ значилось, что ему разрѣшается выѣздъ за границу вмѣстѣ съ женой на одинъ годъ. И—зи понялъ намекъ и на другой день выѣхалъ съ Людмилой изъ Кишинева. Такимъ образомъ дуэль не состоялась.

Пушкинъ долго тосковалъ по Людмилѣ и утѣшился только съ переѣздомъ въ Одессу въ 1823 году, когда его назначили чиновникомъ канцеляріи намѣстника Бессарабіи и новороссійскаго генералъ-губернатора графа М. С. Воронцова.

Не такова была судьба несчастной Людмилы. Послѣ исторіи съ Пушкинымъ мужъ началъ сильно ее притѣснять; она получила чахотку и умерла въ Кишиневѣ, куда они возвратились послѣ отъѣзда Пушкина въ Одессу. Кромѣ того на нее сильно подѣйствовалъ слухъ о новомъ увлеченіи Пушкина г-жей Ризничъ въ Одессѣ.

Людмила имѣла большое вліяніе на творческій духъ Пушкина. Подъ вліяніемъ этой прелестной цыганки Пушкинъ изучалъ бытъ цыганъ, массами бродившихъ тогда по Бессарабіи. Его «Цыгане» были плодомъ любви къ Людмилѣ, которую онъ увѣковѣчилъ въ образѣ Земфиры.

Передъ смертью Людмила не скрывала своей искренней и горячей любви къ Пушкину, что дало ему поводъ вложить въ уста Земфиры слѣдующія слова :

Старый мужъ, грозный мужъ,
Рѣжь меня, жги меня —

Я тверда, не боюсь
Ни ножа, ни огня.
Ненавижу тебя,
Презираю тебя.
Я другого люблю,
Умираю любя!

А. Тре—бовъ.

Кишиневъ 21 мая ¹⁾.

одячія, въ Кишиневѣ преданія о пребываніи здѣсь Пушкина обратились въ легенды, иногда довольно безобразныя; воспоминанія преимущественно останавливаются на острыхъ словахъ поэта, когда-то, будто-бы, сказанныхъ имъ, а въ сущности, конечно, никогда имъ не произносившихся, такъ-какъ приписываемыя ему quasi остроумныя изрѣченія выражаются, большею частію, въ плоскихъ, а иногда и совсѣмъ глупыхъ дву-и-четырёхстишіяхъ. Современники Пушкина всѣ уже перемерли, да и отъ тѣхъ, которые оставались еще до недавняго времени, мало можно было узнавать достовѣрнаго; они слышали, въ свое время, что какой-то «сочинитель» Пушкинъ является въ обществѣ, преимущественно военномъ, (тогда были здѣсь: извѣстный генералъ Орловъ, Раевскій, Липранди, Вельтманъ и цѣлый отрядъ офицеровъ такъ называемой муравьевской

) «Новороссійскій Телеграфъ», 22 мая 1880 г., № 1576.

роты колоновожатыхъ; — вполсѣдствіи генеральный штабъ, занимавшійся съемкою на карту Бессарабіи), знали, что онъ бываетъ въ нѣкоторыхъ домахъ тогдашняго вышшаго и образованнѣйшаго общества: князей Инсиланти, губернатора Катакази, вице-губернатора Крупенскаго, у помѣщика Ралли, (котораго въ народѣ называли просто: г. Замфираки — отъ имени Замфиръ, Захарій); знали также что этотъ «сочинитель» весьма дерзкій господинъ и забіяка, особенно съ людьми не своего кружка, — и больше ничего; вполсѣдствіи уже, когда слава Пушкина разрослась до тѣхъ размѣровъ, какихъ заслуживалъ его геній, эти послѣдніе могилы изъ его современниковъ начали вспоминать, что они-де играли съ нимъ на бильярдѣ въ трактирѣ грека Антонія (этотъ трактиръ иногда посѣщалъ Пушкинъ; онъ уже перестроенъ и въ немъ помѣщается едва-ли не казарма), и тамъ онъ выкинулъ де-такую-то штуку, и придумывалась штука чрезвычайно глупая.

Въ тѣхъ семействахъ, которыя, посѣщалъ Пушкинъ не сохранилось никакихъ преданій о поэтѣ; домъ-же, въ которомъ онъ жилъ (у генерала Инзова) и тѣ сады и виноградники, окружавшіе домъ, о которыхъ упоминаетъ Пушкинъ въ своихъ письмахъ изъ Бессарабіи и намекаетъ въ нѣкоторыхъ изъ своихъ стихотвореній, постигла участь тѣхъ памятниковъ, надъ которыми судьба иногда играетъ шутку. Сады и ограды исчезли уже лѣтъ тридцать тому назадъ, но еще лѣтъ за десять до настоящаго времени, среди пустыря, на одномъ изъ возвышеній нижней части города, торчалъ полуразваленный двухъ-этажный домъ «Инзова», по периламъ лѣстницы еще можно было, съ опасностью, взбираться въ угловую, выходившую на западъ окнами, комнату, гдѣ жилъ великій воспитатель нѣсколькихъ поколѣній; можно было

читать тысячи надписей, испещрявшихъ бѣлыя стѣны этой комнаты, — надписей, большею частію, нелѣпныхъ и даже пошлыхъ. Домъ принадлежалъ не Инзову, а бояру Доничу, который, уѣхавъ за-границу, оставилъ его на произволь судьбы; но, въ послѣднее время, нашлись наслѣдники, домъ продали на сломъ, и памятникъ пребыванія Пушкина въ Кишиневѣ разнесенъ по камню; мѣсто же куплено городомъ, который выстроилъ на немъ . . . конюшни для гусарскаго полка и получаетъ съ нихъ доходъ. Теперь, на мѣстѣ тѣхъ садовъ, гдѣ Пушкинъ обдумывалъ свою чудную поэму «Цыгане», ржутъ лошади и раздаются руготня конюховъ Стоитъ ли быть у насъ великимъ человѣкомъ !

Да, Пушкинъ — и конюшня, — это стоитъ знаменитаго «Шекспиръ и сапоги» !

М. З.

НѢСКОЛЬКО СЛОВЪ ОБЪ А. С. ПУШКИНѢ ¹⁾.

читателямъ, конечно, извѣстно, что въ 1821 году въ княжествахъ Молдавіи и Валахіи вспыхнуло возстаніе грековъ. Послѣ разбитія этеристовъ-грековъ подъ Драгашанами и Скулянами большая часть жителей Яссъ бѣжала одни въ Буковину, другіе въ Бессарабію, гдѣ нашли безопасное убѣжище. Нынѣшній молдавскій писатель Константинъ Негруци съ отцомъ своимъ тоже перешелъ въ Бессарабію; зиму они прожили въ Хотинѣ, а на лѣто переѣхали въ Кишиневъ, чтобы повстрѣчаться съ родственниками, друзьями и знакомыми, бѣжавшими, какъ и они, изъ Молдавіи. Пустынный и тихій Кишиневъ вдругъ оживился и сталъ шумнымъ. Кишиневъ въ то время переполнился людьми, которые жили изо дня въ день, которые не знали воротятся-ли они къ своимъ очагамъ; эти люди, благодарившіе небо, что спасли свою жизнь, свыклись съ мыслью, что, по воз-

¹⁾ Бессарабскія областныя вѣдомости № 44, 29 октября 1866 г.

вращеніи на родину, они найдутъ только одно пепелище; не заняты никакимъ дѣломъ, они рѣшились заглушить свои страданія пріятнымъ и веселымъ препровожденіемъ времени; такимъ образомъ они старались забыть свое несчастье. Поэтому только и слышно было о гуляньяхъ, музыкальныхъ вечерахъ, обѣдахъ, любовныхъ интригахъ.

Во всемъ этомъ обществѣ эмигрантовъ и туземцевъ, говоритъ г. Негруцци, ¹⁾ только двѣ личности произвели на него неизгладимое впечатлѣніе. Одна личность это былъ молодой человѣкъ средняго роста, носившій красную феску (колпакъ), другая—была молодая, статная, высокая дѣвушка, ²⁾ всегда накрывавшая голову черною шалью; Негруцци ежедневно встрѣчалъ ихъ въ городскомъ саду. Позже г. Негруцци узналъ, что молодой человѣкъ, въ красной фескѣ, былъ поэтъ А. Пушкинъ, этотъ россійскій Байронъ прибавляетъ г. Негруцци, а молодая женщина съ шалью, которую всѣ называли прекрасною гречанкою, была бѣжавшая изъ Яссы куртизанка, по имени Калипсо ³⁾. — Она постоянно ходила одна; только Пушкинъ подходилъ къ ней, когда встрѣ-

¹⁾ Сочиненіе Негруцци на молдованскомъ языкѣ «Пакатиле тинерецилловъ» (Грѣхи молодости), Яссы, 1857 г.

²⁾ Въ напечатанной въ №: 8 и 9 «Русскаго Архива» за этотъ годъ статьи «изъ дневника и воспоминаній Липранди» видно, что Калипсо Полихрани была чрезвычайно маленькаго роста съ едва замѣтною грудью; длинное сухое лицо, всегда, по обычаю нѣкоторыхъ мѣстъ Турціи, нарумяненное, огромный носъ какъ-бы сверху до низу раздѣлялъ ея лицо и. т. д.

³⁾ Изъ дневника Липранди видно, что Калипсо была не куртизанка изъ Яссы, а бѣжала изъ Константинополя въ началѣ въ Одессу и около половины 1821 года поселилась въ Кишиневѣ съ матерью своею, вдовою логосета; мать ея была очень бѣдная женщина, потерявшая все, что имѣла во время бѣгства. Калипсо радушно принимала у себя. Она пѣла на восточный тонъ, въ носъ; это очень забавляло Пушкина, въ особенности турецкія, сладострастныя, заунывыя пѣсни съ акомпаниментомъ глазъ, а иногда жестовъ.

чалъ ее въ саду. — Калипсо знала только по гречески и румынски, языки, которыхъ не понималъ Пушкинъ, по этому неизвѣстно, какъ они объяснились между собою. Но, прибавляетъ г. Негруцци, 22 лѣтній возрастъ поэта и 18 лѣтній возрастъ молодой дѣвушки не имѣли необходимости въ большомъ пониманіи.

Пушкинъ, по словамъ г. Негруцци, любилъ его и находилъ особенное удовольствіе поправлять ошибки, которыя дѣлалъ г. Негруцци говоря съ нимъ по французски; иногда Пушкинъ по цѣлымъ часамъ сидѣлъ и слушалъ, какъ г. Негруцци говорилъ съ Калипсо по гречески; потомъ декламировалъ какіе нибудь изъ своихъ стиховъ и самъ же переводилъ ихъ на французскій языкъ г-ну Негруцци.

Скоро г. Негруцци выѣхалъ изъ Кишинева и весною 1823 года возвратился въ Молдавію, не видѣвши болѣе Пушкина и ничего не слышавши о прекрасной гречанкѣ. Далѣе говоритъ г. Негруцци, что иногда, когда онъ прочитывалъ стихотворенія великаго русскаго поэта, и въ особенности его «черную шаль» — это стихотвореніе, нарочно написанное Пушкинымъ для молодой дѣвушки, ¹⁾ вспоминалъ объ этой прекрасной, съ ангельскимъ лицомъ, женщинѣ и желалъ знать, что случилось съ ней...

Въ одинъ изъ ноябрьскихъ темныхъ и дождливыхъ вечеровъ 1824 г. въ ворота монастыря Нямцо (въ Молдавіи) постучался молодой человекъ, который просилъ позволенія войти въ монастырь. Одежда его совершенно промокла, и онъ самъ имѣлъ страшно усталый видъ. Привратникъ принялъ его, отвелъ ему квартиру и на слѣдующій день, по его просьбѣ, представилъ началь-

¹⁾ Изъ той же статьи, напечатанной въ «Русскомъ Архивѣ» видно что Калипсо пріѣхала въ Кишиневъ послѣ эгеріи въ половинѣ 1821 года, а «черная шаль» написана въ октябрѣ 1820 г.

нику монастыря. Молодой человекъ, сказавши игумену, что онъ человекъ чужой и сирота, изъявилъ желаніе постричься въ монахи. Игумень назначилъ его въ послушники къ старому пустыннику — келіоту, который жилъ внѣ монастыря, въ горахъ; тамъ молодой человекъ пробылъ три года въ полнѣйшемъ смиреніи и уединеніи. Въ одно утро постучался къ нему пустынникъ изъ сосѣдней кельи; но видя, что послѣдній не отвѣчаетъ, пошелъ посмотрѣть что онъ дѣлаетъ; вошелъ въ келью и увидѣлъ, что послушникъ спитъ вѣчнымъ сномъ.

Во время похоронъ нашли на груди бывшаго послушника записку, въ которой написано было слѣдующее: Согрешила я, Господи, я недостойна смотрѣть на небо; Господи, прости и помилуй грѣшную Калипсо.»

Черепъ прекрасной гречанки г. Негруцци видѣлъ въ монастырскихъ катакомбахъ.

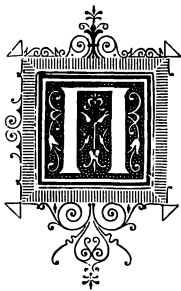
З. З.

НѢСКОЛЬКО СЛОВЪ О ПРЕБЫВАНІИ ПУШКИНА ВЪ Г. КИШИНЕВѢ.

(Корр. Новор. Вѣд. ¹⁾).

Пушкинъ, во время своего пребыванія въ Кишиневѣ, въ 1821 г., находился подъ извѣстнымъ руководствомъ бывшаго бесарабскаго губернатора Инзова, въ домѣ котораго имѣлъ свою квартиру. Хотя этотъ домъ существующій и до сихъ поръ, былъ принадлежностью частнаго владѣльца, но со времени квартированія въ немъ генерала Инзова и Пушкина, онъ и по сіе время именуется, то домомъ Инзова, то домомъ Пушкина. Въ послѣднее время, нѣкто изъ туристовъ, посѣтивъ развалины этого дома и обративъ вниманіе на стѣны, исписанныя большей частью безграмотными подписями, написалъ на нихъ слѣдующее:

¹⁾ Новороссійскія Вѣдомости 1869 г., 29 и 30 ноября, № № 49 и 50.

Здѣсь жилъ маститый генераль,
Врагъ шумныхъ пиршествъ и забавы,
Здѣсь русскій геній отдыхаль,
Стяжалъ вѣнокъ породной славы,
Его и школьникъ память чтить,
И часто, преклоня колѣна,
Рукою дѣтскою на стѣнахъ
Здѣсь имя генія чертитъ.

О жизни Пушкина въ Кишиневѣ писали многие, но такъ какъ въ тѣхъ статьяхъ не обошлось безъ пропусковъ, то поэтому мы намѣрены, въ дополненіе къ матеріаламъ біографіи Пушкина, передать разсказъ одного изъ кишиневскихъ старожиловъ.

Почтенный разсказчикъ намъ говорилъ: «Отецъ мой былъ на службѣ при генераль-лейтенантѣ Инзовѣ, когда Пушкинъ прибылъ въ Кишиневъ на службу. Наши предположенія, что Пушкинъ прибылъ на службу, были основаны именно на томъ, что Инзовъ отвелъ ему квартиру въ занимаемомъ имъ домѣ. На первыхъ-же порахъ Пушкинъ сошелся съ военными офицерами генеральнаго штаба и большую часть времени проводилъ въ ихъ кругу. Картежная игра была тогда въ Кишиневѣ въ большомъ ходу: банкъ, штось, экарте и разоряли и обогащали многихъ.

Страсть къ картамъ овладѣла Пушкинымъ: гонясь за большимъ выигрышемъ, онъ проигрывалъ послѣднія деньги.

Пушкину приписывали много странностей, но эти странности, какъ потомъ объяснилось, не были такъ странны, какъ казались съ перваго раза. Изъ числа многихъ приведу слѣдующій: однажды видѣли, какъ Пушкинъ шелъ по городу безъ шапки, т. е. не имѣлъ ее ни на головѣ, ни въ рукахъ. Не правда-ли ориги-

нально. Между тѣмъ поводомъ къ этому было слѣдующее обстоятельство. Пушкину пришло играть всю ночь и проигратъся до копѣйки. Воротясь съ разсвѣтомъ на свою квартиру, онъ зашелъ въ бакалейную лавку купца Петрова и потребовалъ вина. Нужно было заплатить, а денегъ не было; тогда Пушкинъ предложилъ хояину послать съ нимъ на квартиру прикащика за получениемъ денегъ.

— Ничего, будетъ за вами, сказалъ хозяинъ, вы не захотите нашего.

— Да вѣдь вы меня не знаете.

— Какъ не знаемъ—вы господинъ Пушкинъ.

— Что я Пушкинъ—вы это знаете, но дѣло въ томъ: отдамъ-ли я вамъ деньги, этого навѣрно вы никакъ не можете знать, отвѣчалъ Пушкинъ, и съ этими словами, снялъ съ себя фуражку и положилъ ее предъ купцомъ; потомъ сказалъ слѣдующее: «Замѣтно вы, г-нъ Петровъ, хотите дѣйствовать противу собственныхъ убѣжденій. Вѣдь вы очень хорошо знаете принятое всѣми народами правило: почитай всѣхъ честными и живи со всѣми какъ съ плутами, а потому, прибавилъ Пушкинъ, укаывая на фуражку, я вамъ оставляю ее въ обезпеченіе.»

Куконицы (дѣвицы) рассказывали потомъ въ своихъ семейныхъ кругахъ, какъ Коконашъ (молодой баринъ) Пушка (ружье) прогуливается по городу безъ Кушмы (шапки). Куконицы того времени не чета теперешнимъ.

Куконицы прежняго времени были дѣтски наивны: онѣ, не стѣсняясь, обращались къ Пушкину съ предложениемъ: напишите мнѣ стишегъ, и онъ удовлетворялъ ихъ желаніе.

Не смотря на то, что Пушкинъ не получалъ въ это время ни откуда денегъ, онъ былъ всегда въ обществѣ веселъ и часто рѣзвъ до ребячества; когда-же

бывало у него заведутся деньги, то карты, какъ я ска- залъ, были однимъ изъ лучшихъ его удовольствій. Онъ тогда оставлялъ аристократическій кругъ и, въ обще- ствѣ средняго полета, просиживалъ за картами цѣлыя ночи. На одномъ изъ этихъ вечеровъ металъ банкъ одинъ офицеръ генеральнаго штаба З**. Игра шла сперва спо- койно, когда-же нѣсколько картъ Пушкина были убиты сряду тогда онъ потребовалъ карты у банкмета, пере- тасовалъ ихъ, поставилъ удвоенный кушъ, примазалъ къ этому свой проигрышъ — но карта его была снова убита. Пушкинъ остановился и, обращаясь къ участво- вавшимъ въ игрѣ, сказалъ:

— Дѣло то, какъ видно по всему, дрянъ и не слѣ- довало-бы платить за подобнаго рода проигрыши...

Съ этими словами онъ бросилъ проигранныя деньги на столъ. Эти слова, сказанныя Пушкинымъ при дру- гихъ офицерахъ — понтерахъ, прямо въ глаза З**, раз- неслись по городу и были причиною насмѣшекъ надъ З**. Слова «дѣло дрянъ» вошли въ поговорку, и З** вызвалъ Пушкина на поединокъ, назначивъ для того «Малину», одну изъ мѣстностей за городомъ.

Пушкинъ былъ отъ природы не трусливъ, и это чувство онъ старался въ себѣ воспитывать. У него въ записной книгѣ было записано слѣдующее правило: *«Старайся испытать не трусь-ли ты, если нѣтъ, то старайся укрѣплять врожденную смѣлость частыми обращеніемъ съ непріателемъ.»* Въ квартирѣ своей, въ домѣ Инзова, Пушкинъ обыкновенно стрѣлялъ въ цѣль, начерченную углемъ на стѣнѣ.

Обратимся къ разсказу о дуэли.

На другой день З... съ тремя секундантами уже ждалъ на условленномъ мѣстѣ; вдали показался Пуш-

кинъ съ однимъ только секундантомъ. Онъ шелъ тихими шагами съ фуражкой въ рукѣ. Въ фуражкѣ были у него черешни, которыя онъ самъ ѣлъ и предлагалъ по временамъ своему спутнику... Наконецъ противники приблизились другъ къ другу. Пушкинъ измѣрилъ глазами З... и когда было отсчитано двѣнадцать шаговъ, Пушкинъ сталъ на указанное мѣсто. Безпечно взглянувъ на противника и выплюнувъ косточку черешни, онъ подалъ знакъ къ началу. З... сталъ наводитъ пистолеть. Пушкинъ стоялъ какъ вкопанный. З... снова сталъ прицѣливаться... Хладнокровіе Пушкина и въ эту минуту было изумительное... Выстрѣлъ раздался... пуля пролетѣла мимо. Противникъ уставилъ глаза на Пушкина, который не перемѣнялъ своего положенія.

— Что? спросилъ Пушкинъ, довольны-ли вы?

З..., вмѣсто отвѣта и не требуя выстрѣла, бросился къ Пушкину съ намѣреніемъ обнять его, но Пушкинъ, уклоняясь отъ объятій, сказалъ:

— Ъъ чему?... это лишнее—и послѣ этихъ словъ сталъ удаляться.

Положеніе З... въ эту минуту было очень странное. Онъ пошелъ вслѣдъ за Пушкинымъ и что-то говорилъ ему, но замѣтивъ, что Пушкинъ не обращаетъ на его слова вниманія, мало по малу отставалъ и поверотилъ въ другую сторону.

Этотъ поединокъ тогда-же сдѣлался сказкою города, и поведеніе Пушкина въ этомъ случаѣ чрезвычайно подняло его въ общественномъ мнѣніи. Въ обществѣ слышались слѣдующія фразы.

— Вызовъ былъ глупостью и глупостью окончился...

— Несчастье столько же вразумляетъ человѣка безъ правилъ, сколько паденіе вразумляетъ слѣпца, потерявшаго свою палку.

— Мы философами становимся только въ тѣхъ дѣлахъ, которыя къ намъ не относятся...

— Люди не подозрѣваютъ сколько надобно ума и разсудка, чтобы никогда не дѣлать глупостей.

— Сдѣланная глупость была слѣдствіемъ желанія З... прослыть честнымъ человѣкомъ.

— Прослыть честнымъ человѣкомъ, чтобы удобнѣе плутовать... и проч... и проч...

Генералъ Инзовъ, когда доложили ему объ этомъ происшествіи, потребовалъ къ себѣ Пушкина. Въ какихъ выраженіяхъ представлялъ Пушкинъ свои оправданія, и что отвѣчалъ на нихъ Инзовъ—никто объ этомъ не зналъ.

Разсказанный здѣсь случай о поединкѣ Пушкина съ З..., о которомъ всѣ тогда же знали и говорили— есть только одна лицевая сторона медали. — Что же было на оборотѣ?... Вотъ объ этомъ-то хотя и было извѣстно, но не многимъ.

Пушкинъ, послѣ сказанныхъ словъ за картами «дѣло дрянъ», на другое утро сидѣлъ на своей квартирѣ и по обыкновенію упражнялся въ стрѣльбѣ въ цѣль, какъ зашелъ къ нему З...

— Такъ дѣло-то дрянъ? — проговорилъ З..., уставивъ сверкающіе глаза на Пушкина.

— Проѣхала! — кивнувъ головою, отвѣчалъ Пушкинъ.

— Для васъ это можетъ быть и такъ; говорилъ З..., понижая голосъ, но поймите, Александръ Сергѣевичъ, мое положеніе... моя запятнанная честь!...

— Запятнанная честь? Прервалъ, улыбаясь Пушкинъ. Да это давно извѣстно, чтъ нѣтъ микроскопа, который бы такъ увеличивалъ, какъ глаза человѣка, когда онъ разсматриваетъ самого себя... Ну запятнанная честь и что дальше?

— Пятно необходимо омыть!

— Не шампанскимъ-ли? Да у меня вотъ тутъ-то пустота, проговорилъ Пушкинъ, ударяя по своему карману, пустота степей африканскихъ...

— Это не шампанскимъ омывается, отвѣчалъ З..., приподнявъ голову.

— Ужь, конечно, если не шампанскимъ, то кровью, сказалъ улыбаясь Пушкинъ, но во всякомъ случаѣ предварительно полюбуйте, какъ моя пуля мнѣ послушна. Вслѣдъ за этими словами выстрѣлъ раздался — пуля попала въ цѣль.

— Каково? спросилъ Пушкинъ.

— Оно-то такъ, А. С., отвѣчалъ З..., но это собственно дѣлаетъ только честь вамъ.

— О! когда идетъ дѣло собственно о вашей чести, то за чѣмъ же дѣло стало, будемъ стрѣляться.

— Но я въ не такой мѣрѣ золъ на васъ, А. С., чтобы дѣло могло дойти до серьезнаго.

— Что вамъ пуля страшна, то это давно мнѣ известно —, сказалъ Пушкинъ.

З... опустилъ голову и молчалъ.

— Такъ какимъ же образомъ вы хотите безъ выстрѣла омыть кровью противника запятнанную честь свою?...

З... не отвѣчалъ.

Тутъ Пушкинъ, плюнувъ, проговорилъ: я ровно ничего не понимаю, чего вы отъ меня хотите.

З... поднялъ смущенные глаза на Пушкина, потомъ замѣтно что-то хотѣлъ сказать и снова опустилъ ихъ...

— Понятно, сказалъ Пушкинъ, подходя къ З..., мы стрѣляемся. Я вызовъ вашъ принимаю. Попадете ли вы въ меня или не попадете, это для меня ровно ничего не значить, но для того, чтобы въ васъ было больше смѣ-

лости, предупреждаю: стрѣлять въ васъ я совершенно не намѣренъ... Согласны?

Какъ вели себя противники во время дуэли, читатель уже знаетъ.

На аудіенціи у Инзова Пушкинъ и З... изложили сущность этой дуэли и потомъ, когда Пушкинъ постилъ семейство бояра Варфоломея, онъ, не стѣсняясь въ присутствіи гостей, говорилъ: «Кишиневскій воздухъ замѣтно вредно на меня дѣйствуетъ: по совѣту моего *старшаго доктора* (такъ Пушкинъ называлъ генерала Инзова) мнѣ необходимо прожить нѣкоторое время гораздо южнѣе». — И дѣйствительно Инзовъ, не желая оставлять дѣло о поединкѣ безъ послѣдствій, удалилъ Пушкина на югъ Бассарабіи въ г. Аккерманъ, вмѣнивъ ему эту ссылку въ наказаніе.

По возвращеніи Пушкина въ Кишиневъ, ходило по рукамъ стихотвореніе, написанное къ картамъ, которое приписывали Пушкину. Оно озаглавлено: «Къ новой Армидѣ.»

Вотъ нѣсколько сохранившихся строкъ:

Ты своенравна, непослушна,
Ты искусительно мила;
Ты какъ ребенокъ простодушна
И какъ тигрица въ клѣткѣ зла.
Твой поцѣлуй искаріотскій,
Скажи, кого не продавалъ,
И кто тебѣ не отдавалъ
Своей послѣдней пици плотской
За обольстительный твой взглядъ,
За подожливое вниманье
О! неподкупное созданье!

.....

Армида новая! доколѣ
Съ своимъ магическимъ жезломъ
Ты будешь рѣять въ дерзкой волѣ
Подъ человѣческимъ челомъ.

Слѣдующее за симъ стихотвореніе приписываютъ тоже Пушкину. Прежде чѣмъ приведемъ его, необходимо сказать, что на вечерахъ у бояра Варфоломея, у котораго Пушкинъ бывалъ очень часто, въ антрактахъ между танцами обыкновенно пѣлись молдавскія пѣсни, при акомпаниментѣ скрипокъ, кобзь и тростянокъ. Эти тростянки Пушкинъ тогда же называлъ цѣвницами, встрѣчаемыми въ живописи и ваяніи. На одномъ изъ такихъ вечеровъ дѣвица Пульхерица, ¹⁾ дочь хозяина, *жемчужина кишиневскихъ куконицъ*, какъ называлъ ее тогда Пушкинъ, предложила ему написать ей стихи, въ которыхъ-бы ни словомъ не упоминалось о любви. Это стихотвореніе приводимъ цѣликомъ:

Куконица — Пульхерица!
Я стою передъ тобой
Съ полусонною цѣвницей,
Со полумрачной головой.
Наслажденья въ жизни шуткой
Пролетаютъ близъ меня.
Я безмолвной незабудкой
Сохну въ книгѣ бытія.
Здѣсь на балѣ всѣ мнѣ чужды
На лицѣ моемъ печать
Горькой думы, тяжкой нужды.
Вамъ ли радостнымъ понять
Этой грусти тяготыню?
Всѣхъ равно караетъ рокъ
И нагорную твердыню,

И пустынный стебелекъ,
Но для счастья чужды слезы
Чуждо горе сироты,
Какъ дыханье дольней розы
Для эфирной высоты.

Къ этимъ двумъ стихотвореніямъ слѣдовало бы прибавить еще одно, именно: *Балъ у Варфоломея*, которое приписываютъ тоже Пушкину; но такъ какъ оно досталось въ рукописи, искаженнымъ до безобразія, то по этому поводу мы его и не приводимъ.

* *
*

Съ той поры, о которой мы вели рѣчь, прошло уже около полустолѣтія, не стало генерала Инзова, Пушкина, а тотъ домъ, въ которомъ написаны Пушкинымъ нѣкоторыя главы «Евгенія Онѣгина», гдѣ родилась на кишиневскую аристократію карикатура, за которую куконь и куконицы подняли было *маре калабалыкз* (большую суматоху), тотъ домъ, повторяю, еще не совершенно изгладился съ лица земли и въ настоящее время досталось ему на долю служить предметомъ разсказовъ о совершающихся, будто бы, въ немъ таинственныхъ приключеніяхъ, напоминающихъ романы Гофмана, Родклифъ и Копп.

Ж. Бербановскій

¹⁾ Впослѣдствіи она вышла замужъ за Мано, овдовѣла и только въ 1868 году умерла. Она до смерти берегла всѣ стихи, которые были написаны Пушкинымъ собственно для нея.

Разсказы Одесскаго старожила. ¹⁾

.... Одесситы вспоминають съ гордостью, что величайшій русскій поэтъ Пушкинъ когда-то прославилъ ихъ городъ въ своихъ безсмертныхъ стихахъ. Они особенно сочувственно относятся къ его «Евгенію Онѣгину», потому что «грязная» и «пыльная» Одесса не разъ упоминается тамъ въ яркихъ краскахъ. Всѣ мы знаемъ наизусть стихи, гдѣ поэтъ говоритъ:

Я жилъ тогда въ Одессѣ пыльной

.....

Гдѣ ходитъ гордый славянинъ,
Французъ, испанецъ, армянинъ,
И грекъ, и молдаванъ тяжелый,
И сынъ египетской земли
Корсаръ въ отставкѣ Морали.

Но кто былъ этотъ Морали, теперь никто не знаетъ. Молодое поколеніе нашего города давно забыло о прошломъ Одессы. Спросите любаго одессита о Морали, и онъ либо пожметъ плечами, либо скажетъ, что Алек-

¹⁾ «Правда», 31 декабря 1878 г.

сандръ Сергѣевичъ самъ создалъ этого Морали, для рѣшмы. Мнѣ не разъ приходилось слышать еще другое, болѣе «проницательное» мнѣніе, будто Морали есть исковерканная фамилія одного богатаго одесскаго негоціанта, грека. И тѣ и другіе сильно заблуждаются.

Я счастливъ тѣмъ, что въ мои преклонныя лѣта сохранилъ живую память обо всемъ томъ, что мнѣ пришлось видѣть въ молодости. Я отлично помню этого Морали. Онъ не разъ посѣщалъ нашъ домъ. Съ какимъ дѣтскимъ восторгомъ я любовался его блестящимъ одѣяніемъ! Это былъ человѣкъ высокаго роста, прекрасно сложенный. Голова была широкая, круглая; глаза большіе, черные. Всѣ черты лица были правильныя, а цвѣтъ кожи красно-бронзовый. Одежда его состояла изъ красной рубахи, поверхъ которой набрасывалась красная суконная куртка, роскошно вышитая золотомъ. Короткіе шаровары были подвязаны богатою турецкою шалью, служившею поясомъ; изъ ея многочисленныхъ складокъ выглядывали пистолеты. Обувь состояла изъ турецкихъ башмаковъ и чулокъ, доходившихъ до колѣнъ. Бѣлая шаль, окутывавшая его голову, прекрасно шла къ его оригинальному костюму.

Нечего и говорить, что появленіе такого набоба въ нашемъ городѣ произвело громадный эффектъ какъ среди нашей молодежи, такъ и среди нашихъ дамъ, всегда готовыхъ восторгаться всякою новинкою. Вскорѣ Морали подружился съ молодыми людьми, былъ принятъ во многихъ одесскихъ гостинныхъ и участвовалъ во всѣхъ пирушкахъ и вечеринкахъ. Онъ хорошо говорилъ по италіански и никогда не обижался, когда ему напоминали о его прежнихъ корсарскихъ подвигахъ.

Въ то время графъ М. С. Воронцовъ, въ послѣдствіи князь и фельдмаршалъ, вступилъ въ управленіе Новоро-

ссійскимъ краемъ и привлечь въ Одессу множество знатныхъ особъ, желавшихъ служить при графѣ. Онъ ежедневно принималъ гостей въ роскошныхъ залахъ своего новопостроеннаго дворца и жилъ такъ, какъ не живалъ ни одинъ изъ мелкихъ германскихъ владѣтельныхъ князьковъ.

Чиновники, служившіе при генераль-губернаторствѣ, были люди отборные, всѣ хорошо воспитанные. Помѣщики прїѣзжали въ нашъ городъ со всѣхъ концовъ края, зная по наслышкѣ, что въ Одессѣ круглый годъ праздникъ.

Въ эти же времена между прочими лицами прїѣзжалъ къ намъ и А. С. Пушкинъ. Наши молодые люди встрѣтили его привѣтливо и не преминули, конечно, познакомиться его съ Морали.

Мнѣ кажется, что первая встрѣча Пушкина съ этимъ африканцемъ не могла не поразить поэта и что, подобно тому какъ какая-то таинственная сила влечетъ человѣка къ розысканію истины, такъ какое-то инстинктивное любопытство должно было возбудить въ Пушкинѣ сильное желаніе узнать, не имѣетъ ли онъ, по своему происхожденію, чего нибудь общаго съ этимъ египетскимъ корсаромъ.

Тогда говорили, что этотъ египтянинъ былъ когда-то корсаромъ, и думали, что онъ обладаетъ несмѣтными богатствами. Но послѣ оказалось, что онъ былъ простымъ искателемъ приключеній, да къ тому еще и отчаяннымъ картежникомъ.

Какъ-то разъ Морали пришелъ къ моему отцу съ предложеніемъ продать ему кое-какія драгоценныя вещицы. Когда онъ показалъ ихъ—мой отецъ призвалъ меня, чтобы полюбоваться ими. Это были двѣ большія золотыя табакерки: одна изъ нихъ, когда ее заводили,

играла разныя старинныя пѣсни; выскакивалъ маленькій пѣтухъ, открывалъ ротикъ, махалъ крыльями и, по окончаніи музыки, самъ возвращался въ свою золотую клетку. Другая табакерка, тоже съ музыкой, была усыпана крупными брилліантами, вертѣвшимся на своей оси то взадъ, то впередъ. Это производило прекрасный эффектъ. За эти двѣ чудныя вещицы Морали просилъ, какъ мнѣ помнится, около 30-ти тысячъ рублей ассигнаціями. Продалъ-ли онъ ихъ или нѣтъ—мнѣ неизвѣстно.

Вскорѣ распространился по Одессѣ слухъ, что красиваго африканца Морали обыграли одесскіе картежники. Онъ вдругъ безслѣдно исчезъ изъ нашего города, вѣроятно, не подозрѣвая, что великій поэтъ прославилъ его имя и что мнѣ, старику, придется послѣ столькихъ лѣтъ заговорить о немъ.

Я только-что упомянулъ объ одесскихъ картежникахъ; нѣсколько подробностей о нихъ, будутъ, мнѣ кажется, не лишними. Тогда у насъ еще не существовали англійскій, коммерческій, благородный и другіе клубы, гдѣ можно было-бы съ чисто англійскимъ джентельменствомъ, коммерческою ловкостью и при помощи благородныхъ манеръ обирать и разорять любителей карточной игры. О нѣтъ! У насъ тогда не существовали эти великолѣпныя залы, гдѣ видъ роскоши и блеска утѣшаетъ проигравшагося въ пухъ. Правда; въ то время былъ въ Одессѣ «Казино», (о которомъ и Пушкинъ упоминаетъ), но любители азартныхъ игръ оставались тамъ только до поры до времени. Когда наступалъ вечеръ, они отправлялись по одному въ домъ, еще недавно возвышавшійся на углу Ришельевской и Ланжероновской улицъ, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ теперь красуется домъ Беллино и Коммерель. Нынѣ тамъ собираются въ роскошныхъ апартаментахъ любители раз-

рѣшенныхъ игрѣ, что ничуть не мѣшаетъ имъ придавать этимъ играмъ характеръ азартныхъ. Карты приносятъ этому учрежденію около 20 тысячъ рублей ежегоднаго дохода. Пятьдесятъ же лѣтъ тому назадъ игроки должны были скрываться въ подвалахъ кофейни. Между ними были и богатые негоціанты нашего города, и молодые люди, и чиновники, и заѣзжіе помѣщики. Впродолженіе одной только ночи десятки тысячъ рублей переходили изъ рукъ въ руки.

Разъ ночью, во время самаго сильнаго разгара игры, кто-то постучалъ въ двери. Они распахнулись и въ комнату вошелъ блюститель порядка полковникъ Г***. Содержатель притона сейчасъ-же погасилъ всѣ свѣчи. Испуганные игроки въ темнотѣ притаились по угламъ.

Послышался звонъ золота, шуршанье ассигнацій, стукъ отворяющейся двери и чьи-то шаги. Вскорѣ затѣмъ воцарилась въ подвалѣ мертвая тишина. Игроки ожидали, прислушивались, таращили глаза, пока не убѣдились, что блюститель порядка вышелъ. Тогда они рѣшились зажечь свѣчи; принесли кремень, огниво и губку (о прогрессъ! какъ люди могли существовать безъ спички)! и послѣ долгихъ безуспѣшныхъ усилій зажгли наконецъ салынные огарки (стеариновыхъ еще не знали). Какая грустная картина представилась ихъ изумительнымъ взорамъ! Всѣ тѣ деньги, которыя нѣсколько минутъ тому назадъ лежали на столахъ (около 15 тыс. рублей ассигн.) исчезли; однѣ только цифры оставались незачеркнутыми на сугнѣ, какъ нѣмые свидѣтели разбитыхъ надеждъ игроковъ.

Полковникъ Г*** былъ, впрочемъ, прелюбезный господинъ. Встрѣчаясь на другой день съ господами игроками, онъ вѣжливо жалъ имъ руки, не упоминая, конечно, о ночномъ погромѣ. Тѣмъ и кончилось дѣло; но

игроки заблагоразсудили принять болѣе вѣрныя мѣры предосторожности противъ непрошенныхъ блюстителей порядка.

* * *

Я не былъ лично знакомъ съ Пушкинымъ, но часто встрѣчался съ нимъ. Я не понималъ тогда прелести его поэзіи; можетъ быть по причинѣ моей молодости, а можетъ быть и потому, что его сочиненія мнѣ были мало извѣстны. Они помѣщались въ разныхъ періодическихъ изданіяхъ, а въ Одессѣ не было тогда ни одного русскаго книжнаго магазина. Книги выписывались изъ столицы только богатыми любителями чтенія.

Пушкинъ встрѣтился въ Одессѣ съ нѣсколькими своими знакомыми и часто весело проводилъ съ ними время. Онъ полною грудью наслаждался нашею южною природою. Это видно уже изъ того, что во всѣхъ его стихотвореніяхъ, написанныхъ въ Одессѣ, проглядываетъ какая-то особенная живость, свѣжесть и легкость. Чувствуется, что поэтъ дышетъ свободнымъ воздухомъ, что онъ радъ тому, что удалился отъ міра интригъ, сплетенъ, подозрѣній, обвиненій, отъ ложныхъ аристарховъ и безстыдныхъ завистниковъ. Здѣсь въ Одессѣ онъ написалъ первыя главы своего безсмертнаго «Евгенія Онѣгина» и тѣ милыя поэтическія бездѣлушки, которыя навсегда останутся въ памяти того, кто хотя одинъ разъ прочелъ ихъ.

Здѣсь же онъ сочинилъ и извѣстное стихотвореніе «Демонъ», въ которомъ описалъ одного изъ лучшихъ своихъ друзей, Раевского. По крайней мѣрѣ, въ этомъ увѣрялъ насъ дядя Раевского, Александръ Львовичъ Давыдовъ. Давыдовъ зналъ «Демона» наизусть и не разъ декламировалъ его намъ съ самодовольнымъ

видомъ, восхищаясь тѣмъ, что его племянникъ увѣковѣченъ стихами Пушкина: Давыдовъ былъ хорошо знакомъ съ поэтомъ и каждый день бывалъ у него.

Александръ Львовичъ былъ одною изъ замѣчательнѣйшихъ личностей того времени, не только по необыкновенной своей физической силѣ, громадному росту и непомѣрной толщинѣ своего туловища, но и по блестящему уму и веселому характеру. Пушкинъ даетъ ясное понятіе о его особѣ въ одномъ небольшомъ стихотворномъ посланіи къ нему, въ которомъ, увѣдомляя Давыдова, что не можетъ ѣхать съ нимъ въ Крымъ, говоритъ:

Нельзя, мой толстый Аристипъ,
Хоть я люблю твои бесѣды,
Твой милый нравъ, твой милый хрипъ,
Твой вкусъ и мирные обѣды,
Но не могу съ тобою плыть.

.....
Прошу меня не позабыть,
Любимецъ Вагха и Киприды!
Когда чахоточный отецъ
Немного тощей Энеиды
Пускался въ море наконецъ,
Ему Горацій, умный льстецъ,
Прислалъ торжественную оду,
Гдѣ другу августовъ пѣвецъ
Сулитъ хорошую погоду.
Но льстивыхъ одъ я не пишу;
Ты не въ чахоткѣ, слава Богу;
У неба я тебѣ прошу
Лишь аппетита на дорогу.

А аппетитъ Александра Львовича былъ въ самомъ

дѣлѣ замѣчательный. Самъ Давыдовъ разсказывалъ намъ, что, будучи въ 1815 году во Франціи вмѣстѣ съ окупационнымъ корпусомъ и командуя однимъ летучимъ отрядомъ, онъ всегда составлялъ свой маршрутъ такимъ образомъ, чтобы имѣть возможность проходить и останавливаться во всѣхъ тѣхъ мѣстностяхъ, которыя славились или приготовленіемъ какого нибудь особеннаго кушанья, или производствомъ рѣдкихъ фруктовъ и овощей, или, наконецъ, искуснымъ откармливаніемъ птицъ. Такимъ образомъ, Александръ Львовичъ первый составилъ гастрономическую карту Франціи.

Семейства Давыдова и Раевского были въ короткихъ отношеніяхъ съ моими родителями и всегда останавливались въ нашемъ домѣ, когда пріѣзжали въ Одессу. У нихъ-то я видѣлъ Пушкина.

Уже не знаю, вслѣдствіе чего, вслѣдствіе-ли разсказовъ нянюшекъ, чтенія сказокъ, или вліянія происходящихъ вокругъ нихъ событій, но первое чувство, овладѣвающее юношей, это сильное желаніе сдѣлаться силачемъ, богатыремъ, солдатомъ, генераломъ. Юноша смотритъ съ какимъ-то благоговѣніемъ на лицо, одаренное физической силой, думая, вѣроятно, что физическая сила драгоцѣннѣйшее изъ качествъ человѣка. Я самъ въ молодости смотрѣлъ на силу такими-же восторженными глазами и потому-то А. Л. Давыдовъ всегда казался мнѣ великимъ человѣкомъ.

Когда Давыдовъ долженъ былъ выѣзжать со двора, онъ приказывалъ слугѣ выбирать дрожки покрѣпче. Какъ-то разъ, обращаясь къ приведенному ему извощику, онъ шутливо сказалъ:

— Да у тебя, братъ, дрожки-то старыя. Какъ только сяду, такъ сейчасъ и провалятся.

— Небось, баринъ, садись, довезу.

— Ну нѣтъ, не довезешь. Ресоры у тебя совсѣмъ сгнили.

— Гдѣ сгнили! сказалъ обидѣвшійся извозчикъ; а ну-ка попробуй!

— Попробуемъ! отвѣчалъ Давыдовъ и тутъ-же, схвативъ своими мощными руками главную ресору дрожекъ, согнулъ ее и переломилъ на двое. Это привело въ восторгъ меня и другихъ присутствовавшихъ при этой курьезной сценѣ. Бѣдный извозчикъ почесалъ себѣ затылокъ, но вскорѣ утѣшился, когда Давыдовъ положилъ ему въ руки порядочный кушъ денегъ.

А вотъ еще одинъ анекдотъ, довольно вѣрно характеризующій наше тогдашнее гражданское житье—бытье. Какой-то факторъ, еврей, не помню по какому случаю, порядкомъ надулъ Давыдова. Александръ Львовичъ призвалъ къ себѣ еврея и когда тотъ, ничего не подозрѣвая, вошелъ въ его комнату, то онъ сильно побилъ его чубукомъ своей трубки. Побитый факторъ подалъ жалобу генераль-губернатору графу Воронцову, который, какъ извѣстно, всегда покровительствовалъ евреямъ. Графъ тотчасъ-же приказалъ полиціи взыскать съ Давыдова 25 р. въ пользу еврея. Когда полицейскій чиновникъ предъявилъ Давыдову приказаніе графа Воронцова, тотъ сильно разсердился. Потомъ вынувъ изъ кармана деньги и обращаясь къ фактору онъ сказалъ ему:

— Вотъ тебѣ 25 р. за то, что я тебя побилъ, а вотъ другіе 25 р. за то, что я еще побью, и, схвативъ еврея за бороду, такъ сильно побилъ его на глазахъ блюстителя порядка, что онъ едва могъ дотащиться до дома.

Въ тотъ же день, въ 5 часовъ вечера, Давыдовъ отправился къ графу Воронцову, съ которымъ онъ былъ очень друженъ, на обѣдъ и провелъ время, какъ ни въ чемъ не бывало.

Побилъ, заплатилъ и концы въ воду. А между тѣмъ милый толстякъ Давыдовъ считался въ то время ярымъ либераломъ!

* * *

У этого-то А. Л. Давыдова я, повторяю, видѣлъ нѣсколько разъ Пушкина, возвратившагося тогда изъ того неудачнаго его похода, въ которомъ онъ ни звуками своей безсмертной лиры, ни силою войскъ, находившихся подъ его поэтической командой, не могъ отразить нападенія крылатыхъ враговъ, опустошавшихъ наши плодородныя поля.

Я зналъ тогда по наслышкѣ, что Пушкинъ поэтъ, что его творенія предестны, что слава осѣняетъ его юную голову, но самъ не имѣлъ возможности, вслѣдствіе моей молодости, оцѣнить его по заслугамъ. Въ немъ меня болѣе всего поразили его арабскій профиль (какъ онъ самъ о себѣ говоритъ въ стихахъ къ художнику Доу), его кудрявые волосы и его тяжелая желѣзная палка.

Все, что я теперь пишу, пришло мнѣ на память, когда мнѣ случайно пришлось вновь перечестъ давно не читаннаго мною «Евгенія Онѣгина». Вѣрное, мѣткое, живое, пропитанное какою-то счастливою беззаботностью описаніе жизни Пушкина въ Одессѣ, привело меня въ восторгъ и возбудило во мнѣ неописанныя чувства. Волшебные стихи поэта какъ будто отдѣлили мой духъ отъ моего тѣла и, заставивъ меня забыть мои лѣта, перенесли меня въ еще юную, пыльную, грязную и безводную Одессу.

Я молодъ, веселъ; прохожу мимо невзрачныхъ, темныхъ казармъ и спускаюсь по крутой и грязной тропинкѣ къ морю, омывающему подножіе обрыва. Волны

разбиваются о скалы, служащія пьедесталомъ молодымъ нимфамъ, стоящимъ на нихъ въ разныхъ оборотительныхъ позахъ, не прикрытыя ни чѣмъ. Я погружаюсь въ воду; брильянтовые брызги сыпятся вокругъ меня. На горизонтѣ показываются долгожданныя бѣлыя вѣтрила. Я поднимаюсь на гору въ городъ, встрѣчаюсь съ знакомыми, съ друзьями, слышу ихъ говоръ и знакомые голоса сладко поражаютъ мой слухъ. Я слышу оперу Семирамиду упительнаго Россини; вижу примадону Марикони, окруженную толпой юныхъ обожателей и между ними престарѣлаго Спаду, моего предшественника. ¹⁾

Но вдругъ завѣса воспоминаній падаетъ съ моихъ глазъ, чувство, возбужденное стихами Пушкина, куда-то улетучивается, и я, грустный, спрашиваю себя: гдѣ же всѣ тѣ благородные и милые люди, которые обогащали и украшали нашъ городъ своими громадными состояніями и своимъ примѣромъ и образованіемъ давали направление одесскому обществу. Гдѣ князь М. С. Воронцовъ, гдѣ Нарышкины, князя В. и Г. Голицыны, гдѣ княгиня Е. Голицына и графиня Е. Толстая, гдѣ князя Долгоруковы, господа Исленьевы, Кирьяковы, Курисы, Скаржинскіе?!

Могильный звонъ пронесся въ воздухѣ. Я очутился на нашемъ роскошномъ приморскомъ бульварѣ, огаймленномъ богатыми домами. Казармы исчезли, а на томъ мѣстѣ, гдѣ была тропинка, воздвигнута грандіозная лѣстница. Море отодвинулось дальше, нескромныя скалы срыты. Тамъ, гдѣ былъ крутой, но живописный берегъ, пролетаютъ теперъ локомотивы. Всюду гранить трещить подъ колесами роскошныхъ экипажей. Газъ освѣщаетъ вывѣски богатыхъ магазиновъ. Грязныя площади превра-

¹⁾ По управленію городской публичной бібліотекой.

тились въ зеленные скверы, орошаемые фонтанами днѣстровской воды.

Увидѣвъ предъ собою такое величественное зрѣлище, я какъ будто очнулся отъ продолжительнаго сна. Какой-то внутренней страхъ овладѣлъ мною, и я съ тоской спрашиваю себя: неужели-же я одинъ пережилъ столько дорогихъ мнѣ друзей. Неужели всѣ эти перемѣны совершались на моихъ глазахъ въ моемъ родномъ городѣ? И зачѣмъ я живъ, и что для меня всѣ эти прелести? Я еще присутствую на сценѣ жизни и спокойно ожидаю той минуты, когда по волѣ Провидѣнія занавѣсъ опустится предъ моими глазами.

Теперь я брожу какъ живая нелѣпость между двумя поколѣніями и ни къ одному изъ нихъ не могу присоединиться ¹⁾.

И скучно, и грустно... И некому руку подать
Въ минуту душевной невзгоды.

Въ утѣшеніе у меня остаются одни только воспоминанія. Великъ тотъ поэтъ, кто, какъ Пушкинъ, можетъ сдѣлать такія воспоминанія бессмертными!

Французскій поэтъ Флоріанъ сказалъ:

*Félicité passée qui ne peut revenir,
Que n'ai-je, en te perdant, perdu le souvenir.*

Я же говорю:

*Félicité passée qui ne peut revenir,
Je garde en te perdant, au moins ton souvenir.*

Михаилъ Де-Видасъ.

¹⁾ Писано когда автору было 73 года.

Новыя подробности о пребываніи А. С. Пушкина въ Одессѣ ¹⁾.

орокъ два года прошло съ того времени, какъ не стало нашего незабвеннаго поэта А. С. Пушкина, а все еще нѣтъ въ нашей литературѣ полной его біографіи, и многіе важные эпизоды его жизни все еще остаются мало разъясненными!... Къ числу такихъ эпизодовъ между прочимъ принадлежитъ весьма важный въ жизни Пушкина эпизодъ пребыванія его вообще на югѣ Россіи, въ Одессѣ въ особенности. Талантливый біографъ поэта г. Анненковъ совершенно вѣрно называетъ пребываніе Пушкина въ Одессѣ «переворотомъ» въ его жизни, переворотомъ, имѣвшимъ самое существенное значеніе на все ея дальнѣйшее теченіе. Недавно значительный пробѣлъ, который, какъ мы выше упоминали, существуетъ въ отношеніи подробностей о пре-

¹⁾ «Новороссійскій Телеграфъ», 19 августа 1879 г., № 1333.

бываніи Пушкина на югѣ Россіи, до нѣкоторой степени пополнился письмами поэта къ его брату Льву Сергѣевичу и роднымъ. Правда, въ этихъ письмахъ (отрывки изъ которыхъ помѣщались еще прежде въ старыхъ журналахъ) собственно фактическихъ подробностей о жизни Пушкина въ Одессѣ очень немного, но за то они представляютъ драгоцѣнный матеріалъ для опредѣленія внутренняго настроенія поэта, что, конечно, имѣетъ особенную важность для общей его характеристики, какъ писателя и человѣка.

Въ Одессѣ Пушкинъ былъ не разъ. Два или три раза пускалъ его туда изъ Кишинева генераль Инзовъ, бывший до 1823 года генераль-губернаторомъ Бессарабской области. У этого почтеннаго и благодушнаго генерала Пушкинъ состоялъ подъ начальствомъ и вмѣстѣ съ тѣмъ подъ присмотромъ, такъ какъ и самое назначеніе Пушкина на службу въ Бессарабію состоялось, какъ извѣстно, вслѣдствіе неблагонадежности его поведенія въ Петербургѣ. Съ какою цѣлью посѣщаль Пушкинъ Одессу, до окончательнаго перевода своего туда на службу, неизвѣстно, хотя г. Анненковъ и говоритъ, что въ значительной степени играли здѣсь роль любовныя интрижки поэта; но, кажется, можно, не опасаясь ошибки, предположить, что въ Одессу влекло Пушкина желаніе жить въ городѣ, носившемъ уже вполне европейскій характеръ, чѣмъ въ грязномъ молдавскомъ Кишиневѣ того времени. Первое посѣщеніе Одессы Пушкинымъ произошло въ маѣ 1821 года, здѣсь Пушкинъ прожилъ около мѣсяца и окончилъ свою поэму «Кавказскій Плѣнникъ». Въ 1823 году, въ іюлѣ, состоялся переводъ Пушкина на службу въ Одессу въ канцелярію Новороссійскаго и Бессарабскаго генераль-губернатора графа М. С. Воронцова. Неизвѣстно точно самъ-ли

Пушкинъ напросился на этотъ переводъ, или ему было предложено, но, кажется, послѣднее предположеніе будетъ вѣрнѣе. Въ письмѣ къ брату своему Льву Сергѣевичу ¹⁾ отъ 25 августа 1823 г. Пушкинъ сообщалъ: «Мнѣ хочется, душа моя, написать тебѣ цѣлый романъ, — три послѣдніе мѣсяца моей жизни. Вотъ въ чемъ дѣло: здоровье мое давно требовало морскихъ ваннъ, и я на силу уломалъ Инзова, чтобы онъ отпустилъ меня въ Одессу; я оставилъ мою Молдавію и явился въ Европу, Ресторациі и итальянская опера напомнили мнѣ старину, ей Богу, обновили мнѣ душу. Между тѣмъ, пріѣзжаетъ Воронцовъ, принимаетъ меня очень ласково, объявляетъ мнѣ, что я перехожу подъ его начальство, что остаюсь въ Одессѣ. Кажется и хорошо, да новая печаль мнѣ сжала грудь; мнѣ стало жаль моихъ покинутыхъ цѣпей. Пріѣхалъ въ Кишиневъ на нѣсколько дней, провелъ ихъ неизъяснимо элегически, и, выѣхавъ оттуда навсегда, — о Кишиневѣ я вздохнулъ. Теперь я въ Одессѣ и все еще не могу привыкнуть къ европейскому образу жизни; впрочемъ, я нигдѣ не бываю, кромѣ театра». Пушкину, дѣйствительно, приходилось пріучаться къ жизни въ Одессѣ. Тѣ выходки и вольности, которыя благополучно сходили ему въ Кишиневѣ, отчасти вслѣдствіе непрочно установившихся административныхъ и общественныхъ отношеній въ новоприсоединенномъ краѣ, отчасти-же вслѣдствіе благодушія генерала Инзова, были немислимы въ Одессѣ, въ особенности при такомъ начальникѣ, какъ графъ М. С. Воронцовъ. Всегда спокой-

¹⁾ Братъ А. С. Пушкина, Левъ Сергѣевичъ, скончался въ Одессѣ въ іюль 1852 года. Онъ состоялъ долгое время (въ чинѣ отставнаго майора) членомъ одесской таможи. Л. С. былъ человекъ весьма любезный, пользовавшійся уваженіемъ мѣстнаго одесскаго общества. Онъ оставилъ воспоминанія о своемъ гениальномъ братѣ, напечатанныя въ «Москвитинѣ» 1853 г. № 10.

ный и всегда отлично обнимавший всякое дѣло съ перваго взгляда, графъ Михаилъ Семеновичъ въ отношеніяхъ своихъ съ подчиненными никогда не допускалъ ни короткости, ни суровости; вслѣдствіе этого подчиненные графа всегда относились къ нему хотя безъ страха, но вмѣстѣ съ тѣмъ всегда съ надлежащимъ почтеніемъ. Будучи человѣкомъ высокообразованнымъ, графъ Воронцовъ любилъ видѣть вокругъ себя приличное и образованное общество, каковымъ, дѣйствительно, всегда и былъ окруженъ. Разумѣется, происхождение и образование Пушкина давали ему полную возможность съ достоинствомъ держаться въ этомъ обществѣ, но, избаловавшись вслѣдствіе снисходительности прежняго начальства, друзей и всѣхъ знакомыхъ, молодой поэтъ почувствовалъ себя сразу-же не на мѣстѣ. Пришлось снять кишиневскій архалучекъ и феску и одѣться по европейски въ сюртукъ и круглую шляпу; изъ всего-же прежняго Пушкинъ удержалъ только одну желѣзную палицу, съ которой и разгуливалъ по городу. Первое время своего пребыванія въ Одессѣ, Пушкинъ велъ себя очень смиренно и по цѣлымъ днямъ занимался въ уединеніи литературными работами. Письма Пушкина къ брату въ значительной степени раскрываютъ передъ нами какъ жилъ нашъ поэтъ въ это время. Очевидно, дѣла его были не совсѣмъ въ хорошемъ положеніи. «Изъясни отцу моему, писалъ Пушкинъ брату своему отъ 25 августа 1823 г., «что я безъ его денегъ жить не могу. Жить мнѣ перомъ невозможно при нынѣшней цензурѣ; ремеслу-же столярному я не обучался; въ учителя не могу идти, хоть знаю Законъ Божій и первыя четыре правила; но служу я не по своей волѣ и въ отставку идти невозможно. Все и всѣ меня обманываютъ; на кого-же, кажется, надѣяться, если не на ближнихъ и родныхъ. На хлѣбахъ у Ворон-

цова я не стану жить; не хочу — и полно; крайность может довести до крайности. Мнѣ больно видѣть равнодушіе отца моего къ моему состоянію, хотя письма и очень любезны». Въ другомъ письмѣ къ тому-же лицу Пушкинъ пишетъ: «Mais pourquoi chantaistu (зачѣмъ ты пѣлъ)? На сей вопросъ Ламартина отвѣчаю: а пѣлъ, какъ булочникъ печеть, портной шьетъ, Козловъ ¹⁾ пишетъ, лекаръ морить, — за деньги, за деньги, за деньги; таковъ я въ наготѣ моего цинизма». Изъ нѣкоторыхъ мѣстъ писемъ Пушкина видно, что его очень сердило то обстоятельство, что его стихотворенія прежде появленія въ печати расходились между поклонниками его таланта въ рукописяхъ. «Плетневъ пишетъ мнѣ, что «Бахч. Фонт.» у всѣхъ въ рукахъ (писалъ Пушкинъ). Благодарю васъ, друзья мои, за ваше милостивое попеченіе о моей славѣ! Остается узнать, раскупится-ли хоть одинъ экземпляръ печатный тѣми, у которыхъ есть полныя рукописи; но это бездѣлица: поэтъ не долженъ думать о своемъ пропитаніи, а долженъ, какъ Корниловичъ, писать съ надеждою сорвать улыбку прекраснаго пола»... Въ другомъ письмѣ (отъ 1 апрѣля 1824 года) Пушкинъ выражается еще рѣзче по тому-же поводу: жаль, если книгопродавцы, въ первый разъ поступившіе по европейски, оборвутся и останутся въ накладѣ; да впередъ невозможно и мнѣ будетъ продавать себя съ барышемъ. Такимъ образомъ, обязанъ я за все, друзьямъ моей славы! Чортъ ихъ возьми и съ нею; тутъ смотри какъ-бы съ голоду не окопѣть, а они кричать — слава!... Уже изъ этихъ выписокъ изъ писемъ Пушкина видно, что ему жилось въ Одессѣ невесело, главнымъ образомъ отъ безденежья; 3000 руб. ассигн.,

¹⁾ Козловъ известный писатель 1820-хъ годовъ, авторъ прекрасныхъ поэмъ «Чернецъ» и «Наталья Долгорукая».

полученные имъ за «Бахчисарайскій Фонтанъ», видимо, израсходовались скоро. Проводя вечера съ друзьями въ casino, въ театрѣ, въ обществѣ, Пушкинъ, естественно, долженъ былъ дѣлать если не большія, то во всякомъ случаѣ постоянныя затраты. Между тѣмъ, жалованье Пушкинъ получалъ самое незначительное и, въ сущности, жилъ лишь на доходы со своихъ литературныхъ трудовъ. Тѣмъ не менѣе, даже въ Одессѣ, Пушкинъ мало измѣнилъ въ общемъ свое поведеніе! Подобно тому, какъ въ Кишиневѣ, онъ и въ Одессѣ завелъ любовную интрижку съ г-жею Ризничъ, женою мѣстнаго одесскаго негоціанта. Г-жа Ризничъ, дочь вѣнскаго банкира Риппа, по отзывамъ всѣхъ знавшихъ ее старожилловъ, отличалась необыкновенною красотою и слыла за итальянку, чему искренно вѣрилъ и Пушкинъ, хотя есть очень основательныя свѣдѣнія, что эта г-жа Ризничъ была полу-еврейскаго происхожденія. Вскорѣ по пріѣздѣ въ Одессу, она вскружила головы не только всей тогдашней молодежи, но даже многимъ людямъ почтеннаго возраста. Изъ лицъ послѣдней категоріи больше всего приволакивался за г-жею Ризничъ богатый польскій помѣщикъ Сабаньскій, бѣжавшій въпослѣдствіи за границу по причинѣ участія въ польскомъ возстаніи 1830—1831 гг. Изъ молодежи-же болѣе всѣхъ влюбился въ г-жу Ризничъ Пушкинъ и притомъ небезуспѣшно. Но этотъ самый успѣхъ причинилъ Пушкину много неприятностей. Г-жа Ризничъ была кокетка и любила, чтобы за нею ухаживали; она одѣвалась въ полу-амазонскій нарядъ, носила мужскую шляпу и всюду обращала на себя вниманіе. Пушкинъ сталъ ревновать предметъ своей страсти ко всѣмъ и въ особенности къ Сабаньскому, на сторонѣ котораго было очень могучее средство для пріобрѣтенія любви любой красавицы — деньги, въ

которыхъ Пушкинъ всегда, наоборотъ, терпѣлъ недостатокъ. Есть полное основаніе предполагать, что разсказъ брата Пушкина, Льва Сергѣевича, о томъ, какъ А. С. Пушкинъ пробѣжалъ однажды пять верстъ безъ шляпы подъ палящимъ солнцемъ по 35-ти градусной жарѣ «*въ бѣшенствѣ ревности*», относятся именно къ упомянутымъ преслѣдованіямъ Пушкинымъ г-жи Ризничъ. Этой самой г-жѣ Ризничъ посвятилъ Пушкинъ, какъ увидимъ ниже, три своихъ стихотворенія, въ которыхъ излилъ свою страсть къ прекрасной иностранкѣ. Первое изъ этихъ стихотвореній— «Элегія» (1823 г.); другія два:— посланіе къ «Иностранкѣ» (1824 г.) и элегія, начинающаяся словами «Подъ небомъ голубымъ страны своей родной». Эта послѣдняя элегія была написана Пушкинымъ по случаю полученія извѣстія о смерти г-жи Ризничъ (въ началѣ 1825 года). Стихотвореніе же «Иностранкѣ» замѣчательно потому, что, какъ видно изъ свидѣтельства брата Пушкина, оно было написано по просьбѣ самой г-жи Ризничъ передъ отъѣздомъ ея за границу, откуда она уже не возвращалась болѣе.

Живя въ Одессѣ, Пушкинъ былъ принятъ въ лучшихъ домахъ города и, между прочимъ, нерѣдко обѣдалъ у графа М. С. Воронцова, у котораго, кстати будетъ замѣтить, всегда (въ началѣ его управленія краемъ), былъ открытый столъ для всѣхъ его подчиненныхъ. Иногда Пушкинъ любилъ погулять за городомъ, и преимущественно на уединенной дачѣ Рено, той самой, гдѣ впоследствии пребывала Императрица Александра Теодоровна во время бытности Ея Державнаго Супруга при арміи въ Турціи въ 1828 г. Однако-же и въ Одессѣ Пушкинъ не унялся и продолжалъ по прежнему пускать въ публику разныя стихотворенія не дозволеннаго характера и эпиграммы, явно относившіяся

къ лицамъ, имѣвшимъ немаловажное общественное значеніе, даже въ самой Одессѣ; затѣмъ, и отношеніе его къ службѣ отличалось такимъ направленіемъ, которое не могло быть терпимо. Однажды, какъ рассказываютъ лица близко знавшія Пушкина, ему вмѣстѣ съ другими лицами дали порученіе истребить саранчу въ Херсонскомъ уѣздѣ, для чего и были отряжены большія команды солдатъ. Но изъ этого неожиданно вышла непріятная исторія. Настроенный довольно мрачно, порядкомъ разочарованный, а главное, кажется, подстрекаемый недобросовѣстными людьми, Пушкинъ оскорбился подобнымъ порученіемъ и написалъ правителю канцеляріи генераль-губернатора письмо, въ которомъ въ сильныхъ хотя и вѣжливыхъ выраженіяхъ указалъ прежде всего, что въ продолженіе почти семилѣтняго пребыванія на государственной службѣ, онъ не принесъ никакой существенной пользы, а между тѣмъ потерялъ много выгодъ, какихъ достигъ-бы занимаясь литературою, въ заключеніе-же просилъ отставку «по неспособности». Послѣ этого поступка Пушкина, графъ Воронцовъ и прежде недовольный поведеніемъ его, рѣшился окончательно разстаться со своимъ безпокойнымъ подчиненнымъ. Но къ одной непріятности для Пушкина присоединилась и другая. Еще за нѣсколько времени до представленія этого письма, сдѣлалось извѣстнымъ высшей администраціи письмо Пушкина, въ которомъ онъ объявлялъ одному изъ московскихъ своихъ пріятелей, что какой-то глухой англичанинъ, «философъ, единственный умный Аей», даетъ ему (т. е. Пушкину) «уроки чистаго аеизма (т. е. безбожія); причемъ далѣе говорилось, что хотя система эта «не столь утѣшительна, какъ обыкновенно думаютъ, но, къ несчастью, болѣе всего правдоподобна». Впрочемъ, надо замѣтить, что дѣлая

весьма снисходительное представление о необходимости убрать Пушкина изъ Одессы ¹⁾, графъ Воронцовъ не зналъ еще о существованіи этого письма. Надо отдать полную справедливость умѣренности графа Воронцова; отправленное имъ письмо было составлено въ весьма благопріятномъ для Пушкина духѣ; графъ увѣдомлялъ только, что на Пушкина можетъ имѣть вліяніе не совсѣмъ благопріятный общественный строй Одессы и въ концѣ письма выразилъ даже надежду, что письмо его не будетъ принято въ смыслѣ порицанія Пушкина. Въ отвѣтъ на это письмо графъ Воронцовъ получилъ отъ управляющаго министерствомъ иностранныхъ дѣлъ гр. Несельроде отвѣтное письмо на французскомъ языкѣ, въ которомъ было выражено, что «правительство вполнѣ согласно съ его заключеніями относительно Пушкина, но, къ сожалѣнію, пришло къ заключенію, что послѣдній не отказался отъ дурныхъ началъ, ознаменовавшихъ первое время его публичной дѣятельности», доказательствомъ чему приводилось вышеупомянутое письмо объ «аеизмѣ», обратившее на себя вниманіе московской полиціи». Далѣе въ письмѣ гр. Несельроде сообщалось, что принято уже рѣшеніе «исключить Пушкина изъ списка чиновниковъ министерства иностранныхъ дѣлъ, съ объясненіемъ, что мѣра эта вызвана его безпутствомъ (*par son inconduite*), причемъ повелѣвалось «выслать Пушкина въ имѣніе его родныхъ въ Псковскую губернію и подчинить тамъ надзору мѣстныхъ властей»; исполненіе-же этого рѣшенія предписывалось сдѣлать немедленно.

30 іюля 1824 года Пушкинъ, получивъ прогоны

¹⁾ Пушкинъ считался на службѣ въ мин. иностр. дѣлъ, а потому самъ графъ Воронцовъ не могъ его представить къ увольненію или отчисленію отъ должности.

389 р. и 150 р. недоданнаго жалованья, отправился въ путь, давъ подписку слѣдовать по заранѣ составленному маршруту, который былъ приспособленъ тагъ, чтобы, по пути, Пушкинъ не встрѣчался съ своими русскими и польскими знакомыми, подружившимися съ нимъ на югѣ...

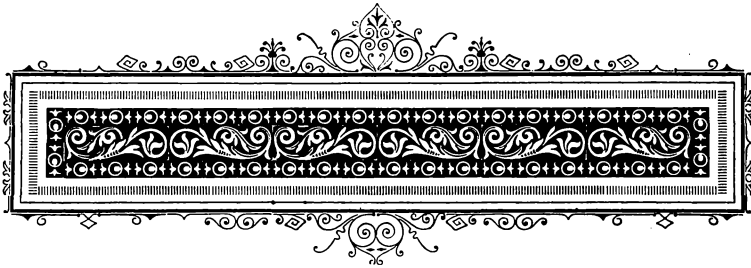
Въ заключеніе нашей статьи сообщимъ нѣсколько замѣтокъ чисто мѣстнаго характера. Во время своего пребыванія въ Одессѣ, продолжавшагося почти годъ, ¹⁾ Пушкинъ жилъ сначала въ «Hôtel du Nord», на Итальянской улицѣ, гдѣ нынѣ домъ Сикарда, а потомъ въ домъ барона Рено, на углу Дерибасовской и Ришельевской улицъ; въ этомъ послѣднемъ помѣщеніи нашъ поэтъ занималъ угольный фасъ съ балкономъ, съ котораго былъ чудесный видъ на море. Въ первой-же изъ своихъ одесскихъ квартиръ, Пушкинъ, по свидѣтельству друга своего Пущина, написалъ первыя части своего «Евгенія Онѣгина», лежа на постели, полураздѣтый и набрасывая строфы на лоскуткахъ бумаги.

S. 20.

¹⁾ Болѣе года.

В. Я.

Къ пребыванію А. С. Пушкина въ Одессѣ ¹⁾.

(Изъ воспоминаній одесситки ²⁾).

Пребываніе А. С. Пушкина въ Одессѣ, описанное въ № 1573 «Новорос. Тел.», живо пробудило воспоминанія о нашемъ незабвенномъ поэтѣ среди лицъ, къ которымъ Александръ Сергѣевичъ имѣлъ отношенія въ Одессѣ.

Почтеннѣйшая и многоуважаемая Ксенья Михайловна Соколова, урожденная Кириакова, — жена бывшаго инспектора одесскаго Лицея, живущая нынѣ въ г. Нико-

¹⁾ «Новороссійскій Телеграфъ», 27 мая 1880 г., № 1579 г.

²⁾ Настоящія воспоминанія присланы были въ редакцію Новорос. Телеграфа при слѣдующемъ письмѣ:

Г. редакторъ! Неудобно-ли вамъ дать мѣсто прилагаемому при семъ письму о пребываніи нашего поэта въ Одессѣ, вызванному прекраснымъ біографическимъ очеркомъ одессита, помѣщеннымъ въ № 1573 вашей газеты?...

Въ Николаевѣ живетъ Ксенья Михайловна Соколова, урожденная Кирыакова, которая лично знаетъ и отчетливо сохраняетъ воспоминанія объ Александрѣ Сергѣевичѣ Пушкинѣ, ежедневномъ посѣтителѣ дома Кирыаковыхъ въ Одессѣ. Пользуясь родствомъ и

лаевъ съ своею дочерью Юліей Григорьевной Рено, отчетливо и ясно представляетъ время, проводимое Александромъ Сергѣевичемъ Пушкинымъ въ собственномъ домѣ Кирьяковыхъ въ Одессѣ. «Домъ нашъ, говоритъ она, находился на углу Коблевской и Дворянской улицъ. Нашъ отецъ (Киріяковъ), во время пребыванія Пушкина въ Одессѣ, былъ предводителемъ дворянства и жилъ открыто. Каждый понедѣльникъ были назначены у насъ танцевальныя вечера. А. С. Пушкинъ былъ у насъ непремѣннымъ посѣтителемъ. Онъ любилъ потанцевать и ко мнѣ, какъ дочери хозяина дома, относился съ предупредительною любезностію и снисходительною лаской. Мнѣ тогда наступала пора первой молодости. Пылкій, живой, впечатлительный Пушкинъ не могъ быть кунтаторомъ въ дѣлахъ сердечныхъ. Особенное неравнодушіе его рѣзко выражалось по отношенію къ двумъ дѣвицамъ нашего круга—Зинаидѣ и Еленѣ Бларамбергъ:

Однажды, на вечерѣ, Александръ Сергѣевичъ, подойдя къ обѣимъ сестрамъ, быстро и рѣшительнымъ тономъ продекламировалъ экспромптъ.

Вы предъ всѣми взяли верхъ,
Предъ вами преклоню колѣна,
О величавая Елена!
О Зинаида Бларамбергъ!...

Это четырехъ—стишіе переходило въ тотъ вечеръ изъ устъ въ уста въ женскомъ обществѣ, гдѣ было рѣшено, что нашъ поэтъ побѣжденъ былъ вдвойнѣ и Зинаидой, и Еленой. Знакомство Александра Сергѣевича съ нашимъ домомъ не было только заурядною принад-

своимъ съ фамиліями Соколовыхъ; Рено и Кантагузиныхъ, я собралъ, со словъ почтеннѣйшей нашей бабушки, Ксении Михайловны, свѣдѣнія о жизни въ Одессѣ нашего поэта въ pendant къ статьѣ, помѣщенной въ 1573 №, и съ ея согласія сообщаю. Авт

лежностію тогдашняго общества, среди котораго вращался нашъ поэтъ въ Одессѣ. Отецъ мой былъ знакомъ съ отцемъ поэта, велъ съ нимъ переписку и зналъ его дѣда. Вотъ почему Александръ Сергѣевичъ обращался къ отцу моему за справками о своемъ дѣдѣ, Ганибалѣ, на что и есть указаніе въ «Евгеніи Онѣгинѣ», который писанъ, по свидѣтельству П. С. Пущина, въ Одессѣ. Какая-то неразрывная связь существовала между Александромъ Сергѣевичемъ Пушкинымъ и Павломъ Сергѣевичемъ Пущинымъ не только въ Одессѣ, гдѣ они насъ посѣщали, но и въ Кишиневѣ, и въ Псковѣ.

Въ Кишиневѣ, когда поэтъ былъ подъ непосредственнымъ надзоромъ генерала Сабанѣва, корпуснаго командира, онъ жилъ у того-же Павла Сергѣевича Пущина, гдѣ писалъ свои «Цыгане», постоянно жалуясь ему: «сапоги разорваны, а денегъ нѣтъ»... Въ Одессѣ, почти каждый день, Пушкинъ приходилъ къ Павлу Сергѣевичу Пущину съ Александромъ Раевскимъ. Этотъ неразлучный тріумвиратъ, какъ ихъ тогда называли, заходилъ и къ намъ. Впослѣдствіи, когда Александръ Сергѣевичъ, по извѣстнымъ нынѣ причинамъ, былъ отправленъ въ свое имѣніе Михайловское (Псковск. губ.), Пущинъ снова является его другомъ.

Изъ Михайловскаго Александръ Сергѣевичъ начинаетъ учащать въ Жадрицы, имѣніе Павла Сергѣевича Пущина, отстоящее въ 3-хъ верстахъ отъ Михайловскаго.

Вотъ одна особенность пріѣздовъ Пушкина. Пушкинъ пріѣзжалъ всегда верхомъ и, слѣзая съ лошади у крыльца Пушкиныхъ, бросалъ поводья, говоря: «даю тебѣ свободу, когда самъ ее не имѣю»... И конь рысью возвращался въ Михайловское, а Пущину приходилось обратно отвозить поэта въ собственномъ экипажѣ.

У Пушкина-же было написано саркастическое стихотвореніе по поводу запрещенія носить офицерамъ фуражки; вотъ его начало:

Когда въ столицѣ нѣтъ Царя,
Разврату нѣтъ и мѣры.
На дрожкахъ ѣздятъ писаря,
Въ фуражкахъ ходятъ офицеры...

Что-жъ касается такъ называемыхъ атеистическихъ выходовъ Пушкина въ Одессѣ, то онѣ, не были слѣдствіемъ вполне усвоенной какой-либо отрицательной системы, а были просто выраженіемъ ходячихъ тогда модныхъ идей, схваченныхъ поэтомъ напрокатъ и переработанныхъ имъ въ острый каламбуръ или не скромно игривую фразу.

Послѣднія-же минуты жизни поэта были моментомъ истинно-христіанскаго примиренія.

Московская бесѣда Государя Императора Николая Павловича съ Пушкинымъ въ Кремлѣ оставили глубокой слѣдъ въ душѣ поэта.

«Скажите Государю Императору», были послѣднія слова Пушкина, «что я примирился съ св. церковью и умираю христіаниномъ (онъ исповѣдывался и приобщился св. Тайнъ).

И это было духовнымъ утѣшеніемъ въ Бозѣ—почившему Государю среди скорби о преждевременной утратѣ народнаго генія...

Быть можетъ и нашъ поэтъ, какъ и Виргилій, глубже анализируя духовныя стремленія человѣка, вызываемыя нерѣдко опытомъ жизни, успѣлъ-бы вѣщимъ

глаголомъ загладить грѣхи юности, если-бы преждевременная смерть не сжала уста....

O, mihi posteritas si referat, Jupiter, annos!...
Но и теперь sit tibi terra... levis!!!

Александръ Беръ.

Г-жа Ризничъ и Пушкинъ ¹⁾.

(Посвящается П. В. Анненкову).

а свѣдѣнія, на основаніи коихъ написана эта статейка, сочинитель искренно благодаритъ г. г. Лучича, де-Рибаса, Деазарта и Писаренко. Должно замѣтить еще, что всѣ лица, упомянутыя въ ней, теперь сошли уже съ земнаго поприща; потому имена ихъ приводятся вполнѣ. Происшествіямъ этимъ минуло теперь 33 года.

Пушкинъ былъ поэтъ жизни по преимуществу: всякое явленіе природы, каждый моментъ жизни, сколько-нибудь интересовавшіе его, проникали глубоко въ его поэтическое чувство и выносились изъ этого чувства свѣтлою думой или въ изящномъ образѣ. Поэтому весьма любопытно и въ извѣстной мѣрѣ даже важно знать — какія стихотворенія его какими случаями его жизни были вызваны. На этомъ основаніи мы рѣшились напи-

¹⁾ Сначала напечатана въ «Одесскомъ Вѣстникѣ» 1856 г., а затѣмъ перепечатана въ «Русскомъ Вѣстникѣ» 1856, т. 6, вып. 1. Стр. 203.

сать и предложить вниманію публики статейку, въ которой, въ означенномъ отношеніи, говорится о трехъ стихотвореніяхъ нашего безсмертнаго поэта.

Пушкинъ раза два или три былъ въ Одессѣ еще до 1823 г., т. е. до перехода своего въ этотъ городъ, на службу, въ штатъ графа (впослѣдствіи князя) М. С. Воронцова. Извѣстно, что во время этихъ пріѣздовъ въ *импровизированный* городъ, какъ любили тогда называть Одессу, поэтъ нашъ познакомился и сблизился съ негоціантомъ Ризничемъ, который былъ родомъ изъ адриатическихъ славянъ, — далмать или кроатъ. Знакомство и сближеніе это было совершенно понятно: одесское общество, тогда немногочисленное, считало въ средѣ своей не много людей, образованныхъ, а къ числу ихъ конечно должно отнести Ризнича и Пушкина. Ризничъ въ то время, о которомъ мы теперь говоримъ, еще не былъ женатъ. Въ 1822 г. уѣхалъ онъ въ Вѣну, съ намѣреніемъ жениться, и весной 1823 г. воротился оттуда съ молодою женой. Пушкинъ переѣхалъ на постоянное жительство въ Одессу въ ту-же пору, и былъ, конечно, однимъ изъ первыхъ знакомыхъ новопріѣзжей дамы. Молодые люди, служившіе въ то зремя при графѣ и посѣщавшіе домъ Ризнича, а въ числѣ ихъ Пушкинъ, убѣждены были, что г-жа Ризничъ была родомъ изъ Генуи. Оказывается однако, что она была дочь одного вѣнскаго банкира, по фамиліи Риппъ, полу-нѣмка и полу-итальянка, съ примѣсью, быть можетъ, и еврейскаго въ крови. Мужъ привезъ жену свою вмѣстѣ съ ея матерью, которая, однакожь, не долго оставалась съ молодыми супругами — не болѣе шести мѣсяцевъ, — и уѣхала обратно за границу.

Г-жа Ризничъ была молода, высока ростомъ, стройна и необыкновенно красива. Особенно привлекательны были

ея пламенные очи, шея удивительной формы и бѣлизны, и черная коса, болѣе двухъ аршинъ длиною. Только ступни я нея были слишкомъ велики. Потому, чтобы скрыть недостатокъ ногъ, она всегда носила длинное платье, которое тянулось по землѣ. Она ходила въ мужской шляпѣ и одѣвалась въ нарядъ полу-амазонки. Все это придавало ей оригинальность и увлекало молодых и не-молодые головы и сердца. Но этотъ нарядъ и, какъ кажется, другія обстоятельства были причиною, что въ высшемъ кругу тогдашняго одесскаго общества, который въ то время, какъ и долго потомъ, сосредоточивался въ одномъ извѣстномъ домѣ, г-жа Ризничъ принята не была. За то всѣ молодые люди, принадлежавшіе къ этому кругу, собирались въ домѣ Ризничъ ¹⁾. Мужъ занималъ здѣсь, какъ по всему видно, вторую роль, а молодая хозяйка вела самую живую, одушевленную бесѣду и играла въ вистъ, до котораго была страстная охотница.

Въ числѣ посѣщавшихъ домъ Ризнича были: А. С. Пушкинъ, В. Туманскій и Исидоръ Собаньскій, не молодой, но богатый помѣщикъ изъ западныхъ губерній ²⁾. Пушкинъ и Собаньскій всѣхъ болѣе волочились за г-жею Ризничъ, всѣхъ болѣе были близки къ ней и всѣхъ болѣе пользовались ея вниманіемъ и довѣріемъ. Но безъ взаимнаго соперничества, безъ ревности двое любить одну и ту-же не могутъ. На сторонѣ Пушкина были молодость и пылъ страсти, на сторонѣ его соперника — золото.

Первое стихотвореніе, въ которомъ, по нашему

¹⁾ На Херсонской улицѣ, въ домѣ бывш. Ризнича, потомъ Арсеневой, а наконецъ Нарольскаго, на углу, напротивъ новаго зданія университета.

²⁾ Фамилія эта встрѣчается въ трагедіи Пушкина «Борисъ Годуновъ». «Собаньскій, шляхтичъ вольный».

мнѣнію, Пушкинъ высказалъ свои отношенія къ г-жѣ Ризничъ, есть «*Элея*» 1823 года. Въ ней, какъ справедливо замѣчаетъ П. В. Анненковъ, выражается сильно возбужденное состояніе души поэта, которое могло имѣть свой источникъ только въ дѣйствительности. Въ самомъ дѣлѣ стихотвореніе это носить на себѣ самыя рѣзкіе и очевидныя слѣды своего возникновенія изъ дѣйствительной жизни. Приведемъ однакожь тѣ стихи изъ него, которые, какъ кажется, прямымъ образомъ указываютъ на отношенія и обстоятельства, выше нами приведенныя.

Ты мнѣ вѣрна: зачѣмъ же любишь ты
Всегда пугать мое воображенье?
Окружена поклонниковъ толпой,
Зачѣмъ для всѣхъ казаться хочешь милой,
И всѣхъ дарить надеждою пустой
Твой чудный взоръ, то нѣжный, то унылый?

Что толпа поклонниковъ окружала г-жу Ризничъ въ Одессѣ, въ томъ также согласны показанія всѣхъ свидѣтелей — очевидцевъ. Что она ко всѣмъ имъ была внимательна, это объясняется тѣмъ, что сама она была невысокаго происхожденія, а окружала ее молодежь и образованная, и принадлежавшая къ высшему кругу, въ которомъ она принята не была. По тщеславію характера молодая красавица желала всѣхъ ихъ увлечь въ свои сѣти. Это очень естественно и понятно.

Увѣрена въ любви моей несчастной,
Не видишь ты, когда въ толпѣ ихъ страстной
Бесѣды чуждъ, одинъ и молчаливъ,
Терзаюсь я досадою одинокой;
Ни слова мнѣ, ни взгляда.... другъ жестокій, и пр.

Красавица знала, что Пушкинъ прикованъ уже къ ея колесницѣ; потому, въ толпѣ поклонниковъ могла и

не обращать на него особеннаго вниманія, какъ это обыкновенно дѣлають записныя кокетки. При томъ Пушкинъ былъ болѣе другихъ близокъ къ ней.... Съ нимъ, слѣдовательно, все могло быть уже кончено.

Скажите *еще соперника* вѣчный мой,
Наединъ заставъ меня съ тобой,
Зачѣмъ тебя привѣтствуетъ лукаво?
Что-жъ онъ тебѣ? Скажи какое *право*
Имѣеть онъ блѣднѣть и *ревновать*?

Стихи эти, какъ и слѣдующіе за ними, слишкомъ явно указываютъ на дѣйствительность. Этотъ соперникъ — никто иной, какъ Исидоръ Собаньскій, по своимъ лѣтамъ и по внѣшнему виду имѣвшій менѣе правъ на сердце красавицы, нежели нашъ поэтъ. Но — золото....

Въ нескромный часъ, межъ вечера и свѣта,
Безъ матери, одна, полуодѣта,
Зачѣмъ должна его ты принимать?
Но я людимъ!.., наединѣ со мною.... и проч.

Мать г-жи Ризничъ въ первые шесть мѣсяцевъ жила съ нею.

Читатель согласится, что эта элегія есть исповѣдь души, пылкой, молодой, терзаемой ревностію, или пожалуй, вызовъ на объясненіе. Стихотвореніе это въ первый разъ помѣщено было въ альманахѣ «Полярная Звѣзда» на 1824 годъ. Тутъ напечатано оно было съ ошибками и неисправностями, что заставило автора почти тогда-же перепечатать его въ другомъ повременномъ изданіи. Но есть одно мѣсто въ этомъ стихотвореніи, которое, хотя и разнится съ текстомъ «Полярной Звѣзды», свидѣтельствуетъ однако само собою, что авторъ поправилъ его противъ этого текста не потому, что въ семъ послѣднемъ была ошибка или опечатка, а

по другой причинѣ. Въ «Полярной Звѣздѣ», стр. 315 четвертый стихъ съ конца начинается словами: *Но ты върна...* Тотъ же стихъ въ послѣдующихъ изданіяхъ читается: *Но я любимъ...* Причина этой поправки объясняется обстоятельствами, которыя Пушкинъ узналъ вскорѣ потомъ и которыя сначала, можетъ быть, были ему неизвѣстны. Сдѣлаемъ еще одно замѣчаніе. Въ означенномъ альманахѣ помѣщено всего девять стихотвореній Пушкина. Изъ нихъ подъ семейю находится его имя. Подъ элегіей же, о которой мы говоримъ, равно какъ и подъ стихотвореніемъ: «Надпись къ портрету», которое также указываетъ на какое то живое лицо, онъ замѣнилъ имя свое звѣздочкой. Не показываетъ ли и это ближайшаго отношенія элегіи къ современнымъ лицамъ?

Наконецъ не объясняютъ ли обстоятельства, приведенные выше сего и того случая, который рассказываетъ Левъ Сергѣевичъ Пушкинъ въ своихъ «Біографическихъ Извѣстіяхъ» о братѣ («Москвитянинъ» 1853) «Однажды, говоритъ онъ, въ бѣшенствѣ ревности, онъ (А. С. Пушкинъ) пробѣжалъ пять верстъ, съ обнаженной головой подъ палящимъ солнцемъ по 35-градусному жару». Не указываютъ ли вышесказанныя обстоятельства на предметъ той-же ревности?

Весною 1824 г. г-жа Ризничъ уѣхала за границу, безъ мужа, со своимъ ребенкомъ. Она не могла, въ продолженіи кратковременнаго своего пребыванія въ Одессѣ, выучиться говорить и понимать по русски: въ домѣ у нея, кромѣ развѣ прислуги, говорили по-итальянски или по-французски. Весьма, поэтому, правдоподобно, что стихотвореніе 1824 г.: «*Иностранкѣ*» (на языкѣ тебѣ невнятномъ...) писано къ ней. При томъ тутъ упоминается о «заблужденіи пріятномъ»; въ кото-

ромъ поэтъ долго могъ находиться по отношенію къ своему сопернику, заблужденіи, которое наконецъ проявилось. (См. выше). Далѣе, Левъ Сергѣевичъ Пушкинъ, въ своихъ «Извѣстіяхъ», говоритъ, что «иностранка, которая, отъѣзжая за границу, просила поэта написать ей что-нибудь въ память ихъ самыхъ близкихъ, двухлѣтнихъ (однолѣтнихъ) отношеній, и которой написано стихотвореніе «Иностранкѣ», — очень удивилась, узнавши, что стихи собственнаго его сочиненія». По характеру г-жи Ризничъ, по настроенію ея чувства и потому, что особенно занимало ея мысли, весьма немудрено, что случай этотъ былъ именно съ нею, и что стихи писаны именно къ ней.

Въ одно время съ г-жею Ризничъ уѣхалъ за границу и соперникъ Пушкина. Онъ достигъ ее на пути, недалеко за русскою границею, провожалъ до Вѣны и вскорѣ потомъ оставилъ ее навсегда. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ по всей вѣроятности, въ началѣ 1825, г-жа Ризничъ умерла, — кажется въ бѣдности и, кажется, въ Генуѣ, прирѣчная матерью мужа. Не знаемъ, когда извѣстіе о смерти любимой нѣкогда женщины могло дойти до Пушкина въ Михайловское, но весьма вѣроятно, что элегія 1825 г. «*Подъ небомъ голубымъ страны своей родной*», писано къ умершей Ризничъ. Комментировать это стихотвореніе и доказывать, что оно относится къ умершей мы считаемъ совершенно излишнимъ. Элегія «подъ небомъ голубымъ» несомнѣнно относится къ ней. Но по свидѣтельству П. В. Анненкова ¹⁾, между рукописью поэта и печатнымъ текстомъ вышло несогласіе. Въ рукописи подъ стихотвореніемъ этимъ рукою автора написано: «29 Юля 1826 года», а внизу слова:

¹⁾ Томъ 1, стр. 195. Томъ 2, стр. 409. Сочиненія А. С. Пушкина.

«Усл.,... о см. 25.

У. о с. Р. И. (не Пли?) М. К. Б.: 24.»

Первая строка этой приписки относится, по мнѣнію нашему, къ г-жѣ Ризничъ, и вотъ какъ объясняемъ мы всѣ эти загадочныя буквы. За нѣсколько дней до 29 Іюля (1826), когда написано было стихотвореніе, Пушкинъ могъ узнать о смерти нѣсколькихъ изъ своихъ старыхъ, петербургскихъ знакомыхъ, послѣдовавшей около того времени ²⁾. На другой день, 25 Іюля, дошло до него извѣстіе о смерти г-жи Ризничъ, этой бывшей подружки его сердца. Поэтъ жилъ тогда уединенно въ Михайловскомъ, и, при всѣхъ этихъ извѣстіяхъ конечно впалъ въ глубокое и сначала мрачное раздумье. Но мракъ этого раздумья разсѣялся черезъ нѣсколько дней, и изъ него возникло это свѣтлое созданіе, эта чудная элегія: «Подъ небомъ голубымъ страны своей родной», о которой П. В. Анненковъ столь справедливо замѣтилъ, что въ ней искренно сочетались истина сердца съ поэзіей. Написавъ элегію 29 Іюля, поэтъ приписалъ внизу ея дни, когда получилъ эти роковыя извѣстія, У (слышалъ) о см (ерти той, въ память коей написаны стихи) 25. У. о. с. Р. И. (П.) М. К. Б. — 24».

Однако Пушкинъ могъ знать о смерти г-жи Ризничъ гораздо прежде Іюля 1826 г. Живя въ Михайловскомъ, онъ былъ въ перепискѣ съ самимъ Ризничемъ, какъ сказывали намъ люди, близкіе къ сему послѣднему, и могъ получить отъ него извѣстіе о смерти. Другимъ подтвержденіемъ того-же служить стихотвореніе Ѳ. Туманскаго: «На кончину Р.», которое *посвящено* А. С. Пуш-

²⁾ Для объясненія буквъ Р. И. (П.) М. К. Б. Смори газеты 1826 года. Авторъ этой статьи хотѣлъ объяснить, что здѣсь говорится о декабристахъ.

В. Я.

кину и въ которомъ рисуется довольно вѣрно портретъ покойницы.

Ты на землѣ была любви подруга:
Твои уста дышали слаще розъ,
Въ живыхъ очахъ, не созданныхъ для слезъ,
Горѣла страсть, блистало небо юга ¹⁾.

Въ концѣ этого стихотворенія, напечатаннаго въ исходѣ 1826 года, находится помѣтка: «Одесса, Июль, 1825» ²⁾. Туманскій не могъ не извѣстить Пушкина о смерти женщины, которая была къ нему столь близка. Если все это такъ, то пушкинская приписка: «Усл. о см. 25.» можетъ быть объяснена еще иначе. Число 25 можетъ означать здѣсь 1825. Дѣлая эту приписку въ 1826 г. и про самого себя, поэтъ можетъ быть для краткости, поставилъ только двѣ послѣднія цифры цѣлаго года, пропустивъ при немъ означеніе столѣтіе (18...). Само-же стихотвореніе, внизу коего сдѣлана приписка, написано въ такомъ случаѣ гораздо послѣ того, какъ поэтъ получилъ извѣстіе о смерти г-жи Ризничъ, и вотъ по какой причинѣ: хотя Пушкинъ и хранилъ въ памяти свою умершую возлюбленную, но къ поэтической думѣ о ней приведенъ былъ позднѣйшими обстоятельствами. И тутъ однакожь — опять одно предположеніе. Переписка съ Ризничемъ могла ограничиться двумя, тремя письмами, отправленными осенью и зимою 1824 г., т. е. вскорѣ послѣ того, какъ поэтъ оставилъ Одессу. Это весьма естественно, потому что все общее между нимъ

¹⁾ Послѣдніе два стиха идутъ въ параллель съ послѣднимъ стихомъ Пушкинскою элегіи 1825 года.

²⁾ Отысканіе стихотворенія Туманскаго: «На кончину Р.» въ печати, чтобы объяснить приписку, сдѣланную Пушкинымъ къ своей элегіи 1825 г., показываетъ, съ какимъ стараніемъ П. В. Анненковъ составилъ свои «Матеріалы для біографіи А. С. Пушкина.»

и его одесскимъ знакомымъ кончилось въ томъ же 1824 году. Туманскій, хотя и написалъ свои стихи въ 1825 году, но посвятить ихъ Пушкину могъ позднѣе, въ 1826 году, т. е. когда отсылалъ ихъ въ печать, — могъ въ то же время извѣстить Пушкина и о смерти Ризничъ и о своемъ посвященіи. Какъ бы то ни было, трудно рѣшить, какое изъ двухъ предположеній нашихъ вѣрнѣе, трудно рѣшить: означаетъ ли число 25, въ припискѣ, 1825 годъ, или 25 Юля, т. е. услышалъ ли Пушкинъ о смерти Ризничъ въ 1825 г., или — 25 Юля 1826 г. Между тѣмъ въ собраніи своихъ стихотвореній элегію: «подъ небомъ голубымъ страны своей родной» Пушкинъ отнесъ къ 1825 году. Какъ объяснить это? По нашему мнѣнію, это объясняется тѣмъ, что поэтъ желалъ отнести свое стихотвореніе къ эпохѣ того событія, которое вызвало это стихотвореніе на свѣтъ. Этимъ только разрѣшается несогласіе между помѣткой стихотворенія въ рукописи и тѣмъ, что авторъ въ печатномъ текстѣ отнесъ его къ 1825 г.

Въ какой мѣрѣ правдоподобны всѣ наши предположенія и толкованія, предоставляемъ судить другимъ. Обязанностію своею сочли мы только разузнать все то, что относится до Пушкина и до г-жи Ризничъ, высказать то, что нами разузнано, и, на основаніи этого разузнаннаго, сдѣлать свои соображенія. Вполнѣ достовѣрнымъ кажется только то, что три стихотворенія: *Элеія 1823 г.*, *Иностранка* и *Элеія 1825 г.* относятся къ г-жѣ Ризничъ, которая въ воздушномъ прелестномъ образѣ пронеслась по землѣ, на своемъ пути встрѣтила нашего поэта и оставила въ душѣ его глубокое чувство. Можетъ быть и все призваніе ея въ этой жизни состояло только въ этой встрѣчѣ и въ чувствѣ.

Еще одна необходимая оговорка. Могут сомнѣваться, точно-ли эти три стихотворенія, о коихъ мы говоримъ, были писаны къ г-жѣ Ризничъ, а не къ другой особѣ. Что касается элегій 1823 г., то, по слѣдующимъ причинамъ, думаемъ мы, относится оно именно къ этой дамѣ. Пушкинъ въ началѣ 1823 г., жилъ, какъ извѣстно, въ Кишиневѣ; большую-же половину этого года провелъ въ Одессѣ. Въ Кишиневѣ не было ни одной женщины, которую любилъ-бы онъ съ такою страстью и ревностью, такъ тяжело и мучительно, съ такимъ «безумнымъ волненіемъ», какъ потомъ жену своего одесскаго пріятели. Вспомнимъ, что это было еще въ первую пору знакомства съ нею, т. е. въ 1823 г. Поэтъ нашъ прожилъ въ Кишиневѣ болѣе двухъ лѣтъ, а ни къ одной изъ тамошнихъ куконицъ не обращался онъ и не объ одной изъ нихъ не писалъ съ такимъ порывисто-страстнымъ волненіемъ. О ножкахъ, напримѣръ, m-lle Россети упоминаетъ онъ совсѣмъ въ другомъ тонѣ. Затѣмъ все стихотвореніе это, исполненное намековъ и личныхъ обращеній, вполне объясняется обстоятельствами любви поэта къ той красавицѣ, которая такъ близко была къ нему въ Одессѣ. Далѣе, что стихотвореніе 1824 г. «Иностранкѣ», писанное на прощаніе съ нею, при отъздѣ ея за границу, относится къ г-жѣ Ризничъ, а не къ какой-либо другой дамѣ, доказывается тѣмъ, что никакою другою иностранкой, которая-бы притомъ въ 1824 г. выѣзжала за границу, Пушкинъ въ Одессѣ занять не былъ. Конечно, стихотвореніе это отличается инымъ, болѣе спокойнымъ тономъ, нежели Элегія 1823 г.; но вспомнимъ, что оно писано въ минуту разставанья, когда все прерывалось, оканчивалось, быть можетъ на долго, на всегда. Наконецъ, что въ Элегіи 1825 года «Подъ небомъ

голубымъ страны своей родной», вспоминаетъ онъ туже особу, доказывается тѣмъ, что изъ знакомыхъ дамъ поэта и близкихъ къ нему въ эпоху его одесской жизни только она, г-жа Ризничъ, уѣхала за границу и тамъ въ скорости умерла. Пушкину, кромѣ г-жи Ризничъ, нравилась въ Одессѣ только одна дама (не иностранка), съ которою былъ онъ однако болѣе въ свѣтско-враждебныхъ отношеніяхъ, и м-лле Бларамбергъ, дочь извѣстнаго здѣшняго археолога, очень умная и образованная дѣвица, съ которою любилъ онъ бесѣдовать по вечерамъ у графа, и которая не могла считаться иностранкою. Отношенія ихъ обѣихъ къ Пушкину ни мало не высказываются въ трехъ стихотвореніяхъ, о коихъ мы говоримъ.

Стихотворенія: «*Заклинаніе*» (1828) и «*Для береговъ отчизны дальней*» (1830), по мнѣнію П. В. Анненкова, будучи взяты вмѣстѣ съ Элегіей «*Подъ небомъ голубымъ страны своей родной*», составляютъ одну трехчленную лирическую пѣснь, обращенную къ какому-то неизвѣстному лицу или, можетъ быть, къ двумъ лицамъ, умершимъ за границей. Предположеніе это совершенно правдоподобно, и если два первые, какъ и третье изъ этихъ стихотвореній, относятся къ тѣнямъ легкомысленной красавицы-иностранки, плѣнившей Пушкина въ Одессѣ, то, на долю ея все-таки выпалъ жребій возрастить въ русской поэзіи не три, а пять прекрасныхъ цвѣтковъ.

Ж. Зеленецкій.

Одесса,
11 Апрѣля 1856.

Къ біографіи Пушкина ¹⁾.

казать съ точностью, достойною столь великаго поэта, гдѣ жилъ Пушкинъ въ Одессѣ — нѣтъ никакой возможности. Одинъ только человѣкъ могъ-бы сказать это, если-бы къ нему обратились, — это почтенный ветеранъ 1812 года, а теперь сенаторъ А. И. Казначеевъ. Въ 1823 году онъ былъ начальникомъ канцеляріи князя Воронцова и самымъ горячимъ покровителемъ Пушкина; до того-же, по моему мнѣнію, рѣшеніе этого вопроса весьма затруднительно.

Въ Одессу я пріѣхалъ изъ Москвы въ іюнѣ 1828 года, въ то время въ Москвѣ, и слѣдственно въ большей части Россіи, имя Пушкина было уже знаменито, и когда вышла въ свѣтъ первая глава «Евгенія Онѣгина», онъ уже стоялъ на вершинѣ своего поэтическаго поприща. Князь А. А. Шаховской ставилъ на москов-

¹⁾ Одес. Вѣстн. 1880 г. 25 Іюля № 168.

ской сценѣ поэмы Пушкина и приводилъ насъ, публику, въ настоящій восторгъ. Въ Одессѣ, напротивъ, въ это время уже не помнили о пребываніи въ ней Пушкина, и за неимѣніемъ книжнаго магазина, мало кто зналъ о существованіи даже его произведеній, которымъ рукоплескала вся Россія. Я лично убѣдился, что въ 1828 году только князь Воронцовъ, М. М. Кирьяковъ, П. Т. Морозовъ и въ особенности генералъ Пущинъ знали о выходѣ «Онѣгина» и другихъ поэмъ Пушкина. Даже сочиненія Жуковского были мало извѣстны. Только съ основаніемъ небольшой книжной лавки Ключкова, на Дворянской улицѣ, начали появляться русскія книги, — сперва учебники, а послѣ историческія и литературныя произведенія отечественныхъ писателей. Поэмы Пушкина явились едва въ 1830 годахъ. Замѣтимъ мимоходомъ, что до Ключкова нѣсколько русскихъ книгъ, преимущественно московскихъ изданій, покоились въ хорошемъ переплетѣ въ шкафахъ посуднаго и стекляннаго магазина Ширяева, и тамъ добылъ я впервые книги Карамзина. Въ это время изъ прежнихъ знакомыхъ Пушкина въ Одессѣ Туманскій и Синявинъ оставили службу при князѣ Воронцовѣ; Левшинъ былъ въ Италіи для изученія карантинныхъ; Казначеевъ былъ градоначальникомъ въ Феодосіи. Первая жена негоціанта Ризнича, предметъ особеннаго поклоненія Пушкина, умерла; знаменитая красавица «Гречанка» Мавроени уѣхала изъ Одессы и вышла замужъ за греческаго консула Мано. Въ 1828 году я нашелъ въ Одессѣ только одного изъ друзей Пушкина, котораго онъ, какъ говорятъ, посѣщалъ почти ежедневно — это былъ генералъ Пущинъ, поселившійся въ Одессѣ послѣ 1815 года, гдѣ и женился на одной изъ здѣшнихъ красавицъ, вдовѣ полковника Аркудинскаго.

Въ то время одинъ только человекъ зналъ близко и даже очень близко Пушкина во время пребыванія его въ Кишиневъ и Одессѣ. Это былъ мелкій чиновникъ изъ секретной канцеляріи Бахметьева, Инзова, а послѣ князя Воронцова, — именно В. С. Писаренко, впоследствии секретарь одесскаго института благородныхъ дѣвицъ. Близкое знакомство простаго канцелярскаго писца съ бессмертнымъ нашимъ поэтомъ произошло по слѣдующему обстоятельству, о которомъ покойный Писаренко, умершій въ крайней нищетѣ, рассказывалъ мнѣ не разъ. Генераль Инзовъ полюбилъ Пушкина какъ родного сына, не смотря на его странности, которыя незабвенный Иванъ Никитичъ называлъ «маской байронства». Переѣзжая на службу въ Одессу въ качествѣ временнаго генераль-губернатора, Инзовъ взялъ Пушкина въ Одессу и въ 1823 году передалъ его съ самою теплою рекомендаціей своему другу и преемнику князю М. С. Воронцову. Опасаясь иногда слишкомъ эксцентрическихъ выходовъ Пушкина, навлекавшихъ ему не только непріятности, но и дуэли, онъ далъ ему въ видѣ «негласнаго» дядьки В. С. Писаренко, зная его скромность и особенное терпѣніе. Пушкинъ числился при дипломатической канцеляріи, которой В. С. былъ архивариусомъ; эта канцелярія, учрежденная въ 1823 году, была подъ начальствомъ сперва барона Брунова, а послѣ тайнаго совѣтника Марини. Она помѣщалась въ небольшомъ бѣломъ домикѣ, въ томъ углу городскаго сада, гдѣ построена теперь деревянная галлерей заведенія искусственныхъ минеральныхъ водъ. Этотъ домикъ принадлежитъ къ постройкамъ дома адмирала Де-Рибаса, уступленнаго городу, въ которомъ теперь уже болѣе 50 лѣтъ помѣщается дирекція и буфетъ этихъ водъ. По 1827 годъ тамъ была канцелярія князя Воронцова,

который жилъ тогда въ домѣ Крамарева, на углу Преображенской площади. Въ этомъ-же бѣломъ домикѣ жилъ Писаренко и очень часто ночевалъ Пушкинъ. Нерѣдко случалось, что Пушкинъ пропадалъ по цѣлымъ днямъ и приходилъ ночевать въ квартиру Писаренки, а главное мучить его рассказами о случившихся будто съ нимъ хлопотахъ и несчастіяхъ. На стѣнахъ этой квартиры я видѣлъ еще въ 1830 годахъ разныя каррикатурныя изображенія сослуживцевъ Пушкина, а чаще всѣхъ этого самаго Писаренки. Рисовалъ-ли ихъ самъ Пушкинъ или чудакъ Тотти, бывший впоследствии одесскимъ гофмаклеромъ, — неизвѣстно. Одно только достовѣрно, что два слѣдующіе стиха

«Аристократомъ ходить Беръ,
А Палень корчитъ демократа» ¹⁾

были написаны краснымъ карандашемъ рукою поэта, и оттого мы старались сохранить совершенно испорченную стѣну до сломки самаго домика.

Повторяемъ: гдѣ постоянно жилъ Пушкинъ въ Одессѣ — никому, вѣроятно, неизвѣстно. Покойный Отонъ (Cezar Autonne), пріѣхавшій въ Одессу вмѣстѣ съ герцогомъ Ришелье, содержалъ въ 1820 годахъ небольшую превосходную гостинницу, на Дерибасовской улицѣ, въ небольшомъ домикѣ, на мѣстѣ котораго построенъ впоследствии домъ Жульена и гдѣ теперь книжный магазинъ Бѣлаго. Въ этомъ домикѣ были двѣ или три небольшія квартиры, въ которыхъ останавливались люди высшаго класса и гдѣ жилъ одинъ изъ друзей Пушкина, извѣстный кутила генералъ князь N. N. Очень можетъ быть, что и Пушкинъ, имѣвшій аристо-

¹⁾ Графъ Палень былъ одесскимъ градоначальникомъ, а Беръ интендантскимъ чиновникомъ при генералъ-губернаторѣ.

кратическія привычки, занималъ одну изъ этихъ квартиръ, тѣмъ болѣе, что онъ любилъ Отона и даже воспѣлъ его въ описаніи Одессы.

Изъ весьма немногихъ современниковъ Пушкина, жившихъ въ Одессѣ въ 1822 — 1823 гг., одинъ, бывший тогда студентомъ основаннаго въ 1817 г. Ришельевского лица, живетъ до сихъ поръ въ Одессѣ. Онъ говоритъ, что онъ всякій день встрѣчалъ Пушкина, идущаго мимо его дома, по Херсонской улицѣ, и какъ онъ узналъ послѣ, А. С. направлялся утромъ въ домъ генеральши Пущиной, а вечеромъ въ домъ Ризнича, котораго супруга, сербская красавица, вскорѣ умершая, была предметомъ его обожанія. Почтенный одесскій старожилъ сознается, что онъ и многіе другіе больше знали суковатую палку, длинные волосы и, въ противность модѣ, загнутые внизъ воротнички рубашки Пушкина, нежели его сочиненія, а тѣмъ болѣе угадывали будущую его поэтическую славу.

Вотъ почему я бы полагалъ, вмѣсто имени «Пушкинской», которой дали Итальянской улицѣ, устроить фонтанъ съ его бюстомъ [на небольшой площадкѣ передъ бывшимъ театромъ, куда въ 1820 годахъ собиралась вся хорошая одесская публика для мороженного и лимонадовъ, располагаясь на камняхъ отъ полуразрушеннаго домика, принадлежавшаго съ 1803 по 1814 годъ герцогу Ришелье, въ чемъ и я участвовалъ въ 1828 и 1829 годахъ-

А. Счалковскій.

Къ чествованію памяти Пушкина.

(Письмо въ редакцію ¹⁾).

М. г., г. редакторъ! Прочитавши въ № 335 «Одесск. Вѣстника», что новороссійскій университетъ 29 января 1887 г. будетъ чествовать особымъ актомъ пятидесятилѣтіе со дня смерти А. С. Пушкина и что къ этому дню будетъ издана проф. Яковлевымъ особая брошюра, я вспомнилъ о томъ неожиданномъ обстоятельстве, которое доставило мнѣ случай въ стѣнахъ ришельевского лица, еще воспитанникомъ 4-го класса или реторики, какъ тогда называли, удостоиться бесѣды съ нашимъ бессмертнымъ поэтомъ. Полагая, что краткій рассказъ объ этомъ можетъ имѣть въ настоящее время хоть нѣкоторый интересъ, я покорнѣйше прошу дать ему мѣсто въ «Одесск. Вѣстникѣ».

Въ 1824 г., въ іюлѣ мѣсяцѣ, числа не помню, во время каникулъ, я, воспользовавшись данной намъ, оставшимся въ заведеніи воспитанникамъ, свободой, отправился утромъ, послѣ завтрака, въ свой классъ, чтобы *секретно* прочитать принесенную мнѣ изъ города поэму Пушкина «Русланъ и Людмила». ²⁾ а изъ пре-

¹⁾ «Одесскій Вѣстникъ» 25 декабря 1886 г., № 346.

²⁾ Поэма эта тогда считалась для насъ запрещенною книгою, и вообще, кромѣ казенной хрестоматіи, мы ничего не читали. Помню еще въ словесности Никольскаго мы съ жадностію перечитывали

досторожности взялъ рѣчи Цицерона на случай внезапнаго посѣщенія начальства. У меня была привычка читать въ слухъ, и я, взобравшись на кафедрѣ, сталъ громко декламировать стихи. Прочитавши уже довольно, я остановился, чтобы перевести духъ, вдругъ слышу чьи то шаги въ корридорѣ и, полагая, что это инспекторъ или надзиратель, я поспѣшно спряталъ поэму въ кафедрѣ и, развернувши Цицерона, сталъ съ жаромъ декламировать первую попавшуюся мнѣ рѣчь, кажется pro Archia Poeta. Въ это время входитъ въ классъ незнакомая особа въ странномъ костюмѣ: въ свѣтлосѣромъ фракѣ, въ черныхъ панталонахъ, съ красной феской на головѣ и съ ружейнымъ стволомъ въ рукѣ вмѣсто трости. Я привсталъ, онъ мнѣ поклонился и, не говоря ни слова, сѣлъ на край ученической парты, стоящей у кафедры. Я смотрѣлъ на это съ недоумѣніемъ, но онъ первый прервалъ молчаніе:

— Я когда-то сидѣлъ тоже на такой скамьѣ, и это было самое счастливое время въ моей жизни.

Потомъ, обратившись прямо ко мнѣ, спросилъ:

— Что вы читаете?

— Рѣчи Цицерона, отвѣтилъ я.

— Какъ ваша фамилія?

— Сумароковъ.

— Славная фамилія! вы вѣрно пишете стихи.

— Нѣтъ.

какую-то повѣсть «Вольдемаръ», переведенную съ нѣмецкаго, кажется, Жуковскимъ. При этомъ я вспомнилъ интересное обстоятельство: не помню въ какомъ году, тогдашній издатель «Отечественныхъ записокъ» Павелъ Петровичъ Свиньинъ, посѣщая лицей, пожелалъ видѣть бібліотеку. Я думаю, онъ былъ не мало удивленъ при видѣ, какъ его изданіе спокойно лежало на полу, связанное по листамъ. Вотъ доказательство, какъ тогда читались русскія книги. Сказанное выше могу подтвердить тѣмъ, что это я видѣлъ самъ, помогая профессору Симоновичу приводить бібліотеку въ порядокъ.

- Читали вы Пушкина?
- Намъ запрещено читать его сочиненія,
- Видѣли вы его?
- Нѣтъ я рѣдко выхожу изъ заведенія.
- Желали-бы его видѣть?

Я простодушно отвѣчалъ, что, конечно, желалъ-бы о немъ много говорить въ городѣ, какъ мнѣ передали мои товарищи.

Онъ усмѣхнулся и, посмотрѣвши на меня, сказалъ:

— Я Пушкинъ, прощайте.

Слова эти поразили меня, и хоть мнѣ было тогда 16 лѣтъ, но я почувствовалъ какое-то особое волненіе. Сказавъ это, онъ направился къ дверямъ. Я проводилъ его до самаго выхода и смотрѣлъ на него съ особеннымъ любопытствомъ. Когда мы шли по длинному корридору, онъ сказалъ:

— Однако у васъ въ лицѣ, какъ я вижу, свободный входъ и выходъ?

— Это по случаю каникулъ; такъ какъ осталось мало воспитанниковъ въ заведеніи, то начальство полагается на наше благоразуміе и не стѣсняетъ насъ особеннымъ надзоромъ.

Съ этимъ мы расстались, и я уже никогда не видѣлъ Пушкина.

А. Сумароковъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	Стр.
Предисловіе.	
1. Отзывы одесскихъ газетъ 1837 года о смерти Пушкина.	
а) Статя «Одесскаго Вѣстника»	3
б) Статя «Journal d'Odessa»	5
с) По поводу статьи «Одесск. Вѣстн.» о смерти Пушкина. <i>Н. Г. Тройницкаго</i>	7
2. Изъ Кишинева о Пушкинѣ. <i>Л. С. Мацневича</i> ...	14
3. Кишиневскія преданія о Пушкинѣ. <i>Его-же</i>	57
4. Пушкинъ и Людмила И—ви. <i>А. Тре—бова</i>	84
5. Кишиневъ, 21 Мая (1880 г.). <i>М. З.</i>	93
6. Нѣсколько словъ объ А. С. Пушкинѣ. <i>Г. Г.</i>	96
7. Нѣсколько словъ о пребываніи Пушкина въ Кишиневѣ. <i>Н. Гербановскаго</i>	100
8. Разказы Одесскаго старожила <i>М. Де-Рибаса</i> . ..	110
9. Новыя подробности о пребываніи Пушкина въ Одессѣ. <i>З. Ш.</i>	122
10. Къ пребыванію Пушкина въ Одессѣ. <i>А. Берна</i>	132
11. Г-жа Ризничъ и Пушкинъ. <i>К. Зеленецкаго</i>	137
12. Къ біографіи Пушкина. <i>А. Скальковскаго</i>	149
13. Къ чествованію памяти Пушкина. <i>А. Сумарокова</i> . ..	154

